

ДНЕВНИК КИСЛОРОДНОГО ВОРА

АНОНИМ

18+

«Сначала он крадет у тебя кислород, а потом плюет тебе прямо в лицо. Аноним – один из самых противоречивых героев, которых я встречал в современной литературе».

**ЛОРЕНЦО ДЕРИТА, ГЛАВНЫЙ
РЕДАКТОР COLORS MAGAZINE**

«Эксцентрично,
претенциозно,
сногшибательно».

NEW YORK MAGAZINE

«Неожиданная
темная лошадка».

**ДЖОНАС КАЙЛ, SPOONBILL
& SUGARTOWN**

«Скотт Фицджеральд
для поколения iPad».

**РИЧАРД НЭШ, АВТОР
КНИГИ «КАК УСТРОЕН
ЛИТЕРАТУРНЫЙ БИЗНЕС?»**

АНОНИМ

DIARY OF AN OXYGEN THIEF

ANONYMOUS

**GALLERY
BOOKS**

ДНЕВНИК КИСЛОРОДНОГО ВОРА

АНОНИМ

БОМБОРАTM

Москва 2019

УДК 821.111-94(492)
ББК 84(4Нид)-44
Д54

Anonymous
Diary of an oxygen thief

Copyright © 2006 by Anonymous
This edition is published by arrangement
with WAXMAN LEAVELL LITERARY AGENCY and The Van Lear Agency LLC.

Д54 **Дневник** кислородного вора / Аноним ; [пер. с англ. Э.И. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2019. — 240 с.

ISBN 978-5-699-99531-8

Аноним — пиарщик из Ирландии, скрывающий свое имя. Алкоголик, параноик, абьюзер — его обожают и хотят женщины. Неуверенный в себе и неприметный, он может соблазнить любую, после чего разобьет ей сердце. Чем больше он унижает женщин, тем сильнее они его любят.

Он неуязвим, ему невозможно противостоять. Он — кислородный вор, который крадет чужой воздух и проживает пустую и бесцельную жизнь... до тех пор, пока сам не становится жертвой.

УДК 821.111-94(492)
ББК 84(4Нид)-44

ISBN 978-5-699-99531-8

© Мельник Э. И., перевод на русский язык, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

раненые люди
ранят других

Мне нравилось причинять боль девушкам.

Психологическую, не физическую — за всю жизнь я ни одной девушки не ударил. Ладно, один раз. Но это вышло случайно. Я расскажу о том случае... попозже. Короче, я прямо-таки кончал от этого дела.

Получал истинное удовольствие.

Ну, типа как серийные убийцы говорят, что не испытывают ни сожалений, ни угрызений совести из-за смертей всех тех, кого они убили. Вот и я был такой: обожал это дело. Мне плевать было, сколько на это уйдет времени, ведь я никуда не спешил. Я выжидал, пока они не втрескаются в меня по уши. Пока не станут смотреть на меня большими, точно блюдца, глазами. Я тащился от выражения шока на их лицах. А потом стеклянный блеск в глазах, когда они пытались скрыть, как сильно я их обидел. И все в рамках закона. Думаю, нескольких я таки убил. Их

души, я имею в виду. Я ведь охотился за душами. Знаю, пару раз я подходил к этому совсем близко.

Но не беспокойтесь, возмездие меня настигло. Потому-то я вам об этом и рассказываю. Справедливость восторжествовала. Равновесие было восстановлено. Со мной случилось то же самое, только хуже. Хуже — потому что это случилось со мной. Я теперь чувствую себя очистившимся, знаете ли. Отмытым. Я наказан, так что — почему бы не рассказать об этом? По крайней мере, так это представляется мне.

Я повсюду таскал с собой груз виновности в своих преступлениях — еще не один год после того, как бросил пить. Я не мог даже взглянуть на девушку, не то что поверить, будто заслуживаю разговора с ней. Или, может быть, просто боялся, что она увидит меня насквозь. Что так, что сяк — результат один: после вступления в Общество анонимных алкоголиков я целых пять лет даже не целовался с девушками. Серьезно. Даже за ручку не держался.

Я был настроен серьезно.

Наверное, в глубине души я всегда знал, что у меня есть проблема с алкоголем. Просто ни разу не отваживался ее принять. Я пил чисто ради внешнего эффекта. Но, с другой стороны, как я погляжу, разве не все так делают? До меня начало доходить, что де-

ло плохо, когда я стал нарываться на побои. Конечно, это мой язык доводил меня до беды. Я подгребал к самому здоровенному бугаю в компании, заглядывал ему снизу в ноздри и обзывал педрилой. А когда он с размаху бил меня в лицо лбом, я говорил:

— Да у тебя жопа вместо лица.

.....

Мне нравилось причинять боль.
Я охотился за душами девушек,
но возмездие меня настигло.

.....

Тогда бугай повторял свой прием — на сей раз мощнее. После второго раза мое красноречие шло на спад. Одна из моих «жертв» приложила меня головой об электрическую конфорку. В Лимерике. В Столице Поножовщины. Мне повезло, что удалось убраться из того дома живым. Однако сделал он это, потому что я насмеялся над его пришепетыванием. Может, потому-то я и перешел на девушек. Это как-то лучше отвечает тонкому вкусу, неужто вы не знали? И девушки не принимались меня избивать. Они просто смотрели на меня — потрясенно и неверяще.

Их глаза, сами понимаете...

Все притворство и «правила» мигом рассасывались. Оставались только мы двое и боль. Все эти интимные моменты, все тихие вздохи, нежные прикосновения, занятия любовью, признания, удавшиеся оргазмы, неудавшиеся оргазмы — все это было просто топливо. Чем глубже они увязали, тем прекраснее было зрелище, когда наставал тот самый момент. И я жил ради этого момента.

Весь этот период я работал в Лондоне, фрилансером в рекламе. Арт-директором. Явное противоречие, но уж как есть. Тем же занимаюсь и сегодня. Как ни странно, деньги я всегда умел зарабатывать. Еще в художественной школе получил грант, потому что мой папаша только что вышел на пенсию, и я внезапно стал «удовлетворять критериям». А после этого без особых проблем находил одно рабочее место за другим.

Я никогда не был похож на пьяницу, я просто был им, да и вообще, в те дни рекламное дело намного сильнее располагало к пьянству, чем сегодня. Будучи фрилансером, я, так сказать, был сам себе хозяин и не давал себе скучать, заводя одновременно по несколько подружек. Ни одной девушке не полагалось об этом знать. Идея состояла в создании впечатляющего списка ожидания, чтобы, когда одна девушка приблизится к стадии созревания — обычно после

трех-четырех свиданий с парой телефонных разговоров в промежутке, — в очередь уже встала другая. Тогда, после того как одна отправится в утиль, новая сможет занять ее место. В моем методе не было ничего необычного, все так делали. Но как же я от этого кайфовал! Не от секса и даже не от самого завоевания, а от причинения боли.

Это после безумного вечера с Пен — подробности будут через минуту — до меня дошло, что я нашел свою нишу в жизни. Я каким-то образом умудрялся заманивать этих созданий в свое логово. В половине случаев я пытался их оттолкнуть, но это давало лишь противоположный эффект. И тот факт, что их влекло к куску дерьма вроде меня, заставлял меня ненавидеть их еще сильнее, чем если бы они расхохотались мне в лицо и пошли своей дорогой. Моя внешность? Да ничего особенного, хотя мне говорят, что у меня красивые глаза. Глаза, не способные излить ничего иного, кроме правды.

Говорят, что море на самом деле черное и что оно просто отражает голубое небо над собой. Так было и со мной. Я позволял им любоваться собой в моих глазах. Я обеспечивал определенную услугу. Я слушал, и слушал, и слушал. Они откармливали меня собой.

Ничто никогда не казалось мне более правильным. Если говорить честно, то даже сегодня мне не хватает этого — чужой боли. Я не исцелился, но уже не настроен систематически срывать покровы, как когда-то. По выпивке я и вполовину так не скучаю. О, снова причинять боль!.. Уже после тех бурных денечков я услышал одну поговорку, которая, кажется, весьма к месту. Раненые люди ранят других.

Теперь я понимаю, что мне было больно, и я хотел, чтобы другие тоже ощутили боль. Это был мой способ коммуникации. Я знакомился с женщинами, в первый вечер получал непременно номер телефона, потом, спустя пару дней, заставив их немного попотеть, звонил — весь такой нервный. Они это обожали. Я приглашал их на свидание, притворяясь, что почти никогда не делаю этого, и приговаривая, что не так часто хожу по барам в Лондоне, поскольку не знаю по-настоящему, что тут и как. Это, кстати, была правда, потому что единственное, чем я занимался, — надирался до отключки в местных барах вокруг Камберуэлла.

Мы договаривались где-нибудь встретиться. Мне нравился Гринвич с его рекой и лодками, и, разумеется, пабами. И еще в нем была прекрасная атмосфера типа «мальчик девочку любил». Милая

и респектабельная. Я был наполовину пьян еще до того, как мы встречались, но оставался остроумным, очаровательным, и таким мальчишечкой, и весь дрожал. Она улыбалась и отпускала замечания по поводу моей трясучки, думая, что я нервничаю, стараясь произвести на нее хорошее впечатление. Пыталась меня успокоить. Поскольку мне не удавалось залить в себя достаточное количество спиртного, само мое существо содрогалось. Мне приходилось заказывать по два больших «джеймисона» у стойки на каждую полупинту лагеря для нее. Я опрокидывал свои «джимми» втайне от нее, а потом продолжал ломать комедию.

.....

Как же я от этого кайфовал!

Не от секса и даже не от самого завоевания, а от причинения боли.

.....

Чудесно.

Мне на самом деле было все равно, уложу я ее в койку или нет. Мне просто нужна была компания до тех пор, пока меня все не достанет, пока во мне не накопится кураж, чтобы сделать больно. И она казалась довольной, потому что я не пытался ее лапать. Иногда — да. Но по большей части я вел себя

вполне благовоспитанно. Так продолжалось еще пару свиданий. И все это время я поощрял ее рассказывать о себе.

Это очень важно для того, чтобы потом добиться полного успеха. Чем больше они откровенничают и вкладывают в тебя, тем глубже шок, и тем больше удовлетворения приносит тот самый момент в конце. Так что мне рассказывали о повадках собак, об именах плюшевых мишек, о перепадах настроения отцов, о страхах матерей. Люблю ли я детей? Сколько у меня братьев и сестер? Ситком, который мне приходилось высидеть от начала до конца. Но я был не против, потому что знал, что скоро вычеркну ее из титров сериала.

Она говорила, и говорила, и говорила, а я кивал. В стратегических местах поднимал бровь. При необходимости гримасничал. Глупо ухмылялся или имитировал потрясение — в общем, что требовалось по ситуации. Я часто наблюдал за людьми, занятыми разговором, и фиксировал выражения их лиц. Интерес: чуточку поднять одну бровь... опустить или вздернуть другую, в зависимости от содержания разговора. Влечение: постараться покраснеть. Это не так-то просто (помогали мысли о том, что я сделаю с ней позднее). А румянец порождает румянец. В смысле, если мне удавалось

покраснеть, она почти наверняка краснела в ответ. Сочувствие: наморщить лоб и мягко кивать. Очарованность: голову вверх и чуть вбок, и смущенно улыбаться.

Я выставлял эти заранее заготовленные маски «по свистку». Это было легко. Это было приятно. Парни всегда это делали, чтобы перепихнуться. Я делал это, чтобы поквитаться. Отомстить всему Женскому Роду. Такова была моя миссия. Примерно в это время я открыл для себя значение слова «мизогин» — женоненавистник. Помню, думал: как забавно, что в этом слове есть модное ныне обращение «миз».

.....

Раненые люди ранят других.

.....

Единственное, что не вызывало сомнений, — это то, что мне становилось легче, когда я видел, что больно кому-то другому. Но, разумеется, она часто пыталась скрыть, как сильно я ее ранил. Да, это само по себе было нелегко — помочь ей выплеснуть чувства наружу; но какое же настигало дьявольское разочарование, когда я лез из кожи вон, а потом не мог насладиться драматической отдачей! Вот почему возникла необходимость сгущать все в этот единственный демонстративный момент.

Софи была из Южного Лондона. Она когда-то накладывала макияж Энгусу Брейди из комедийного сериала «Разве вы не рады меня видеть?»¹. Я познакомился с ней на вечеринке художественной школы Камберуэлл, которую сорвал. После нее была та девушка-дизайнер (чье имя, вот вам крест, не могу вспомнить), которую, уверен, я ранил очень глубоко, поскольку она мне больше ни разу не позвонила. Забавно. Хотя я больше никогда с ней не виделся и вообще ничего о ней не слышал, было ясно: она очень тяжело это восприняла. Откуда я это знаю?

Я знаю.

Потом была Дженни. Это та, которая выплеснула пиво мне в лицо. Я был в восторге от того, что приложил руку к такому взрыву бешенства.

Потом была Эмили. Но она не считается, потому что она была так же хороша в этом... как его... как и я, если не лучше. Я типа как влюбился даже.

Где-то там еще между ними была Лора. Бывший менеджер рок-группы с великолепной задницей и малолетним сынком. Однажды утром я проснулся и обнаружил, что восьмилетний пацан наблюдает, как я пытаюсь выпутаться из веснушчатых щупаль-

¹ Большая часть названий и имен в книге вымышлена. —
Здесь и далее, если не указано иное, прим. переводчика.

цев его мамы-коматозницы. А потом, когда он наложил на меня повинность отконвоировать его в школу, у меня возникло ощущение, что маменька и сынок по полной юзали мужчин, проходивших через их жизнь. Типа коренной американец и буйвол, эскимос и морской котик, мамаша на пособии и я.

.....

Я желал поквитаться.
Отомстить всему Женскому Роду.
Такова была моя миссия.

.....

И еще была та, с которой все началось.

Пенелопа Арлингтон. Я встречался с ней четыре с половиной года. Это длительный срок. Она была добра ко мне. Добрее, чем любая другая девушка в моей жизни. Когда я говорил, Пенелопа поворачивалась ко мне, и казалось: единственное, что сейчас имеет значение, — это смысл моих слов. Мне это нравилось. Лишь намного позднее я выяснил, что она никакая в постели. А в то время она казалась мне распутницей. На самом деле она ею не была. Но именно о причиненной ей боли я больше всего сожалею. Почему? Потому что она этого не заслужила. Не то чтобы этого заслуживали другие, но она

не бросила бы меня, если бы я не разодрал ей душу в клочья. А мне нужно было, чтобы она меня бросила, потому что она встала между мной и моим пьянством.

И однажды вечером я просто сломался. Накипало уже целую вечность. Тепло, горячо, пузырилось, булькало... и вот взбурлило. Я надрался до головокружения, и с громыханием начала разворачиваться вся эта цепь событий. С чего вдруг человек задается целью разбить сердце того, кого любит? С чего вдруг ему хочется намеренно причинить такую боль? Почему люди убивают друг друга?

Потому что это доставляет им удовольствие. Действительно ли все так просто?

Если стоит задача добиться, чтобы душа разлетелась вдребезги, лучше, чтобы исполнитель прошел через такое же переживание. Раненые ранят других искуснее. Эксперт по разбиванию сердец по опыту знает воздействие каждого удара. Острие проскальзывает внутрь едва заметно, боль и извинения приходят почти одновременно.

Я устал от девушки, с которой встречался четыре с половиной года. Я любил ее. Это и было самое ужасное в том, о чем я собираюсь вам рассказать. Существует возможность, что она где-то там в эту

самую минуту читает эти строки. Вы, прочие, отвернитесь-ка, следующие слова предназначены только для нее.

Пен, мне так жаль! Мне необходимо было сделать тебе больно. Я знал, что все близится к финалу. Я знал, что ты начала презирать меня. Ты пыталась скрывать свои чувства, но они пробежали рябью по твоему лицу. Отвращение. Я стал ненавидеть тебя за это. За то, что у тебя не хватало духу сказать о том, что ты на самом деле обо мне думаешь. Так что пришлось собраться с духом и сделать это за тебя.

Остальные, теперь можете повернуться.

.....

Пен была красивой,
веселой и заботливой,
но мне было скучно... так скучно!

.....

Был пятничный вечер, я сидел в каком-то пабе в парке Виктории. В очередной раз я ушел с работы. Еще одно рекламное агентство, где еще один ворох концепций подвергся массовому уничтожению от рук еще одного креативного директора с кулаками, похожими на свиные окорока. Я был уверен в одном: мне нужно напиться до потери сознания. Так

что я опрокидывал пинты пива одну за другой с пугающей скоростью.

У потрепанного жизнью, сморщенного бармена был обеспокоенный вид.

Потом виски.

К половине восьмого вечера я уже спотыкался. Мы должны были встретиться с Пенелопой в восемь. Мне пришлось идти к месту нашей встречи пешком, ведя велосипед «в поводу». Естественно, еще один паб.

Гнев. Скука. Опьянение. Скверная комбинация.

Я начал с чего-то такого:

— Как мне похерить эти четыре года?

Ее вопросительный взгляд, потом попытка уйти в сторону:

— Тебе нравится моя блузка?

— Похожа. На. Столовую. Скатерть.

Обиженный взгляд, за которым следует:

— Может, еще одну?

Еще пива. Это, как правило, помогало.

— Подружку? Да, будь любезна.

Теперь уже взгляд не столько обиженный, сколько скучающий. Обвела глазами паб. Молчание.

Потом она предложила:

— Пойдем куда-нибудь еще.

Это обычно тоже срабатывало. Но я решил, что сегодня не сработает. Не сегодня. Сегодня мы пройдем весь путь до конца. Это был всего лишь периметр, первая линия обороны. Моя стройная эмоциональная террористка злостно пропускала мимо эти оскорбления.

— Конечно. Пойдем куда-нибудь еще.

Я решил не говорить ни слова между этим пабом и следующим. И мне это удалось. Теперь она дрожала. От неуверенности. Я тоже дрожал. От возбуждения. Она заказала у стойки выпивку. Будь я проклят, если соберусь за нее платить, — и я занял место за круглым столиком, намеренно в наглую пожирая взглядом других девушек. Она это видела. Она и должна была видеть. И все равно никакой реакции. На кону стояли четыре с половиной года. В основном хороших. Так почему бы ей не дать мне на один вечер выходной? Но именно это было таким возбуждающим фактором для меня. Я все решил. А она не могла понять, что у меня в голове. Картинка, как я занимаюсь сексом с той белокожей, с проступающими голубыми венами проституткой, у которой была только одна грудь. Я знал, что мог

бы искалечить Пен. Она, вероятно, тоже могла бы меня искалечить, но не успела, потому что я соби-
рался сделать это первым.

Но почему? Я понимал, что в этом нет никако-
го смысла. Я действительно любил ее... по-своему.
Очень любил. Она была красивой, веселой и забот-
ливой, но мне было скучно... так скучно! Мне при-
ходилось думать о других девицах, чтобы добиться
эрекции. У меня не было никакого желания начи-
нать длинный и трудный путь к ее оргазму, не гово-
ря уже о моем. Я боялся случайно коснуться ее, что-
бы по ошибке это не было принято за приглашение
к сексу. И чтобы хоть что-то почувствовать сквозь
это отупение, я решил совершить с душами — ее
и своей — то, что было бы эквивалентом тушения
сигарет о парализованные конечности. Я надеялся,
что если смогу ощутить боль, то она будет воспри-
нята с радостью — как признак жизни.

А может, я просто был пьян.

В любом случае, моя решимость достигла камен-
ной твердости, и я сказал следующее:

— Вот как я выгляжу, когда притворяюсь, что слу-
шаю твой скучный треп.

И изобразил застывшую маску — милейшее выражение невинных голубых глаз, округлившихся от наигранной заинтересованности, — ту же маску, которую нацеплял в школе, общаясь с учителями.

Пен с подозрением вглядывалась в меня. Это было что-то новенькое. Я отвернулся в сторону, словно мим, готовящийся к изображению следующего характерного персонажа.

— Вот как я выгляжу, когда притворяюсь, что влюблен в тебя.

Я воззрился на нее влюбленно, но уважительно, как делал прежде много раз — и притом вполне искренне. Я делал это искренне даже сейчас, но лишь потому, что хотел, чтобы это выглядело убедительно.

— Погоди-ка... Что еще? Ах, да! Вот как я выгляжу, когда делаю вид, что ты остроумна... Чтобы потом с тобой переспать.

И я заржал во все горло, откинув голову назад и чуть вбок и временами поглядывая на нее краем глаза. Извините, девушки! Парни тоже все это знают и умеют. До нее начало доходить. Глаза потускнели. Я мог ей в этом помочь.

— А вот это я.

Это доставило мне особое наслаждение. Это была коронная фраза Теда Карвуда, очень популярного британского комика-мима, который заканчивал каждое из своих шоу этим откровением, перед тем как пожелать всем спокойной ночи. Это был единственный момент, когда он играл самого себя. Я добавил свою вариацию. Выражение, сопровождавшее эти слова, было чистой провокацией. Смесь «дай мне в морду» и «да пошла ты», которую я в норме приберегал для барных потасовок с мужиками куда крупнее меня. Это всегда срабатывало. Я открыто намекал, что она будет трусихой, если не ударит меня. Она, разумеется, этого не сделала. Только смотрела на меня. Невинно. Это оказалось забавнее, чем я рассчитывал. Разве ей не следовало хотя бы заплакать? Если хотите знать правду, она произвела на меня впечатление. Но вплоть до того момента это была всего лишь разминка.

— Ты думаешь, я шучу. Думаешь ведь, да? — спросил я.

Никакой реакции.

— Я собираюсь сегодня похерить «нас». И ты ничего не сможешь с этим сделать. Тебе придется сидеть и слушать, пока я буду отдирать Н от

А и С. Ты усомнишься в собственной способности к суждению. Может быть, ты больше никогда не будешь себе доверять. Надеюсь, что не будешь. Потому что, коль скоро я не хочу тебя — а поверь мне, я тебя не хочу, — я не хочу и чтобы ты была счастлива с кем-то другим, если есть хоть малейшее сомнение в том, что я смогу заполучить другую девушку.

Я тогда еще не признавал, как вы понимаете, что мне суждено стать тем адским горнилом для душ, которое вы видите перед собой. Но та прямота моих слов — как мне казалось, заслуженная — несколько подрастерялась, поэтому я добавил:

— И п**да у тебя дряблая.

Она это услышала, но не вполне поняла, как реагировать. Я и с этим мог ей помочь.

— Давай-ка я выражусь иначе. У тебя влагалище широкое... словно слишком долго было в употреблении.

Вот теперь до нее начало доходить! Ее глаза округлились. Я видел, как она старается сдержать ярость. Но было слишком поздно, я уже проник туда. Я почти что видел ее глазами. Она не могла спрятаться. Только не от меня. Я был тем самым копом под при-

крытием. Я знал все ее уловки. Я помогал ей создавать их. Это было слишком просто.

— Сиськи у тебя обвисли — это я сказал, как ударил кулаком. Отклонился на спинку стула, чтобы лучше видеть эффект. — Они слишком большие и свисают слишком низко.

Это было сказано на случай, если остались еще хоть какие-то сомнения. Шок способен защищать психику, смягчая быстрое действие. Лучше убедиться, что попал в точку. Кстати говоря, некоторая растерянность порой забавна, поскольку создает замечательные выражения лица. Часто женщина продолжает улыбаться тебе, уже получив посылку с подлостью, но еще не осознав ее содержимое.

— Чтобы у меня встал, приходится думать о какой-нибудь девице из автобуса.

Я подождал, пока это до нее дойдет. Поднес руку к подбородку, как бы обдумывая следующую реплику. Сделал лицо как можно приятнее. Я становлюсь чертовски привлекательным, когда мне что-то доставляет удовольствие, — так, по крайней мере, мне говорили.

— Кстати, я занимался сексом с другой девушкой — кроме той, про которую тебе рассказывал.

Теперь я был на пути к победе. Поэтому улыбался сочувственно. Победителю нет нужды злорадствовать. Ему нужно лишь победить. Она выглядела иначе: другой, новый человек. Я больше ничего не мог извлечь из ситуации. Я не был уверен, что хочу слышать, что еще может из меня вырваться. Как бы хорошо ни были подобраны слова, голосу не всегда можно доверять нести их. Откашляться — вот в чем была проблема. Прочистить горло, не дав ей понять, как это подействовало на меня. Зачем я это делал? Да не важно зачем, главное — это происходило.

— С тебя хватит? — поинтересовался я.

Никакого колебания. Лишь один ее кивок. Вниз подбородок, вверх подбородок. Должно быть, она ощутила дуновение милосердия. Она ощутила неправильно. Все, что она сделала, дало мне понять, что я добился желаемого эффекта. Что внутри она всхлипывает.

— Да, хорошо, но все равно... Я сделал кое-что похуже, чем просто секс с другой девушкой. Это очень плохо, даже по моим стандартам. На самом деле, так плохо, что я, пожалуй, тебя пощажу. Может, скажу попозже. Может, нет. Но ты скатилась бы в истерику, если бы я тебе сказал, а я пока не уверен, что хочу, чтобы ты это сделала.

Она была в таком шоке, что не было смысла продолжать. Ощущал ли я угрызения совести? Ни в малейшей степени. Чтобы продолжить пытку, я принялся расспрашивать ее о работе, о блузке, о жизни. Я не преминул использовать некоторые выражения лица, которые уже запечатлелись в ее сознании, чтобы распалить ее еще сильнее. Кажется, не забыл выпросить у нее денег, чтобы купить еще выпивки.

Но погодите-ка, есть кое-что еще. Вот, самое странное. Поскольку теперь она получила отличный повод отомстить мне, я предложил ей кое-какие варианты. Ключи, так сказать, ко мне. Думаю, в этом-то я и просчитался.

Моя логика была следующей: если кто-то делает тебе больно, ты автоматически хочешь отомстить. Не важно, сколько времени на это потребуется, ты хочешь отомстить. Мне казалось, если я достаточно сильно раню ее, она возжаждет мести. Следовательно, мне не придется переживать из-за того, что я никогда больше с ней не увижусь. Потому что именно этого я боялся больше всего. Того факта, что теряю ее. Вопрос был в том, как не потерять ее навсегда. Я дал ей некоторые намеки насчет того, как успешно причинить мне ответную боль.

Этакая замаскированная любовь.

Ни в коем случае не дать ей понять, как сильно ты ее любишь, иначе она этим тебя и убьет. Однако, как ни печально, в этом и по сей день есть для меня некоторая истина. Но не важно, что мы говорим о... Иисусе, это что, правда было десять лет назад?! Да, полагаю, что так...

.....

Часто женщина продолжает улыбаться тебе, уже получив посылку с подлостью, но еще не осознав ее содержимое.

.....

— Звони мне в течение пары недель каждый вечер в восемь, и когда я буду отвечать, ничего не говори. Убедись, что на заднем плане не звучит музыка. Кстати говоря, я всегда хотел трахнуть твою сестру... Думаю, что и она была бы не против. Я хочу, чтобы ты запомнила то, что я прошу тебя сделать. Я знаю, что какой-то парень обхаживает тебя на работе. Я хочу, чтобы ты уехала с ним на уик-энд. Почему бы и нет? Ты это заслужила. Просто поезжай. Не предупреждай меня. Я даже не вспомню, что сейчас тебе говорю. Вероятно, у меня будет про-

вал в памяти... позже я перейду на бренди. У меня от него всегда провалы в памяти. Так ты это сделаешь? Умница. А еще преследуй меня по городу на своей машине. Может быть, даже смени машину. Можешь использовать в качестве посланца Пола. Ты ведь хочешь быть свободной, верно? Особенно после сегодняшнего. Да, конечно, хочешь. Что ж, тогда сделай все это — или я буду травить тебя вечно. Я серьезно. Может быть, ты сделаешь только часть из этого. Ничего страшного! И, может быть, ты придумаешь что-то свое — и это тоже нормально, но я хочу, чтобы ты мне отомстила. Я хочу, чтобы ты меня возненавидела... я помогаю тебе возненавидеть меня. Я делаю тебе одолжение, освобождая тебя, и требую, чтобы ты сделала то же самое для меня. Ладно?

Я произнес этот монолог со всей возможной искренностью. Я был честен. Я хотел, чтобы она причинила мне ответную боль. Это были бы новые МЫ.

Она смотрела на меня. Внутрь меня. Эти прекрасные глаза, остекленевшие и сияющие, как маленькие голубые кровоподтеки. И все же она выглядела более сильной, чем я когда-либо ее видел. Непривязанной. Одинокой. Недостижимой.

Для меня.

Дело было сделано. Четыре с половиной года. Я должен был позаботиться о том, что она продолжит со мной знаться. И в то же время мне было наплевать. Мне нужно было что-то — что угодно, — что подтолкнуло бы меня вперед. Через край, если понадобится. Я хотел винить ее в том, что могло случиться. Я хотел мифологизировать ее. Ту, Кто Стала Мстить Тому, Кто Посмел Взбунтоваться.

.....

Я вступал в мир боли...
и не вся она была моей.

.....

Любовь убила больше людей, чем рак. Ладно-ладно, может, и не физически, зато она омрачила больше жизней. Лишила большего числа надежд, помогла продать больше лекарств, вызвала больше слез.

Если смотреть в ретроспективе, вот что это было — мои пробы на роль Хитклиффа¹ из Хакни. Я подбросил еще парочку отборных оскорблений,

¹ Главный действующий персонаж романа Эмили Бронте «Грозовой перевал», противоречивый «байронический» герой.

как то: твой папаша — придурок, твой брат — дебил, ты для меня недостаточно умна, а я — гений, и мне надоело притворяться глупее, чем я есть... и пошел к стойке за бренди. Как видите, я все же припомнил бóльшую часть подробностей, но вполне могли быть и какие-то еще, которые я забыл.

Ради нее надеюсь, что нет.

В тот вечер, пытаясь съесть кебаб, я таки навернулся со своего здоровенного черного велосипеда где-то в районе парка Виктории. Мне было все равно, сумею ли я подняться с асфальта. Я хохотал и пел «Рожденный свободным» и каким-то образом позже ночью добрался-таки до ее квартиры. Как обычно, она оставила для меня дверь открытой. Помню, я еще подумал: «Вот сука... она не восприняла меня всерьез».

Но, завалившись к ней в постель, почувствовал вибрации: она плакала, пока не уснула. Помню, как она одевалась на следующее утро. Извиваясь, натягивала комплект белого нижнего белья. Стоящая перед зеркалом, она была ошеломительна. Выражение, которое было у нее на лице, когда она решала, нравится ли ей, как она выглядит, резко контрастировало с тем, которое появилось, когда она поймала меня

за подглядыванием. На моем месте вполне мог бы быть какой-нибудь бездомный, выглядывающий из-под одеяла.

Она уехала с тем парнем со своей работы. Я не был готов к тому, насколько это будет больно. Я чувствовал то, что, должно быть, чувствовала она, когда я ранил ее. Содрогание.

.....

Я хотел, чтобы Пен
причинила мне ответную боль.
Это были бы новые Мы.

.....

Разве не были мы на самом деле одним целым? Могли бы с тем же успехом ссориться с зеркалом, как и друг с другом. В любом случае, я должен сказать вот что. После того как Пен уехала, кто-то действительно одно время звонил мне каждый вечер в восемь, примерно недели две. Это по-настоящему изводило меня. Я отвечал и... ничего. Кто бы это ни делал, он после этого мягко клал трубку. И это «мягко» пугало меня сильнее, чем все прочее. Бесстрастность. Эта интрига вписывалась в мои параноидные иллюзии, и мое пьянство к тому времени прогрессировало, превратившись из «хобби» в «ра-

боту с полной занятостью». Оно должно было прикончить меня, и я с радостью приветствовал эту перспективу.

Я относил свои несчастья на счет коварства и хитрости этой серенькой мышки из Стратфорда-на-Эйвоне, которую звали Пенелопой. И хотя я тешил себя мыслью, что она стремится отомстить, я не осознавал, что оставить меня вариться в моем собственном параноидном соку было уже достаточной мезью. Я сделал себе хуже, чем она могла представить в самых диких своих мечтах. Когда меня едва не расплющило между машиной и мотоциклом, я сумел вообразить, что это все подстроила она. Мои потери состояли из смятого в лепешку велосипеда и сломанной кисти. Какой восторг у меня вызывала мысль о том, что она взяла себе за труд подстроить мне такую романтическую мезь! Должно быть, она по-настоящему меня любит!

Я не мог пойти сам пописать, поскольку моя левая рука не функционировала, а правая была зверски ободрана об асфальт. С раздутым мочевым пузырем, с обеими руками, выставленными перед собой, я точно выпрашивал милостыню у других пациентов отделения неотложной помощи. И улыбался, потому что Пенелопа достаточно любила меня, чтобы

задумать покушение на ту смехотворную нелепость, которая называлась моей жизнью. Я фантазировал о том, что она в любую секунду объявится здесь, переодетая медсестрой, и устроит мне долгую, медленную, роскошную мастурбацию... но только после того, как поможет мне долго, медленно и роскошно помочиться.

.....

Любовь убила больше людей,
чем рак. Может, и не физически,
зато она омрачила больше жизней.

.....

Позднее я убедил себя в том, что это она заявила в мою дрянную квартирку в цокольном этаже в качестве вероятной будущей соседки-соарендаторши. Я отказывался принимать эту «кандидатку» всерьез. К примеру, когда она спросила, где здесь туалет, я едва удержался от соблазна поаплодировать. Меня веселило то, что она, побывав в этой квартире сотни раз, взяла себе за труд так убедительно расспрашивать о ней. Она знала ее лучше, чем я сам, поскольку я очень часто пребывал в бессознательном состоянии. Но я не собирался портить ее маленькую шутку. Я встречал каждый ее вопрос ободряющей улыбкой и ироническим ответом. Улыбаясь чересчур

радушно и понимающе кивая, я проводил ту молодую женщину за дверь. Она не стала снимать соседнюю комнату.

Итак, вот он я, моя крошка бросила меня ради другого парня, у которого была своя квартира, пальто и машина. Я вступал в мир боли... и не вся она была моей.

Звуки музыки в стиле кантри.

я — абсолютный
параноик

Итак, теперь я был готов передавать сокровища своих знаний непосвященным. Не раненым. Невинным. Поскольку подруга больше мне не мешала, я мог всецело посвятить себя делу. Я был реально измочален и озлоблен. Единственное, что я хотел, — это чтобы другие тоже это ощутили. Особенно девушки. Девушка была причиной, значит, девушке и придется платить. Я хотел причинять боль. Для меня открылся совершенно новый мир. Я и представить себе не мог, что можно ощущать *такую* боль. Меня много раз били, но это и рядом не стояло. Я не ожидал физической боли. Жгучее ощущение в груди, словно каким-то образом в ней целую ночь напролет пролежал огромный раскаленный булыжник. Этакая выморочная, медленно разворачивающаяся паника. Полная противоположность возбуждению. Ее сопровождали стреляющие боли, сбегаящие вниз по тыльной стороне рук. Что это было? Отвержение?

Неужели оно действительно настолько осязаемо? Я мог думать только о том, что, коль скоро мне можно было причинить такую боль, значит, я наверняка могу причинять ее другим.

Это меня утешало.

Я изучал и бережно хранил каждую новую царапину дискомфорта. Я записывал то, что случилось и как оно на меня подействовало. Я звонил и просил ее автоответчик сделать мне больно. Чтобы освободиться, мне необходимо было ненавидеть ее. Все было кончено, но я не мог стерпеть тот факт, что она по-прежнему нужна мне. Так что я умолял ее ранить меня, что она и делала, отказываясь это сделать. А тем временем я шатался в лондонской ночи в поисках сердец, в которые можно всадить нож.

Учительница из Ирландии. Около двадцати пяти. Девственница. Нет, правда. Она говорила, что я «завидно владею английским языком». Я не очень понимал, что мне с ней делать. Озарение пришло ко мне, когда я проскользнул в ее постель, после того как подал свою фирменную бескостную курицу, приготовление которой пугало даже меня, поскольку требовало столь продолжительного отдирання плоти от костей. Она была помолвлена, собиралась замуж. Я ненавидел ее за это. Это всплыло в разгово-

ре о том, что ей стыдно быть девственницей. Она не хотела, чтобы ее жених в их первую брачную ночь узнал, что она все еще нетронута.

Я не знал, с чего начать.

Научить ее кое-каким грязным трюкам, которые посеяли бы семена сомнения в уме ее жениха? Например, я всегда был невысокого мнения о девушке, которая глотает. Не поймите меня неправильно, это фантастическое ощущение, и в этот момент во мне все светится от благодарности, но только шлюха стала бы на самом деле делать что-то подобное. Не так должна себя вести будущая жена.

Почему-то было очевидно, что мне следует оставить ее девственность нетронутой. И тогда я переключился на него. Как ранить его через нее? Анальным сексом? Это все равно оставило бы ее девственницей. Действительно ли она хотела лишиться девственности или просто блефовала? После гигантской бутылки вина, бóльшую часть которого я выдул из горла, мне было предложено переночевать на диване.

Этим я и занимался до четырех утра, а потом проснулся со стояком и потихоньку скользнул к ней под одеяло, встретив лишь символическое сопротив-

ление. Она действительно хотела ее лишиться. Но мне не понравилась идея стать сексуальным водопроводчиком. Я хотел разделить с ними их первую брачную ночь. Я хотел, чтобы ее тело запомнило мое так, как я помнил тело Пенелопы. Я начал ее вылизывать. И делал это два часа. Когда она становилась чересчур чувствительной, я выжидал и начинал заново, очень нежно.

Время от времени я поднимал голову и говорил ей, как она прекрасна. Я дул на нее прохладным ветерком. Я гладил внутреннюю поверхность ее бедер и пытался представить себе, что люблю ее, ведя себя соответственно. Я всунул палец и нащупал ста-лактит ее девственной плевы. Я очень старался не порвать ее. В какой-то момент ввел по пальцу с обеих сторон.

Она приподнимала бедра, подставляя мне чашу своего лона. Я шумно, с хлюпаньем пил из нее, удовлетворенный тем, что ее первая брачная ночь будет первой из многих ночей сексуальной неудовлетворенности, когда она станет пытаться донести свои сексуальные потребности до «миленького», не указывая на отсутствие у него сексуального мастерства. Это обеспечивало стимул для развития ее собственного «завидного владения английским языком».

Дальше была Лиззи. У нее была собственная квартира. Прекрасные паркетные полы и чудесные высокие потолки. Еще у нее были волосы на заднице. Это уже было достаточным преступлением, а каким же было преступление номер два? Я ей по-настоящему нравился.

Вскоре я принял соответствующие меры.

Она только что отделалась от долго длившихся отношений и была очень трепетной. У меня «в работе» были еще две девицы, когда мы с ней встретились на первом свидании. Моя нервозность несколько успокоила Лиззи. Она решила, это потому, что я не уверен в ее чувствах ко мне.

.....

Я шатался в лондонской ночи
в поисках сердец, в которые
МОЖНО ВСАДИТЬ НОЖ.

.....

Правда была не такой умилительной.

Я был алкоголиком, которому требовалось выпить.

В конечном счете я занялся с ней сексом на полу кухни, оторвав ее от приготовления какой-то дерьмовой вегетарианской жратвы. На грязном кафельном полу, когда над головами у нас символично ки-

пели кастрюльки. Окна запотели. Ее лицо. Она смотрела на меня, не веря своим глазам, ее подбородок спрятался под задранным кверху джемпером и лифчиком. Смотрела широко раскрытыми глазами. Как у ребенка.

Я ушел, оставив лежать ее там, и больше ни разу с ней не встречался. Позднее она оставила на моем автоответчике сообщение со словами, что я ее изнасиловал.

С эмоциональной точки зрения, возможно, я действительно изнасиловал ее, но физически она была только за. В этом нет никаких сомнений. Ей это ох как нравилось. Трахая ее, я видел, что она уже запасается воспоминаниями. Видел ее лицо, сканирующее все сверху донизу, записывая картинку, точно покрытая плотью камера: крупный план его лица... поехали вниз, за широкоформатным снимком происходящего там... монтаж.

В конце концов, возможно, существует какой-то закон. Природный. Типа гравитации. Неписаная аксиома, которая управляет нашими эмоциональными действиями. То, что ты делаешь, возвращается обратно с двойной силой... блин, с тройной! Нас не наказывают за наши грехи — наши грехи сами наказывают нас.

С момента знакомства с Дженни я знал, что причиню ей боль. Вопрос был только в том, где и когда. Полагаю, это не ее вина, что она немного напоминала Пен. Кажется, именно этот факт санкционировал мои действия. Провеселившись всю ночь в городе, я двигался приблизительно в направлении того логова, которое, как ни смешно, называлось моим домом. Мне нужно было еще выпить. Этой дряни всегда было мало. Она мне даже снилась. Как-то раз вечером я пил виски и в тот самый момент, когда оно лилось мне в горло, думал: «Хочу выпить». Как все запутано.

Кстати говоря, одним из главных препятствий к добыванию дополнительной выпивки было отсутствие денег. А деньги закончились, потому что у фрилансеров не всегда бывает достаточно работы. Об арендной плате речи не шло, поскольку я грабил местный городской совет, который оплачивал мне квартиру и электричество. Все, что мне нужно было делать, — ходить и подписываться на пособие по безработице каждые две недели.

Хорошим источником были вечеринки, особенно вечеринки, так или иначе приближавшиеся к концу. Дилетанты уже либо валялись в отключке на полу, либо посапывали дома в своих уютных маленьких кроватках.

Музыка. Ярко освещенное окно. Не надо быть Шерлоком, чтобы вычислить, что там найдется холодильник, полный бухла. Каждый приносил с собой бутылку, а то и пару, чтобы его считали щедрым. Особенно если район был богатыньким. Но с вечеринками там было несколько труднее, потому что приходилось сохранять рассудок для неизбежно запутанных словесных взаимодействий. Я должен был не дать себе взорваться языками пламени от ярости, в которую меня приводили эти раздолбайи. Их я ненавидел больше всех. Тех, которым все досталось за так, у которых, как мне думалось, не было нужды работать, которые не ценили того, что имели. Подростком в Килкенни я должен был собирать сахарную свеклу в заледенелых полях, вместо перчаток у меня были лишь старые носки. Свекла замерзала в бороздах, и приходилось пинками вышибать каждую из земляной глазницы, прежде чем отсечь ботву специальным ножом. Термин «тяжелый труд» относителен.

Итак, я нажимал кнопку звонка и говорил: «Прошу прощения, я опоздал».

Дверь подъезда открывалась, и я не мог не улыбаться, прыгая через три ступеньки разом. Если дверь наверху еще не была открыта, она тоже открывалась.

И вот я в квартире. Первым делом я добирался до санузла и либо вызывал рвоту, чтобы освободить место для новой выпивки, либо просто составлял общее представление о ситуации. Затем наступала очередь холодильника. О, прекрасный белый параллелепипед! Миниатюрный госпиталь в избитом до синяков мире.

.....

Нас не наказывают
за наши грехи — наши грехи
сами наказывают нас.

.....

Короткая мелодия при открывании. Сияние изнутри. Вот она. Полная и еще не открытая бутылка дешевого вина в сопровождении разномастных банок пива, остатков от шестиштучных упаковок.

С вином — обратно в гостиную. Перелить его в пинтовый стакан, чтобы не держать в руках бутылку, которую мог бы узнать «в лицо» ее владелец.

И вот она. Сидящая на диване в полном одиночестве. Одна на диване в четыре утра, на вечеринке, где лишь трое еще способны принимать вертикальное положение, и один из них я. Длинноногая, элегантная и определенно неуместная здесь, она напомнила мне героиню фотосессии для *Vogue*.

Красивая девушка в сомнительном окружении. Богатая и образованная дочурка какого-нибудь члена английского парламента, прозябающая в Камберуэлле.

Как бы там ни было, я поклялся трахнуть ее, как только плюхнулся на диван рядом. Даже в своем коматозном состоянии я понимал, что будет мило с моей стороны пригласить ее танцевать, пусть я и не мог подняться с дивана. Танцевать с пинтой в одной руке и косячком в другой — ах, какая шалость. Не успели мы оглянуться, как уже целовались.

Через две недели она выплеснула пиво мне в лицо, а еще через три часа я заметил ее машину, припаркованную у моей дерьмовой квартирки на первом этаже. Я был пьян и ехал на велосипеде, выписывая восьмерки. У нее был «Форд» какой-то там модели. Как только я повернул за угол, машина рванула с места и свирепо помчалась ко мне. Она напоминала механизированное насекомое, которому оторвали ножки и тыкали в зад, стараясь расшевелить для новых пыток. Я расхохотался достаточно громко, чтобы она услышала мой смех через приоткрытое окошко, из которого струился сигаретный дымок. Я пытался вести себя так, будто был верхом на лошади. Она снова завела мотор и в гневе развернулась прочь. В гневе — потому что я слышал, как она рывком

переключала передачи. Что же вызвало эту бесплодную демонстрацию эмоций? Всего лишь слова.

Тем вечером, только раньше, она поинтересовалась, как я провел уик-энд.

— Неплохо, — ответил я. — Удалось перепихнуться.

Ошеломленная, она уставилась на меня с той же искательной улыбкой, с которой только что задавала вопрос.

Пиво хлестнуло в лицо с такой силой, что казалось, будто мне дали пощечину. Но я не просто произнес эту фразу: она сопровождалась Той Самой Ухмылкой. Пенелопа уже ощутила на себе ее мощь, а теперь настала очередь Дженни.

Мне еще никогда не выплескивали пиво в лицо. Это было лестно. Дженни поднялась, сорвала куртку со спинки стула и ушла. Медленно слизывая капли с губ, я обменялся с барменом красноречивым взглядом — «ох уж эти цыпочки!» — и вернулся к своему пока еще не тронутому пиву.

Ненадолго.

К слову о пощечинах и действии Той Самой Ухмылки. Я уже давным-давно не напрашивался на побои. «Лебедь» в Южном Лондоне был идеальным местом как раз для такого избиения.

Очень ирландским, для тех, кто «не дурак подражаться». Много-много вышибал. Они привставали на табуретах, чтобы лучше отслеживать паству, состоящую в основном из ирландских эмигрантов вроде меня, предающихся обильным возлияниям. Я был поглощен разговором с высоким рыжим мужчиной из Дублина. Нас не раз пихали локтями, когда другие изгнанники пытались чуть больше приблизиться к возлюбленной родине посредством «Гиннесса».

Местечко, которое оккупировали мы с тем дублинцем, было священным. Прямо перед стойкой. Нужно было приходить в бар в три часа дня, чтобы занять такую стратегическую позицию. Я же был там с часу. В общем, я повернулся к дублинцу и вполне правдиво проинформировал его:

— Я выслушиваю твое дерьмо весь день, и меня уже блевать тянет. Вот спорить готов на все, что у меня есть, что ты из Дублина!

И тут же получил удар головой такой силы, что кровь плюхнула в бокал. И заспорил сам с собой: следует ли мне попытаться отцедить кровяной сгусток сквозь зубы, чтобы не лишиться того дюйма сидра, который еще оставался в бокале? Мне показалось невероятно важным ловить капающую кровь в бокал.

По какой-то причине я не должен был залить кровью все вокруг. И я решил объявить:

— Один из нас уберется из этого бара, и это буду не я.

Я посмотрел на своего обидчика, чье лицо отражало все муки жажды крови.

.....

Я никогда не казался пьяницей,
я просто был пьяницей.

.....

Стоп-кадр.

Я видел это выражение лишь трижды. Это был первый раз. Второй был тогда, когда меня сшиб с велосипеда «наемный» мотоциклист, и я ждал, пока врачи «Скорой» не убедятся, что у меня нет серьезных повреждений. Я лежал на спине, боясь бросить взгляд на собственные ноги. На верхней палубе двухэтажного автобуса, проезжавшего мимо, сидела пожилая дама в коричневом пальто. Автобусу пришлось останавливаться — предположительно, из-за общей суматохи. Выражение лица старой карги было точь-в-точь таким же, как сейчас у нашего приятеля-дублинца. Взгляните на него. Рыжая щетина, язык слегка высу-

нут между мясистыми губами... натуральная п**да, клянусь. Другие головы тоже торчали на фоне клочка неба, который мог оказаться последним в моей жизни... но именно ее лицо затмевало все, пока я ждал «Скорой».

Лежа, я продолжал слушать песню Элвиса Костелло «Происшествия случаются» — вот вам крест, я не шучу. Мой плеер, пусть и покоцанный, был включен и продолжал работать. Та старая корова, что смотрела на меня сверху вниз, казалось, кивала в такт сентиментальным откровениям мистера Костелло. Я пытался прочесть по лицу старухи, насколько сильно я пострадал. Жалел, что не знаком с ней ближе, ибо, если она была совершенной сукой, то легкая усмешка на ее лице означала бы, что мне п****ц и мои ноги превратились в фарш. Но если она была милой и заботливой старушкой, которая кормит голубей и гладит незнакомых собак, то я был в хорошей форме, потому что она улыбалась. Я решил, что она сука, а мне п****ц.

В третий раз я увидел это выражение, когда девушка, которую я любил... Погодите минутку, вот к чему я, блин, все этой веду. Мы еще до этого доберемся.

Конец стоп-кадра.

Тот дублинец выглядел так, словно только что занимался со мной сексом. Мне потребовалось немало времени, чтобы осознать, что я получил удар головой. Боли не было. Только в глазах потемнело. Словно кто-то прикручивал один из этих диммерных выключателей в гостиной.

— Нет. Свинячить не будем. Без «стекла», — проговорил он.

.....

Мне еще никогда не выплескивали пиво в лицо. Это было лестно.

.....

Я сразу же понял, что это значит. Он думал, что я собираюсь «застеклить» ему, или мысль «застеклить» мне пришла в голову ему самому.

Я сосредоточивал все свое внимание на том, чтобы направить эту странную капающую кровь — которая с тем же успехом могла бы капать с потолка — в пинтовый бокал в своей правой руке. По какой-то причине для меня стало важно не изгваздать пол «Лебеда».

«Застеклить» — значит, дать другому пинтовым бокалом в лицо. «Пинтовый бокал в лицо» применяется следующим образом. Ободок бокала располага-

ется вокруг подбородка и под носом. Затем сжатым кулаком с большой силой наносится удар по доньшке бокала. Красивое лицо, склонившееся над страницей, на которой появляются эти строки, может лишь поморщиться при мысли о том, что могло случиться в тот вечер.

Итак, я сидел, держа в руке полупинту собственной крови, а он хотел меня в самом худшем из возможных смыслов этого слова. Внезапно он дернулся вверх, словно его засасывал гигантский пылесос. Осознав свое неминуемое изгнание, дублинец дотянулся до ворота моей куртки и потянул меня за собой. Мы поневоле образовали этаким хоровод, конга-поезд, локомотивом которого были сперва два, потом три слезших со своих табуретов вышибалы.

О да, что может быть лучше, чем тихонько выпить стаканчик.

Дублинец хотел выволочь меня на улицу, чтобы там со вкусом и расстановкой отметить, но я просто выскользнул из куртки и вернулся на свою позицию, к свеженалитой пинте восхитительного сухого сидра. За счет заведения.

В конце концов, один из нас действительно покинул этот бар.

Мою куртку, аккуратно сложенную, принес и протянул мне один из героических сотрудников «Лебедя». Да познает он долгие годы процветания.

Кто после Пенни? Это была... дайте-ка вспомнить... все равно не припоминаю ее имени. Она была — или представлялась — дизайнером. Буйно вьющиеся каштановые волосы. Сияющая. Привлекательная. Тридцать три, выглядела на тридцать восемь. Когда тебе двадцать девять, ты старик. Кстати, я чувствовал себя на все восемьдесят.

— Тебе нравятся деревья?

Вот и все, что я ей сказал. Потом она говорила мне, что мой вопрос заворожил ее. Она сообразила, к чему я клоню, намного быстрее, чем любая другая. Но все равно не вовремя. Я провел с ней мучительный день однажды в воскресенье, дожидаясь ночи. Она приготовила ужин. Курицу. И пригласила четверых своих братьев. Потом я узнал, что это происходит каждое воскресенье. В тот раз я решил, что это сделано в мою честь.

Я никогда не был любителем травки. Понимаете ли, я был пьяницей. Но в тот день я оказался на мели, так что поневоле выс-с-с-сосал столько этого дерьма, сколько смог. Единственное, на что оказалась способна травка — это помочь моей и без того

выдающейся паранойе разрастись до международных масштабов. Я думал, что эти четыре братца отымеют меня в зад в качестве десерта, а затем забьют до смерти своими белыми кулаками. Я был на приходе. Курица, когда она наконец появилась на столе, была похожа на некое расчлененное дикое животное, слишком долго пролежавшее в саванне. Иисусе, как она меня напугала! Моему одурманенному разуму казалось, что она еще дышит. Мстительный, пышущий ненавистью остов. Слава богу, кто-то принес бутылку красного вина. Мне пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не метнуться через стол и не припасть к ее горлышку. Один бокал мне все же достался.

У нее еще хватило наглости отпустить намеки насчет того, насколько много я выпил! И это будет говорить мне девица, которая курит дурь? Потом пришлось ждать, пока вся эта смехотворная братско-сестринская тягомотина себя не исчерпает, прежде чем мне было позволено пробраться в ее спальню, а затем и в трусики.

Страх и паранойя, которые мне пришлось терпеть в тот день, были горючим для каждого из последовавших толчков тазом. Кинжал, расширяющий уже имеющуюся рану. Просто действие, которое обязательно требовалось для того, чтобы сделать ей больно потом.

На следующее утро, благодарный за отсутствие похмелья, я чувствовал себя относительно свежим. Даже, уходя, прихватил кусок курицы.

Больше никогда ее не видел.

Следующая? Кэтрин только что рассталась со своим бойфрендом, с которым жила вместе, и у нее был маленький сын. Я надеялся в этом случае превзойти самого себя. У нее были кое-какие проблемы. Эмоциональные проблемы. Имела место попытка самоубийства. Я наострил уши.

Я услышал: *убей меня*. Если бы я достаточно сильно ранил эту женщину, я мог бы подтолкнуть ее через край — к самоубийству. Я помог бы ей сделать то, чего она на самом деле хотела, и это было бы хорошим испытанием для моих способностей. Мысль о том, что я мог бы стать причиной смерти «по доверию», вызывала сладкую дрожь. Но она оказалась то ли слишком сильной, то ли слишком глупой, то ли то и другое вместе, то ли еще какой-то там. Однако у нее я научился тому методу, который впоследствии спас мою собственную жизнь.

Терпеть не могу излишнего драматизма, но, полагаю, именно настолько высоки были ставки. Разбитое сердце болит не меньше сломанной руки, и это заранее обдуманное эмоциональное насилие могло

бы с легкостью сравниться с физическим, однако ни один законный суд не считает его преступлением.

Она быстро влюбилась в меня, и я торопился приступить к самому вкусному. Как только я понял, что она готова, я начал китайскую пытку водой. Я становился все менее доступным, пока не сослал ее в самые дальние ледяные области своего отсутствия. Я хотел услышать, что она покончила с собой. Каким красивым я воображал себя на ее похоронах! А еще лучше — зарывающимся членом в другую, в то время как ее зарывают в землю.

Не могу передать, насколько я был оскорблен, когда она позвонила и весело спросила, как у меня дела. Я не мог поверить собственным ушам. Ей ведь полагалось находиться в инвалидном кресле. Искалеченной скорбью. В темных непроницаемых очках, сжимающей в руке сияющий локон моей льняной гривы, прежде чем цинично распрощаться со своей жизнью.

Не тут-то было.

Она продолжала звонить и осведомляться о моем благополучии, что лишь усиливало мое неблагополучие. Это был путь к победе, и мне пришлось вручить ее ей. Я не мог принять ее беспечность, а она была

беспечна — никуда не денешься. Задним числом я думаю, что она просто хотела показать, насколько ей все это по барабану. А иначе — зачем звонить? Разумеется, вы можете спросить, к чему обо всем этом писать? Кому какое дело? Разве не у каждого под мостом течет такая же бурая водица?

Несомненно. Но впереди у нас есть дамба.

.....

Когда тебе двадцать девять,
ты старик. Кстати, я чувствовал
себя на все восемьдесят.

.....

В свою защиту я мог бы порассказать о том, как меня совращал один тип из конгрегации Братьев христианских школ, когда мне было девять. Как я чувствовал, что, когда он играл со своим лучшим учеником на задней парте, тряся весь ряд впереди стоящих парт. Как мне пришлось закреплять английской булавкой молнию моих шортиков, чтобы не дать этому молодому брату проявлять свой религиозный пыл. Он вместо этого пробирался вверх по ноге, и я умолял мать позволить мне ходить в длинных брюках. Ты для них недостаточно взрослый, сказала она, и в любом случае, сейчас лето, а брат

Недди всего лишь проявляет дружелюбие. Это несерьезное преступление.

В смысле, он так и не трахнул меня в зад.

Брат Недди впоследствии поплатился за свое преступление — как в некотором роде и я за свое.

И если уж вам так хочется, вот еще кое-что.

Одним холодным утром в Килкенни я смотрел, как отец бреется. Над зеркалом в ванной был включен светильник, так что, должно быть, это случилось зимой. Выглядело это так, словно он соскребает с себя большую мультяшную бороду. Мне хотелось внимания, и я попытался сказать ему нечто вроде: «Если ты не — *бла-бла-бла, не помню что,* — то я больше никогда не буду с тобой разговаривать». Тогда медленно, очень медленно, подчеркнуто медленно он наклонился ко мне. Его покрытое пеной лицо становилось все больше и больше, приближаясь к моему. И из-под этой комической маски вылетели три слова, значившие так много.

— МНЕ ВСЕ РАВНО.

Даже сейчас у меня такое ощущение, что каждая буква в них прописная, — именно так они на меня действовали. Он произнес их очень тихо. Словно хотел, чтобы это сообщение услышал только я. Или,

может быть, боялся, что их услышит мать. Нечего было опасаться.

Во мне произошло что-то вроде землетрясения. Панический оползень. Я буду помнить это всегда. Это был момент, когда я понял, что мне придется справляться одному. Что это и есть жизнь. Двери закрылись. Как в вестерне, когда «плохой парень» идет по городку, и все горожане одну за другой захлопывают двери своих домов в перспективе уходящей вдаль улицы.

До этого момента отец был моим единственным другом. Мать, кажется, даже не замечала меня, а для двух братьев и сестры, которым приходилось со мной нянчиться, я был просто источником раздражения. Папа был единственным, кто демонстрировал хоть какую-то привязанность ко мне. Может быть, в качестве компенсации.

Я не хочу, чтобы вы пятнали мои только что опубликованные страницы своими солеными глазными каплями, так что сейчас соскочу с этой темы. Однако *это* я скажу. Семена были посеяны.

Может быть, все это имеет связь с тем, что происходило впоследствии. Может, и нет. Может быть, я подражал тем единственным отношениям, которые

у меня были, завоевывая доверие, а затем резко убивая его.

Делайте с этим, что хотите.

Я пригласил Кэтрин и некоторых других моих подруг на свое тридцатилетие, празднование которого должно было состояться у меня на заднем дворе. Идея состояла в том, чтобы сотворить своего рода лазанью из боли. Все мои бывшие подружки должны были собраться в одном месте. На моем дерьмовом заднем дворе. Эти отдельные личности, объединенные причиненной им болью, осознали бы наконец, какой дьявольский разум властвует отныне над их будущим. Нечто в этом роде.

Это был полный провал. Я был слишком пьян, чтобы с кем-то здороваться. В сущности, такие тонкости были второстепенны, коль скоро все, что я хотел, — это загружать половниками содержимое ведра с пуншем в одно лицо (свое, и без того уже осоловелое). В какой-то момент я презрел половник и стал пить прямо из ведра. Догадываюсь, что кто-то кого-то где-то обидел в тот вечер, поскольку я больше не услышал ни слова ни от одной из них... за исключением Кэтрин, которая позвонила лишь для того, чтобы спросить, все ли со мной в порядке. Иисусе!

Давайте просто милосердно прикроем дальнейшее. Однако я был раздражен. Типа как просыпаешься рядом с красивой девушкой и не можешь припомнить секс. Кстати говоря, я обо всем этом упоминаю, поскольку где-то там эти девушки продолжают жить своей жизнью, и я хочу, чтобы они знали, что случилось со мной. Что, несмотря на то, что я брожу по миру вольным ветром, я все же получил дозу собственного лекарства. И даже если они никогда не прочтут эти страницы, это не имеет значения. Я просто пытаюсь быть честным с самим собой. Типа как 130-страничное письмо самому себе. Я не ищу сочувствия. Меня гораздо больше интересует симметрия.

Та, что выплеснула мне пиво в лицо, позвонила спустя шесть месяцев и по-прежнему всхлипывала. Это меня порадовало. А Кэтрин продолжала звонить и спрашивать, как я поживаю. Это меня бесило, но, разумеется, я не мог дать знать ей об этом, поскольку это означало бы, что она побеждает. Может быть, вы начинаете понимать, какой тщетной была вся эта игра. Она продолжалась еще некоторое время — до тех пор, пока я не сдался, не сумев и дальше идти в ногу с этой новоявленной Жорж Санд.

В сущности, я потерял нить сюжета.

Но погодите-ка, я обещал рассказать вам о том единственном случае, когда я ударил девушку.

Давным-давно, до всего прочего, я был в баре «Корт Армз» в Килкенни. Собирался уходить оттуда со своим так называемым другом Ленеханом. Я был пьян, как и он — как и бóльшая часть Килкенни пятничным вечером. Бар был набит битком, и нам пришлось проталкиваться сквозь толпу.

Ленехан шел передо мной, прокладывая дорогу. Какая-то привлекательная девица развернулась и дала мне весьма увесистую пощечину. Еще не успев понять, что происходит, я ударил ее кулаком в лицо.

Так вот, не знаю, как все вы прочие, нерелигиозные подонки, но мы, ирландцы, не признаем такого поведения. Я ждал снаружи бара трепки, которую, как я знал, вот-вот получу. И не имеет значения, какие там были смягчающие обстоятельства.

Я ударил девушку.

Эта весть волнами распространилась по пьяной массе, и вскоре уже пятеро парней, которых я довольно хорошо знал, вышли из бара и после долгих извинений и заламывания рук принялись колотить и пинать меня. Но в их действиях не было истинной страсти. И они не собирались останавливаться, пока

не пустят мне кровь, а кровь ничуть не желала показываться на глаза этим дилетантам.

Из положения «скорчившись» я оскорблял их как мог. Мои самые надежные издевки не имели никакого эффекта, пока я не обвинил их в том, что у них есть родственники в Британии.

Все закончилось в считанные минуты.

.....

Во мне произошло что-то
вроде землетрясения.
Панический оползень.
Я буду помнить это всегда.

.....

Помню, как мы обменивались рукопожатиями. Один отказался подать мне руку, поскольку все еще был обижен на мои слова. Я не стал вытирать кровоточащую бровь, позволив ей красоваться как есть — этакое объявление о том, что правосудие свершилось. Интересуетесь, с чего вдруг она вообще меня ударила? Ленехан запустил руку ей под юбку, проходя сзади, а она решила, что это сделал я.

Итак, я пошел к анонимным алкоголикам. И постепенно стал выздоравливать. С тех пор прошло восемь лет, а я по-прежнему хожу на встречи. Надеюсь,

буду ходить на них всегда. И следующие пять лет я держался подальше от нагонявших на меня страх Женщин. Точнее, пять с половиной. И карьера моя пошла в гору. Славное времечко. Я получил работу в прославленном рекламном агентстве в Лондоне и вместе со своим партнером по креативу завоевывал награды. В какой-то момент мы были довольно знамениты. Мое имя и сейчас на слуху. По вечерам я ходил на встречи АА, а днем вкалывал как проклятый. Полагаю, я был достаточно неплох в своем деле, поскольку поиск идей никогда не представлял для меня трудности.

Только ужасная корпоративная вежливость высасывала из меня все соки. Но мне тогда и в голову не приходило, что корпоративный мир Лондона — это чуть ли не анархия по сравнению с его американским двойником. Через некоторое время я разочаровался в своем лондонском деловом партнере, поскольку мне казалось, что он не тянет свою часть поклажи. Я считал себя более талантливым, и мне надоело с ним работать. Мы смотрели друг на друга через стол вот уже четыре года, и я сопротивлялся искушению кинуться через этот стол и напоследок погрузить большие пальцы в его горло. Мы разошлись полюбовно. Честное слово. В конечном счете он стал работать с другим пар-

тнером в том же агентстве. Меня же стала обхаживать дама-хедхантер с предложением перебраться в очень хорошее агентство в Штатах, базировавшееся в Сент-Лакруа. Как только хедхантер произнесла название компании, я понял, это как раз то, что надо. Я должен был поехать в двухнедельный отпуск во Францию со своими друзьями из АА, так что сказал ей, что мы поговорим, когда я вернусь. Она настаивала, чтобы я позвонил из Франции. Так я и сделал.

Креативный директор «Киллалон Фицпатрик» на пару дней приехал в Лондон, чтобы провести собеседование. Телефонный разговор, давший старт снежному кому событий последующих трех лет, имел место в шумной прихожей старого французского фермерского дома в Дордони под гавканье собак и завывания мистраля, который сотрясал окна, пытаясь проникнуть внутрь. Я не имел представления, как он выглядит, и голос его звучал с освежающе американским акцентом. Словно один из моих друзей позвонил, чтобы снять напряжение.

Ароматы готовящейся еды витали вокруг, и, должно быть, это заставило меня в большей степени почувствовать себя как дома, чем я имел на то право, поскольку я предстал перед этим американцем таким ирландским Джимми Стюартом — только

с половиной его роста и таланта. Это было как раз то, что ему требовалось. Он практически влюбился в меня. Извинился за городок Сент-Лакруа в штате Миннесота, предупредив, что это не Лондон и не Лос-Анджелес. Сказал, что в Сент-Лакруа зимой становится «довольно холодно», но не настолько плохо, как об этом болтают. Там можно купить дом у озера.

Он считал, что по возрасту я подхожу для этого места. Мне было 34 года. В их агентстве работает немало чудесных леди. Он уверен, что я буду пользоваться популярностью. Сутенер. Однако в то время я для этого дозрел. Конечно, я любил Лондон, но мне было скучно. Я добился наград, я преуспел. Настала пора для чего-то нового.

Я сказал ему, что мне по фигу, что там холодно, потому что я в любом случае только и делаю, что работаю. У них ведь есть отопление, правда?

Я извинился перед ним за то, что не курю и не пью, зная, что это приведет его в восторг, поскольку американцы нервно относились к славе британских креативщиков как горьких пьяниц. Это плохо воспринималось в корпоративной Америке.

Вдобавок сообщил ему, что сейчас я как раз в том возрасте, когда пора задуматься о женитьбе. За этим

последовала долгая пауза, которую вполне удовлетворительно можно было объяснить тем, что сейчас он триумфально лупит кулаками воздух и поправляет одежду, прежде чем ответить. После этого он начал говорить как человек, знакомый мне тысячу лет, отказавшись от использования сослагательного наклонения в пользу будущего времени.

Моего будущего.

.....
Я пошел к анонимным алкоголикам.
И постепенно стал выздоравливать.
.....

Хедхантер позвонила в понедельник.

— Грэм сильно к вам проникся, — сказала она, потом начала употреблять такие слова, как «виза» и «увольнение», которые я только приветствовал.

Все это происходило в присутствии партнера-копирайтера, сидевшего прямо передо мной. Я взял в привычку высовывать голову с телефоном из окна, чтобы получить видимость уединения.

Вскоре я уволился и засел в своей лондонской квартире, ожидая одобрения разрешения на работу. Я должен был работать на фрилансе из дома, пока меня не оформят официально.

Но мне нужно было освободить квартиру, чтобы сдать ее в аренду. Так что я обустроился в лондонском отеле, а в мою собственную квартиру, расположенную всего в 15 минутах от него, въехали два незнакомых человека. Чернила уже выцвели на полугодовом договоре аренды, а я все еще не увидел никаких признаков одобренной рабочей визы в Соединенные Штаты. Это неопределенное состояние стало нормой на следующие пять лет. Если бы я знал, что ждет меня впереди, я прекратил бы всю эту историю и уехал жить к матери. Но я также только что подписал новый «договор на жизнь» благодаря АА и был полон решимости этим воспользоваться. В конце концов, какой смысл становиться трезвенником, если не использовать все преимущества? И еще нужно было думать о новичках. Чокнутый ублюдок вроде меня, едущий в Штаты, чтобы сделать карьеру, дарил новому члену АА надежду. Ну, так говорил мой спонсор.

Я таки заехал домой в Килкенни на несколько дней, прежде чем вылететь из Дублина в Штаты. Моим родителям было радостно за меня, но грустно за себя. Поскольку я бросил пить, им очень нравилось со мной общаться. Я купил им программу «Диктофон» и убедил их и себя, что мы будем обмениваться сообщениями через Атлантику. Этого так и не случилось.

У моего отца был довольно скверный булькающий кашель, когда он вез меня на вокзал. Через месяц после начала моей новой работы, в новой для меня стране, в новом для меня городе, в моем новом доме раздался звонок матери, которая задала мне самый дурацкий на свете вопрос:

— Ты сидишь?

Я сразу же понял, что отец умер. А вот и нет. Она сказала, что дела у него плохи и мне следует рассчитывать, что придется вернуться в любой момент. Мое новое начальство проявило большое понимание и даже помогло забронировать билет. Более дешевые билеты можно получить, только если докажешь, что у тебя есть серьезно больной родственник. Нужно предоставить номер телефона больницы. Так что я вылетел обратно домой — и до сих пор чувствую себя виноватым из-за того, что надеялся, что мой папаша скончается в течение недели. Я выделил себе время для личной жизни дома.

Мой папа — самых честных правил — меня не разочаровал.

Он был превращен во прах, мертв и похоронен, а у меня еще оставался лишний день, и, к стыду своему, я вернулся к работе в следующий же понедельник. Ну, у меня ведь были обстоятельства, не так ли?

Мне нужно было впечатлить и своего нового босса, и прежних боссов в Лондоне. Я хотел показать им, что они совершили большую ошибку, не обращаясь со мной лучше. В действительности они обращались со мной не так уж и плохо. Просто недолгоблывать их было удобно. Истинная причина, по которой мне было необходимо убраться из Лондона, заключалась в том, что я ненавижу своего креативного партнера. До одержимости.

Помню, как однажды стоял с одной из этих длинных линеек со скошенным краем в руках, которыми пользуются, чтобы резать картон скальпелем. В сущности, такая линейка — тупой меч. Он находился слева от меня. И вдруг я ощутил, что теряю сознание. Я не упал, ничего такого. Я лишь выключился на пару секунд. Видел перед собой что-то вроде желтого тумана.

Я пришел в себя — и пришел в ужас, что сейчас посмотрю вниз, на пол, и увижу, что он лежит там с раскроенной башкой. Это был тот день, когда я высунул собственную голову в окно и стал названивать хедхантерам. Я боялся того, что могу натворить, если буду продолжать с ним работать, и лучше было уехать из страны, чем опасаться встретить его на сушьих улицах Лондона. Или, может быть, мне просто были нужны перемены.

В новой для меня стране, в новом для меня городе я не интересовался девушками. То есть вообще. Когда я думаю о тех возможностях, которые упустил, мне просто хочется разрыдаться. Иностранец вроде меня на Среднем Западе сильно выделяется из толпы. Кстати, я таки пригласил одну роскошную девушку на свидание, но она сказала, что ее интересуют только серьезные отношения, ну, я и подумал: какого хрена, если я не могу получить красотку, то я так не играю. Разумеется, был и другой момент: я не хотел, чтобы меня там захомутали и обзавели двумя детишками и собакой. С момента, когда приземлился мой самолет, я знал, что мне придется со временем оттуда убираться.

Я думал, что года будет достаточно. Я ошибался. Я купил дом, но это было сделано только для того, чтобы убедить самого себя в серьезности намерений. Дом было легко продать на процветающем рынке недвижимости. И если бы я разыграл сданные карты верно, то еще и наварил бы денег на том мудаке... Да и вообще, когда еще я смог бы себе позволить викторианский дом с паркетными полами и хорошеньким диваном-качелями на веранде, как в сериале «Уолтоны»? Агентство договорилось с банком, чтобы мне помогли его заполучить.

Этот дом радовал меня несказанно, — примерно этак с месяц.

Тем временем я свел весьма близкое знакомство с внутренним устройством аэропортов. В Америке летать на самолете — все равно что в Англии ездить на автобусе. Чтобы попасть на назначенную встречу, садишься в самолет. Особенно если базируешься в Сент-Лакруа, штат Миннесота. Первой работой, которой меня озадачили, был огромный проект — реклама автомобильной компании *BNV*, увязанная с фильмом Шейна Понда «Завтра всегда плачет». Их новую модель 9T использовали в этом фильме, так же как и их новый мотоцикл, T2600 «Серфер». Они хотели сделать три клипа и три печатные рекламы, чтобы заявить об этой в высшей степени привлекательной ассоциации образов. Вот это был геморрой, да. Нужно было подать машину в лучшем виде и показать нарезку из фильма. Очень трудная задача. Очень трудно найти отличную чистую идею, когда приходится включать в нее все эти отдельные элементы. И еще, сверх всего, нам приходилось иметь дело с тремя разными клиентами: 1) *BNV* — Северная Америка; 2) *BNV* — Германия; 3) киностудия «Ди-Джи-Ар Пикчерс». Потребовалось почти девять месяцев и втрое больше перелетов, чтобы родить этого ублюдка.

Мой офис располагался на 32-м этаже небоскреба из зеленого стекла с видом на равнины Среднего Запада, простиравшиеся на сотни миль во всех направлениях. Я мог бы с таким же успехом прибыть на Луну. Это напоминало мне научно-фантастическую программу BBC 1 под названием «Космос-1999». Я находил массу общих моментов. Интерьеры этой лунной базы — сплошь чистые линии и хай-тек, а виды из окон — сплошь мрак и запустение. Обитатели этой базы, все как один, были отобраны вручную, весьма цивилизованны и, сверх всего, дисциплинированы. Это много значило в «Киллалоне». Способность улыбаться под психологическим давлением. Они это обожали. Им нравилось, когда ты страдал молча.

И я неплохо научился это делать.

Я пробывал трезвенником пять лет. Для того и бросил пить. Это было то, на что я ни в коем случае не был способен сам. Я имею в виду, на бумаге все выглядело отлично. Дом. Работа. Деньги. Переезд в Штаты. В те времена, когда я пил, мне просто не светила бы такого рода ситуация. И я поздравлял себя с тем, что не попался в ловушку, заведя подругу, потому что никак не смог бы уехать, если бы это сделал. Я принял твердое решение сопротивляться заходам любой девушки родом из

любого места Среднего Запада. Дураком я не был. Я не собирался позволить окрутить себя и осесть там до конца дней своих с роскошной женушкой и блондинистыми детишками, а «Киллалон» постепенно поддавал жару, пока я не начал трескаться, как весенний лед.

Я скорешился с местными группами АА: они были великолепны. Я начал чувствовать себя лучше. Сент-Лакруа — столица реабилитации. Там больше реабилитационных центров, чем в любом другом месте Штатов. Это была одна из причин, почему я изначально с таким воодушевлением отнесся к переезду туда. На самом деле на территории «Пентагона лечебных центров», больше известного под названием Хэзлтон, есть бар. Да-да, так и есть, именно бар, в котором подают алкогольные напитки. В этом баре на стене есть табличка. На ней написано: «Принимаем медали АА». За каждый год трезвости ты получаешь маленький металлический жетон, называемый медалью. Этот бар предлагает выпивку на один вечер любому впавшему в ересь члену АА, готовому расстаться со своей медалью. Стена за барной стойкой была сплошь покрыта медалями.

Пока я не пил и не ввязывался в отношения, сохранялась возможность вернуться в Лондон, к прежней жизни, и вспоминать весь этот период как интерес-

ное отклонение от сосредоточенности. В любом случае, я выглядывал из своего окна после того, как меня привезли сюда и стали платить неплохую зарплату — я зарабатывал 200 000 долларов в год. Мое эго раздулось до точки эякуляции. Понравившиеся мне предметы обстановки были тщательно упакованы и отправлены домой, моя мать получила гигантский букет цветов со словами сочувствия в связи с потерей мужа, моего отца. Несказанные, неопишуемые ожидания довлели надо мною.

Окей, богатенький Буратино, поехали дальше.

Все это сильно отдавало бредом, но я был не против, потому что должность у меня была хорошая. Если бы я напортачил, это все равно не имело бы особого значения, поскольку я был в чужой стране. И, разумеется, я позаботился о том, чтобы «ребята, оставшиеся в Лондоне», узнали обо всем в подробностях.

Итак, я возвращался по вечерам после встреч АА в свой большой викторианский дом, и мне нравился тот факт, что у меня практически не было мебели. Мне импонировало жить в доме, в котором мебели всего ничего. Эта скудость напоминала мне обложку альбома *Deer Purple*, который был у меня когда-то, — того альбома, где изображен огромный

деревенский дом во Франции со звукозаписывающей аппаратурой, проводами и крутыми на вид прибабасами, разбросанными повсюду. Это был эффект, к которому я стремился.

Но никто другой не оценил иронию того, что пустой по большей части дом принадлежит бритоголовому ирландцу, не производящему впечатления достаточно ответственного человека, чтобы дать ему ипотечный кредит. Это меня развлекало. Мне не показалось бы странным, если бы однажды кто-то пинком распахнул мою дверь и сказал: «Произошла ошибка. Вали отсюда». Я бы молча убрался, потому что на самом деле не думал, что заслуживаю такой удачи. Это было связано с чувством вины и стыда за то, что я делал с людьми, когда был пьяницей. Эта потребность делать больно уменьшилась, когда я бросил пить. Может быть, ее заменила потребность причинять боль себе.

Мои соседи пытались привечать меня, но не понимали, что я ни в коем случае не стал бы якшаться с ними добровольно. Ладно еще, если кто-нибудь заходил ко мне в гости или приглашал на пиво (на колу — в моем случае). Иронии вполне можно достичь при таких условиях. Все было нормально, пока меня не вынудили просить займы газонокосилку.

Американские лужайки обременены социальным и политическим значением. Есть закон, в котором сказано, что ты должен поддерживать свою лужайку в порядке, иначе соседи могут заставить тебя это сделать. Я ничего об этом не знал и сразу же возрадовался возможности позволить переднему и заднему дворам стать ближе к природе. Вежливый стук в дверь все изменил.

Вежливый стук в дверь много за что отвечает в этом мире. И вот он — с нахмуренным лбом, с ладонью, прижатой к сердцу, и с буклетом в другой руке.

.....

Им нравилось,
когда ты страдал молча.

.....

Воплощенный Штат Миннесота.

— Доброго утречка.

— О, привет... — проговорил я, изображая удивление, хотя втайне следил, как этот жирный мудака топает через двор к моей передней двери.

— Я тут заметил, что у вас имеются кой-какие проблемы с уходом за лужайкой, ну и подумал, что, возможно, вам будет инти-иресно почитать этот буклет.

Ленивое произношение слов типа «инти-иресно» — условный код неофициальности. Говорить «инти-иресно» вместо «интересно» — это способ объявить, что твой собеседник — просто обычный человек.

— О, спасибо большое, это, право, очень мило с вашей стороны, — выдал я, вспоминая опыт всех своих десяти лет британскости, который приберегаю специально для таких случаев.

Однако это весьма унинительно.

Газонокосилка, которую я взял взаймы у другого соседа, была с полным баком бензина, и даже я понимал, что его надо будет заправить. Такая задача должна была повлечь за собой беседу с работником бензоколонки.

— Так вы, значитца, нездешний, верно?

И так каждый раз.

Я изменил свое произношение. Сделал его чуть более плоским. Мог притвориться, что я из Нью-Йорка или Лос-Анджелеса. По крайней мере, им не казалось бы, что они заполучили редкую добычу. Назваться ирландцем, но из Лондона — это все равно что применить столь дикий метод фелляции, отчего у них стекленеют глаза и тихая счастливая улыбка кривит мгновенно онемевший рот.

А потом начинаются благодарности.

Я символизировал для них каждую открытку, фильм или слух, который когда-либо исходил из Европы. А всем известно, что послы должны быть дипломатами. Я просто выбирал то, что пытался купить, и уходил. Я их ненавидел. Прошу прощения, но я ненавидел их до чертиков. Приезжая в отпуск домой, я не мог даже взглянуть на логотип «Макдоналдса» без желания плюнуть. Теперь я в порядке, потому что живу в Нью-Йорке. Спасибо тебе, боже, за Нью-Йорк.

Но Средний Запад — дело иное.

У моего босса была привычка указывать пальцем на девушек, которые приходили работать в агентство, и шептать: «Она не замужем». Я просто не мог в это поверить. Он активно поощрял меня встречаться с девушками, которые работали в агентстве. Разумеется, его теория состояла в том, что, если я женюсь «внутри компании», эта компания будет жить вечно. А потом у меня, может быть, даже появятся дети.

А еще он спрашивал:

— Вы приехали на автобусе, не так ли?

— Так.

— Я познакомился со своей женой в автобусе.

Да ради святого Перетраха! Он, в общем-то, был на самом деле достаточно достойным человеком. Не думаю, что он поступал так из цинизма. Просто ему казалось, что он купил меня с потрохами. Реклама лжива. Как только это поймешь, у тебя появляется шанс. Но он верил в это очковтирательство. Жена — дом — дети — собака. Думаю, он был хорош и в своем деле, и как начальник, он просто был недостаточно подозрителен.

Я, разумеется, сознаю, что, читая это, вы могли бы прийти к выводу, что все испытанные мною несчастья были моих же рук делом. Что моя подозрительность в отношении добрых намерений моего босса сама по себе была проблемой. Но именно это я и делаю. Я подозреваю. У меня трудности с доверием к людям. Чуждая концепция. Просто спросите любую из миллиардов девушек, с которыми я не встречался.

Так что у босса были свои мотивы, а у меня свои. Я просто хотел заполучить «Киллалон Фицпатрик» в свое резюме на один год. И все. Один год. Спустя три месяца я запаниковал. Если бы я не въехал только что в этот дом, я смылся бы оттуда немедленно. Так что, полагаю, все повернулось к лучшему.

Как бы там ни было, прошло почти два года, прежде чем я сумел вырваться, но это не та тема, о которой я хочу говорить. Я упоминаю обо всем этом рекламном деле лишь затем, чтобы дать вам фон для проекции на него всей остальной моей истории. На самом деле главное — рассказать вам, как я очищался от грехов перед женщинами и, разумеется, перед самим собой. Как говорится, нас не наказывают за наши грехи — наши грехи сами наказывают нас.

А еще я абсолютный параноик. В смысле — настоящий параноик. Не просто слегка заинтересованный тем фактом, что могут существовать на свете люди, которые не слишком близко принимают к сердцу мои интересы. Нет. Параноик в полном смысле слова. Синоним — эгоцентрист. Однако второе слово мне не так нравится. У него недостаточно медицинское звучание. Паранойю стоит упомянуть, потому что она порой подливает масло в огонь моего безумного мышления. Типа как тогда, когда я думал, что Пен платит кому-то, чтобы меня преследовали. Зачем ей это делать, было не вполне ясно.

Моя паранойя дает мне лишь общие сценарии. Она слишком ленива, чтобы вдаваться в подробности. Я верил, что люди, обычные люди на улице, —

это оперативники у нее на службе. Всякий раз как я выходил из своей квартирки в Камберуэлле, какая-нибудь старуха или мужчина с дочерью становились врагами, которых мне приходилось избегать. Я напускал на лицо выражение, которое, на взгляд моего бедного помраченного разума, означало следующее: «Я знаю, кто вы все такие. Я собираюсь создать впечатление, что не знаю этого, просто чтобы мы могли поддерживать игру в загадки, но на самом деле я знаю. Так что отвалите».

Возможно, вам интересно, как выглядит такое выражение лица. Так я вам расскажу. Задиристый гнев. Злобный рык с легкой улыбочкой, неразличимый, но все же... Я знаю, что ты знаешь, что я знаю — и так до бесконечности. Разумеется, тот факт, что я рассказываю вам обо всем вышеизложенном, слегка вредит правдоподобию всего нижеследующего, но моя единственная обязанность в этой книге — рассказать о случившемся.

Это моя терапия. Я слишком чокнутый, чтобы идти встречаться с психотерапевтом, и, честно говоря, в любом случае не стоит ему доверять, верно? В смысле, моя паранойя не собирается выключаться на этот один час в неделю. И у меня без того довольно хлопот, поскольку приходится быть гением в течение дня и путеводной звездой АА по вечерам.

Помнится, я слышал, как кто-то где-то говорил, что можно отделаться от болезни, изложив ее на бумаге. И кто знает, может быть, кому-то это изложение принесет пользу.

Как я уже сказал, теперь я живу в Нью-Йорке. Здесь я гораздо счастливее, и несмотря на то, что способ, каким я попал сюда, был не вполне красивым, теперь мне здесь нравится. Меня самого это изумляет. Первые два месяца, проведенные на Манхэттене, были временем, когда я подошел к самоубийству ближе, чем за всю остальную жизнь. Забавно, как она пришла ко мне. Мысль покончить с собой.

Прошла всего неделя с тех пор, как Эшлинг отвергла меня в баре «Фанелли», и в этот период я каким-то образом сумел достойно изображать самого себя. Хотя, казалось бы, это должно даваться мне легче, учитывая, сколько лет я был занят самим собой.

Я делал перерывы, чтобы выйти на улицу и поплакать. Это помогало.

В общем, я обнаружил, что выглядываю из окна седьмого этажа нью-йоркского отделения того же агентства, в котором работал в Сент-Лакруа. Был конец марта. Было очень душно и влажно. Так что вот он я, стоял, пытаюсь глотнуть воздуха, дожидая-

ясь порыва, мельчайшего движения милостивого ветерка, — и вдруг бросил взгляд на бетон внизу. Окна выходили в тыл здания, так что я смотрел сверху вниз на те странные защитные козырьки, которые есть повсюду в Нью-Йорке. Черт их знает, зачем они нужны. В центре была маленькая прямоугольная полянка из бетонных плиток в форме сот. Эта мысль пришла ко мне мягко. Очень деликатно. Не как какой-нибудь безумный резкий монтажный стык, который заставляет зрителя моргнуть.

.....

Моя паранойя дает мне лишь общие сценарии. Она слишком ленива, чтобы вдаваться в подробности.

.....

Совершенно спокойный, я увидел себя лежащим, словно в парадоксальном сне, идеально оправленным в раму этой прямоугольной площадки. Левая нога согнута, правая прямая, левая рука согнута, ее ладонь повернута вниз. Правая рука вытянута вдоль тела. Голова повернута вбок, на левую ладонь, словно я сплю на подушке. Чуть выше головы и под левой ладонью было нечто, казавшееся очень аккуратно нарисованной абстрактной областью красного.

Словно большой расплющенный цветок, на котором покоилась моя голова. Покоилась. Я выглядел мирным. Недосягаемым для боли.

Видите ли, я испытывал сильную боль. Но ее причиняло абстрактное лезвие. Я имею в виду, что боль была физической, ее причина — нет. Полагаю, некоторые сказали бы, что я страдал от разбитого сердца. Или еще можно сказать, что это просто жизнь. Или, может, алкоголизм минус алкоголь. В конце концов, на данный момент я уже пять лет как был трезвенником. Верно, но происходило кое-что еще. Откуда я знаю? Да я и не знаю. Я просто не верю, что мое эмоциональное состояние можно было объяснить таким подростковым термином, как «разбитое сердце». Хотел бы я оказаться неправым, но не знаю, как кто-либо мог бы это доказать, так что я остаюсь в достаточной безопасности. Это еще одно, что вы узнаете обо мне, когда мы продолжим. Мне не нравится рисковать. Я говорю собеседнику о возможности того, что я неправ, лишь тогда, когда совершенно уверен, что прав.

Это помогает мне казаться более скромным.

Например, если я уверен, что мысль, пришедшая мне в голову, забавна, я притворяюсь, что ее высказал кто-то другой, чтобы увидеть и услышать непредвзя-

тую реакцию человека, которому я ее пересказываю. Если собеседник смеется, я поздравляю себя с тем, что придумал смешную шутку — по-настоящему смешную, потому что она вызывала смех у моего знакомого просто так, без подозрения с его стороны, что я обижусь, если он не сочтет ее забавной.

О чем бишь я? О самоубийстве. Да, самоубийство пришло ко мне, как старый друг. Я только что приехал сюда из Миннесоты, чтобы быть с девушкой, которую любил. Я мог видеться с ней в любое время, когда мне того хотелось. Я мог поговорить с ней и днем, и ночью. Она была очень рада быть моим другом. Максимальное понижение в должности. Слово «друг» отражалось в моем лихорадочно возбужденном разуме как «евнух». Я мог видеться с ней, но только как не-мужчина.

Изысканная пытка.

И еще было так жарко.

Мне нужно было делать много такого, что меня до жути пугало. Производить впечатление на людей. Смотреть квартиры, генерировать идеи.

У меня было стойкое ощущение, что мир и его обитатели пытаются не расхохотаться мне в лицо. Что они сделают это позже, когда я отвернусь. Эта мысль пришла ко мне.

Тебе не помешал бы отдых.

Я почувствовал, что медленно киваю в ответ. И тогда все было бы кончено. Больше никакой боли.

Холодный ветерок на пути вниз.

Это имело смысл. Особенно холодный ветерок на пути вниз. Это было очень привлекательно. Кто-то вмешался и сказал «нет». Полагаю, я после этого вроде как утратил чувствительность, но эта картинка меня самого в обрамлении серого бетонного матраца останется со мной навсегда. Мой параноидный поляроид. Та единственная фотка, к которой *она* определено приложила руку.

Так, давайте-ка посмотрим, мы зашли слишком далеко, давайте немного вернемся назад... ага, верно, я в Сент-Лакруа, и на дворе примерно август. Мой папаша помер и теперь лежит в земле на окраине Килкенни, в углу кладбища рядом с собственным папашей. Странно даже думать об этом. Я был жив и благополучен и ждал того, чего ждали все в Сент-Лакруа. Зимы. Если вы улыбаетесь, и вас переполняет веселье, и вы складываете губки бантиком, то какой-нибудь здешний лютеранин насладится этим моментом, а потом скажет: «Ну, погодите у меня!»

Они не любят счастья. Серьезно. Все эти шведско-норвежские влияния оказывают тот же эффект,

что и большое мокрое шерстяное одеяло, которое заледеневаает до твердости Зимой. Как минимум на шесть месяцев. Гребаная холодрыга. Если живешь там, замороженность становится близким родственником.

Я ощутил ликование, когда однажды утром проснулся, и тот мудака в телевизоре сообщил мне, что на улице -17 , а не -30 , как накануне. Я был готов от счастья выпрыгнуть из трусов и шлепанцев. Для любого вменяемого человека из реального мира это все еще «ох, блин, как холодно». Никогда прежде изображение девушки в бикини не вызывало у меня такого чувства непонимания. Была такая реклама на боку автобуса, застрявшего в сугробе. Улыбающаяся, загорелая, подперев голову рукой, она говорила: «Ты долбаный идиот». Когда тот автобус прополз мимо меня, ее губы, казалось, действительно двигались, выговаривая вопрос: «На фига ты морозишь себе яйца в этой недо-Сибири?»

Я бы заплакал, но слезы наверняка замерзли бы и ослепили меня. Я не знал, что бывает со слезами при таких температурах. Да и откуда мне знать? Я же был нездешний. У меня не было подобного опыта. Я извлекал извращенное удовольствие из сюрреализма этого местечка. Ад с обратным знаком. Вместо пламени и серы — снег и лед.

В Миннесоте есть миф о феномене, который возникает при температурах ниже -40 : кофе из чашки можно выплеснуть в воздух, и он кристаллизуется прежде, чем упадет на землю. Я слышал это по меньшей мере трижды, прежде чем пережить здесь свою первую Зиму. Полагаю, целью этого маленького любопытного факта было напугать новоприбывших до усрачки. В нем была прекрасно встроенная маскировка — в том смысле, что на первый взгляд он казался просто интересным фактом, стоящим упоминания.

В нем было даже то, что мы в рекламе зовем мнемоническим символом. В смысле, одна памятная вещь, которую можно из этого вынести. Эта история пошла бы под заголовком «Место, где кофе замерзает на лету». Данный факт выступает в ней в роли ложной цели. Можно рассказывать эту историю, прикидываясь тем, кто просто делится знанием. Однако истина скорее связана с удовлетворением, которое рассказчик получает от выражения лица слушателя, когда до того доходит, насколько адски холодно должно быть, чтобы кофе из чашки, выплеснутый в воздух, замерзал на лету. Тогда слушатель должен решить, реагировать ли ему честно, то есть побелеть и блевануть, или нечестно, то есть продемонстрировать притворный интерес к физи-

ческой стороне этого явления. Как-то раз вечером в моем викторианском доме имелись в наличии: постель, стол, акустическая система и приятель-техасец. Я упоминаю, из какого он штата, только потому, что это снимает любые претензии, которые вы могли бы ему предъявить по поводу его знаний обо всем, что связано с этим долбаным морозом.

— Чувак, на улице минус тридцать пять. Давай попробуем эту штуку с кофе.

— Недостаточно холодно, — сказал я, страшась перспективы варить кофе и демонстрировать свое неумение пользоваться кофеваркой, к которой я даже не прикасался, и держал этот агрегат дома только потому, что кто-то всучил мне его в качестве подарка на новоселье.

— Чувак, при ледяном ветре это достаточно холодно.

— Ну, мне не хочется варить кофе. Я даже не уверен, что он у меня есть.

— Чувак, вода тоже пойдет. Вскипяти водички, а?

Какого черта, мне уже все равно наскучило слушать, как великолепен Техас! У меня имелись в хозяйстве кастрюли, хотите — верьте, хотите —

нет, и прежде чем вы успели бы проговорить «помни Аламо»¹, у нас уже стоял на плите ковшик с водой.

— Чувак, подожди, пока забулькает. Она должна булькать, иначе не сработает.

.....

У меня было стойкое ощущение, что мир и его обитатели пытаются не расхохотаться мне в лицо.

.....

И она таки забулькала. Кухня выходила на задний двор, и к ее порогу вела лесенка в пару ступенек. Я открыл противомоскитную дверь, которую научился держать постоянно закрытой, даже Зимой. С этими мелкими ублюдками нельзя пускать дело на самотек. Потом, влезши в свою тщательно выбранную куртку, целиком на гусином пуху, «пуховик и бронжилет в одном» (по всем параметрам представлявшую собой гараж, только гибкий), я приоткрыл кухонную дверь на ширину одного глаза. Эта техасская задница и слышать ничего не хотела. Одетый в одну толстовку, он схватил ковшик за ручку обеими рука-

¹ «Помни Аламо!» — боевой клич техасцев в битве при Сан-Хасинто. — *Прим. ред.*

ми и, стараясь ни капли не пролить, понес исходившую паром кастрюльку в ночь. Я широко распахнул дверь и включил уличное освещение.

Ну, хрен знает, если это правда, я не хотел это пропустить. Итак, он вышел на верхнюю ступеньку. Теперь из-за контраста температур казалось, будто кастрюлька дымится. Он держал ее обеими руками перед собой. Он произнес слово «чувак» еще один раз, просто потому что представилась возможность, и, чуть отклонившись назад, выплеснул содержимое в черное небо. В облаке пара что-то блеснуло, а затем раздался мощный рев.

Он смотрел прямо перед собой и содрогался. Поначалу я решил, что ему холодно, но потом до меня дошло, что дело как раз в обратном. Вода — кипящая вода — взлетела вверх, а затем ринулась вниз, приземлившись точно на него. Далеко не замерзшая, она лишь слегка охладилась, и только это избавило его от поездке в больницу.

Забавно, как тихо становится в округе, когда все покрывается четырехфутовым слоем снега. Как это нереально: утром выйти из дома и оказаться в декорациях «Доктора Живаго». Волоски в ноздрях замерзали, а если я пытался поковыряться в носу, ломались. Воздух обжигал легкие до боли. Я чувствовал

его тяжесть в груди. И пусть на мне была смешная огромная шапка, но я предпочитал, чтобы мои уши были прикрыты.

Первыми страдали выступающие части. Уши, пальцы. Как у этих типов, что у всех на слуху, вроде капитана Скотта с откушенными морозом пальцами на ногах. Тебе необходимы эти смешные шапки с висячими ушами. О да! Зима не только оскорбляет органы чувств, она с таким же рвением нападает и на чувство вкуса. Но очистительный эффект холодного, стерильного воздуха был почему-то утешающим. Он позволял заговорщицкой лени обволакивать душу. Заговорщицкой, потому что другие помогали тебе откладывать жизнь на потом. Ибо по-другому это не назовешь. Я говорил себе: ну, в этой обстановке ничего невозможно достичь. Природа настолько негостеприимна, что нет смысла начинать новый проект, пока погода не улучшится — чего, как я в итоге начал надеяться, не случится никогда.

Для подобных надежд этот штат — как раз то местечко, что надо. В миннесотские Зимы люди жили настолько, что не могли выйти из дому, что, в свою очередь, способствовало дополнительному накоплению жира. Им прямо на дом непрерывно доставляли все новые и новые припасы. Снегоочи-

стительные машины поддерживали дороги в проезде состоянии только для того, чтобы кормить этих жирных мудаков пиццей. Да и сами водители этих машин худышками не были. Но знаете что? Я постараюсь больше так не говорить. Об этом и так слишком часто говорят в Миннесоте. «А-знаете-что» то и «а-знаете-что» се. По мне, так эти «а знаете что» следовало бы придержать для чего-нибудь по-настоящему неожиданного.

— А знаете что?

— Что?

— Пошли вы на хер!

Кстати, прежде чем прервать самого себя, я собирался сказать, что был настолько хорошо подготовлен всеми своими знакомыми к Зиме, что, когда она таки пришла, все оказалось не так плохо. Мне говорили, что на мою долю достались две самые мягкие зимы за очень долгое время. Но я был не в претензии и обманутым себя не чувствовал. Я все равно могу с чистым сердцем сказать, что пережил две Гребаные Ледяные Миннесотские Зимы. Я свой срок отбыл. Соедините мой целибат с арктическим экспериментом и получите мощный коктейль из запертой внутри агрессии и самоотрицания. Я на-

чал понимать тех, кто испытывает соблазн пойти в «Макдоналдс» с «узи», требуя удовлетворения. Допускаю, что, если бы я когда-либо вошел в подобное заведение с желанием устроить такого рода хаос, я был бы тем парнем, который отказывается обратить оружие против себя. Гораздо лучше выстрелить себе в ногу и притвориться одной из жертв. Тогда можно смотреть последствия этого события по телевизору, лежа на больничной койке. Но разве другие жертвы тебя не узнают? Нет. Если ты позаботишься о том, чтобы они не видели твоего лица, то не узнают. Ладно, ладно — я таки об этом подумывал.

Один год в Миннесоте шел за три. Мне принадлежал викторианский дом в одном из лучших районов Сент-Лакруа, я зарабатывал по 200 000 долларов в год, мой платеж по кредиту составлял 4500 долларов в месяц — и меня сводил с ума стресс. Зарплата была вдвое больше того, что требовалось для ежемесячных платежей, так что я мог себе многое позволить, но даже при этом я не был богачом. Я думал, что буду богачом. Я предвкушал, как буду небрежен с деньгами. Как у меня будут дорогие игрушки типа автоматических проигрывателей, саунд-систем, бильярдных столов и завернутых в пузырьковую пленку древностей.

Не-а. Но погодите-ка, я собирался сделать себе состояние, продав дом, не так ли? Да, конечно, собирался, а теперь вернемся к работе.

Я был убежден в том, что каждые 4500 долларов, которые я отдавал за этого «викторианца», были все равно что деньги, положенные в банк. Нет. Единственное, что мне удалось сделать, — это заморозить саму ссуду (что вполне уместно, учитывая температуру «за бортом»). Ничто на самом деле не выплачивалось. За исключением процентов и страховки. В сущности, я выплачивал лишь проценты на кредит. И разумеется, я не заработал ничего и близко похожего на «состояние» на этом шлюшьем доме, когда в итоге таки продал его. Я типа как свел все к ничьей — едва-едва. Так что в ретроспективе это причинило мне не столько боли, сколько могло. Но в то время у меня имелись в наличии дом, который висел жерновом у меня на шее, решимость не прикасаться ни к чему, что могло бы привести к контакту с существом женского пола любого вида (не только человеческого), и желание вернуться в Лондон, которое буквально носилось в воздухе вокруг меня.

Я ждал «Обсервер», как вино ждет, когда его откроют. Мою печаль в случае, если этот журнал оказывался распродан или просто не привезен из-за —

погодите-ка! — холодной погоды, нельзя было передать словами. А когда он появлялся, я прижимал его к груди. Да, ему было уже три дня, ну так что? Я обожал тот остроумный, непринужденный, почти «я сам себе наскучил» стиль, которым авторы выкладывали свои доводы. Я даже не осознавал прежде, насколько на самом деле был урбанистом. Переезд из Лондона в Сент-Лакруа стал для меня бóльшим шоком, чем было бы возвращение в Ирландию. Я понял это достаточно скоро, когда провел пару вечеров в Новом Дублине. Он был таким энергичным, полным жизни и юным в тот канун Рождества, что мне пришлось сдерживать слезы, потому что я знал, что придется вернуться обратно в Миннесоту.

«Обсервер», «Тайм Аут Лондон» — в сущности, что угодно из Лондона. Я обожал эти издания. Полагаю, это типичное ностальгическое поведение, но снимаю воображаемую шляпу перед «Обсервером», особенно за его роль в избавлении завсегдатаев «Макдоналдсов» и других миннесотских едален от неаппетитного конца. А еще кино. Французское кино. Да, у меня был DVD-плеер. Больше нет. Все, что мне нужно сделать сегодня, — это пройти неспешным шагом по авеню А, и я получаю все необходимые развлечения.

Но тогда просмотр какого-нибудь французского фильма был подобен каплям влаги на потрескавшихся губах умирающего от обезвоживания. Не только потому, что французы — благослови их боже — делают отличное кино, но и потому, что я жаждал увидеть все эти старые улочки, и здания, и этот климат, весь такой влажный и мягкий, Иисусе Христе, я обожал на это смотреть! Я даже делал в определенные моменты фотографии сцен, поставив плеер на паузу. Это было в мой второй миннесотский год, когда я по-настоящему начал терять терпение. Те фотографии до сих пор где-то у меня валяются. Мне нужно было поддерживать связь с Европой любым доступным способом. Больше всего я боялся, что включу в свой словарь выражения типа *You betcha*¹ и *You're darn tootin'*². Так что со своими французскими фильмами — Клода Лелуша, моего любимого режиссера, — своими английскими газетами и своим ирландским эго я заставлял европейский флаг гордо реять на яростных миннесотских ветрах. Два года. Два года физически, но духовно это ощущалось как восемь. Каждое утро я трусцой бежал к автобусу по свежей пороше и с хрустом прокладывал себе путь к дому по вечерам. Иногда я

¹ Еще бы (англ.).

² Ты чертовски прав (англ.).

гулял вокруг озера, которое было всего в сотне ярдов от моей заиндевевшей передней двери. Красиво звучит, а?

Спокойно!

Одним из самых красноречивых симптомов гипотермии, появление которого нужно бдительно отслеживать, являются галлюцинации. Воображаемая привлекательность того, что есть перед тобой. Я говорил себе: у тебя отличная работа, прекрасный дом, здесь очень славные люди, роскошные девушки и т.д. Мне следовало бы полюбить все это. Казалось бы, неженатый мужчина тридцати четырех лет, поехавший туда и оказавшийся в таких условиях, должен благодарить свою счастливую звезду. Но я проклинал себя за то, что создал эти обстоятельства. Если бы это происходило с кем-то другим, я бы одобрил и даже пожелал ему удачи, но поскольку это происходило со мной, я не мог этого вынести, словно оказался в неподходящей роли в собственной жизни. Если бы я увидел на другой стороне улицы кого-то, кто поступал бы со мной так, как я привычно поступал с собой, я бросился бы бежать в противоположную сторону. Но ведь я этого сделать не могу, не так ли?

Я состою в браке с самим собой.

И, насколько я мог судить, браки с другими людьми были там нормой. Я не пил, не курил и был довольно воспитанным. По крайней мере, внешне. Мне следовало бы быть идеальным кандидатом для какой-нибудь уважающей себя чистокровной миннесотской девушки. Но, блин, эти широкие зубастые улыбки, эта идиотская заискивающая приятность! Этот безумный сверхбодрый взгляд. Я до сих пор не знаю, что это было. «Золофт»? Тупость? В Нью-Йорке же взгляд у всех просто обиженный. Это кажется мне более честным. Может быть, я просто отождествляю себя с ними.

Итак, я понял, что сыт этим по горло. Все, я решил уехать. И это еще до того, как закончился мой первый год. Я выбрал агента по недвижимости на одной из своих встреч в АА, поскольку не доверял людям, которые продали мне этот дом. Я искренне верил, что мои прежние агенты снимут трубку, наберут номер компании, в которой я работал, и расскажут моим начальникам, что я хочу продать дом. В конце концов, те сделали немалые вложения, чтобы заполучить меня в Миннесоту, и, возможно, заинтересовались бы вопросом, почему я хочу свалить оттуда всего через двенадцать месяцев работы в их компании. Это утверждение я выдвигаю

в защиту своей паранойи. Только когда я действительно физически попытался уехать, выяснилось, насколько это будет непросто. Мой дом никого не заинтересовал. За все это лето никто не сделал мне ни единого предложения. Не могу вам передать, насколько сильнее становился мой ужас с каждым днем. Лето тик-такало прочь, приближались Зима и вероятность провести в изгнании еще год. Зимой ничто не продается.

Мучимый бессонницей, я садился в кровати, проклинал окружавшие меня стены и — да, плакал. Длительные, всхлипывающие, полные жалости к себе сеансы печали. Не думаю, что кто-нибудь меня видел в эти моменты — по крайней мере, надеюсь, что нет, — но порой я оказывался на четвереньках. Это была единственная поза, в которой я мог дышать. Иногда в итоге я даже смеялся от облегчения.

Работа тоже была очень напряженной, так что, полагаю, это усугубляло ситуацию. На самом деле, именно работа составляла значительную часть проблемы. Они понимали, что никуда-то я не денусь с этим домом на шее. Они мягко увеличивали и увеличивали давление. Потребовалась бы по меньшей мере пара месяцев, чтобы продать дом. Следовательно, они

комфортно себя чувствовали, поручая мне самые трудные задания. Я не мог бы уволиться в никуда. Или, соберись я это сделать, они узнали бы об этом загодя. Так что, чем больше нарастало давление, тем сильнее я хотел продать дом. Но этот мерзавец и не думал продаваться, так что я даже начал снижать цену по совету риелтора. Я не был от него в восторге к тому времени, как мы закончили. Я приходил домой, в свой прехорошенький домик и проклинал риелтора, дом, но в основном себя — за то, что купил его. Риелтор посоветовал мне его обставить. В сущности, создать впечатление, что кто-то в нем живет. Кто-то нормальный. Так что я купил мебель, такого рода мебель, которая как бы намекала, что там живет женщина средних лет. Я ухаживал за садом. Ставил вазы с цветами перед приходом каждого клиента. Стриг лужайки. Стал тем самым существом, каким был счастлив *не быть*, только чтобы продать ЭТОТ ШЛЮШИЙ ДОМ. Но дело не двигалось.

Однажды вечером я вернулся домой после того, как отказался идти на рождественский корпоратив компании. *Они* каким-то образом ухитрились поставить две ледяные скульптуры по обе стороны дорожки к моему порогу. Большие цилиндры изо льда со вставленными внутрь свечами.

Очень мило, право.

Я сшиб их обе пинками. Для меня эти уютные скульптуры символизировали тот факт, что я не защищен от их пытливого взора даже в моем долбаном переоцененном доме. Мое состояние было никуда не годным. Так что я уходил с головой в работу и делал все, на что был способен. Я хорошо ее делал. Но ничто из того, что я зачинал, не рождалось на свет. Я не мог не думать о том, что на самом деле они хотели только одного — нарыть побольше идей и выпустить их в общий концептуальный пруд, из которого могли черпать лайферы¹.

Лайферы были их любимцами. Те, которые никогда не уйдут, — и поэтому никто не ждет от них их собственных идей. Лояльность вознаграждалась отсутствием давления. Им для пропитания постоянно требовалась новая плоть. И они ее получали. Довольно справедливо, как только поймешь правила. Довольно страшно, если ты купился на генеральную линию, которая гласила: «Мы любим всех своих. Ты — часть нашей семьи».

От этих слов мне хотелось пойти помыться. Весь мой *raison d'être*² заключался в том, чтобы не стать

¹ От англ. *lifer* — приговоренный к пожизненному заключению.

² Смысл существования (*фр.*).

лайфером. Вы когда-нибудь видели фильм под названием «Фирма»? Вот на что это было похоже. Компания, которая знала каждый твой шаг и контролировала тебя. Все было прекрасно — до тех пор, пока ты не пошел против их учений.

Кстати, я полностью согласен, что бóльшая часть из того, что я говорю, — это паранойя. Все, что следует далее, вполне могло бы быть игрой моего воображения, ни на чем не основанной. Я имею в виду, что действительные факты и цифры верны. Даты, зарплаты, награды и прочее. Но мотивация и эмоции людей, окружающие эти незыблемые столпы, лишь дым.

Я работал в очень странной, но все равно великолепной компании. Я не заморачивался, потому что мне было интересно в Штатах, даже если это всего лишь Миннесота. И это шло мне на пользу, поскольку «Киллалон Фицпатрик» имел репутацию продюсера фантастических работ, получавших награды, и даже если никакие мои идеи не пошли бы в производство, это было более волнующим делом, чем сидеть в Лондоне и заниматься все тем же, чем я занимался годами. Не стану притворяться, что в то время мне это нравилось, но то, что я перебрался сюда, в Ист-Виллидж, вытащив себя из Лондона в США, было прекрасно.

Итак, прожив там уже бóльшую часть своего второго года, четвертого года без выпивки, я по-прежнему отказывался сходиться с любыми женщинами. Моим любимым методом мастурбации было принять славную горячую ванну, хорошенько намылить своего лысого приятеля, а затем устроить ему старую добрую трепку. На каком-то этапе я собирался написать пьесу, целиком посвященную моей правой руке, — любовную историю. Там были бы сцены, когда я случайно позволял ладони задеть бедро — и вспыхивал румянцем. В другой сцене правая рука начинала ревновать к левой и отказывалась заниматься любовью.

Много раз по вечерам я спешил домой, чтобы заняться с собой страстной любовью. Сохраняя в памяти в течение дня образы красивых секретарских задниц, я мысленно объединял их в одну составную идеально-совершенную ягодичность. Как вы могли убедиться из предшествующих страниц, это не оказало никакого извращенного влияния на мое ментальное или духовное состояние. Если уж на то пошло, еще один зал, полный завсегдатаев «Макдоналдса», был избавлен от неудобной необходимости обращаться за возмещением по медицинской страховке. Кроме того — и прежде всего, — я сам был избавлен от головной боли быть обязанным потра-

тить четырнадцать лет на брак с какой-нибудь бабой шведского отжима, которой заплатила бы моя компания, чтобы она вышла за меня замуж. Представьте только все эти ледяные скульптуры на моей дорожке каждое Рождество (как подумаю, так и содрогаюсь, а ведь я здесь, и на дворе август)! Достаточно сказать, что в этот самый миннесотский период мастурбации было изрядно.

Знаете ли вы, читающие это, кто бы вы ни были, вы будете прощены за мысль: «Да что с ним такое, с этим парнем? Что его так разбирает? Он получает крутую работенку в Штатах, и после этого только и делает, что ноет». Давайте я просто скажу вот что: я ною ретроспективно. В то время я никогда не ныл. Ни разу. Я был воплощенная скромность и благодарность.

«О, благодарю вас. О нет, это вам спасибо. Зайдете на выходных? Конечно, я в любом случае ничем не занят. У меня нет даже подруги, так что нет никакой опасности, что что-то помешает мне удовлетворить ваши запросы. Вам не нравится эта концепция? Конечно же, нет, она слабая. Мне следовало самому догадаться, что не стоит ее вам показывать».

Я только что не пятился из кабинета задом и с поклонами. А что поделаешь? Я был не в том положении, чтобы торговаться. При моих 4500 долларов

в месяц кредитных выплат и без грин-карты мне просто необходимо было никого не злить. Иисусе, как вспомнишь, так это было даже страшнее, чем я позволял себе осознавать. Забавно, что, когда дело пахнет керосином и мне это не нравится, я переключаюсь на режим «только сегодня». Это старый трюк АА, позволяющий воздерживаться от выпивки. Я не обязан делать что бы то ни было вечно, я просто делаю это сегодня. Так становится сносным даже самое невыносимое дерьмо. Но потом, позднее, когда я оглядываюсь назад и вижу, как тяжело мне было, я позволяю себе выдохнуть.

Но погодите-ка, я должен рассказать вам о том, что случилось в первое Рождество после смерти Па. Вспомните, я к тому времени пробыл в Миннесоте всего четыре месяца, и с Эшлинг мне предстояло встретиться только в следующем ноябре. Мы с матерью сидели в кухне, меряя друг друга взглядом. Мы были в шоке; она — от того факта, что ее муж, с которым прожито сорок лет, куда-то пропал (она говорила мне, что ей снился сон, будто они уехали куда-то в отпуск и она никак не может его найти), а я — от того, что лишился отца, стал перекати-поле и живу на Северном полюсе. Запеченная индейка без ног исходила паром в пространстве между нами. Это был первый раз, когда мать выбирала индейку

сама, и ей показалось выгодной сделкой взять такую, без ног. Она была существенно дешевле, чем вариант с полным набором конечностей. После целой жизни, прожитой с мужчиной, который занимался всеми финансовыми делами, стоимость быта стала для нее насущным вопросом. Пар от индейки смягчал наше представление друг о друге в то Рождество.

.....

Много раз по вечерам я спешил
домой, чтобы заняться с собой
страстной любовью.

.....

В один из следующих дней я выполнял обязанности председателя на местной встрече АА в Килкенни. Обязанности председателя собрания означают, что член общества рассказывает свою историю. Как он пил, как бросил и как живет теперь. В небольших группах народ устает слушать одних и тех же рассказчиков снова и снова, так что когда кто-то приезжает домой в отпуск, его часто просят выступить. В это воскресенье была моя очередь. Среди постоянных присутствующих, со многими из которых я довольно близко познакомился за прошедшие годы, была очень юная, хорошо одетая рыжеволосая де-

вушка, стройная, высокая, элегантная, определенно выделяющаяся из толпы. Она вполне могла бы быть моделью.

Возможно, и была.

Я старался не слишком приукрашивать свою историю ради нее. Начал рассказывать разношерстному утреннему сборищу о том, как я наслаждался тем, что причинял боль людям, в особенности девушкам. Вскользь коснулся того удовольствия, которое от этого получал, удовольствия, которое ощущал, когда они реагировали с таким омерзением. Это было похоже на то, чем я делюсь с вами, добрые читатели, но несколько более общими словами. Далее я рассказал о том, как уверовал, что это поведение связано с моим алкоголизмом, и что я больше не ощущаю потребности это делать, и что мне кажется, я еще должен как-то загладить вину перед всеми этими девушками. Но принцип АА — не возвращаться в те места, где мы могли бы причинить еще больше боли. Я не имел права возвращаться в их жизнь и делать еще тяжелее их бремя, просто чтобы облегчить свое.

После того как я завершил свою речь, рыженькая подошла и поблагодарила меня. Стандартная процедура. Но она рассказала мне нечто такое, смысл

чего полностью дошел до меня только спустя год и что вызвало массу бурных событий впоследствии. Она сказала, что у нее есть подруга, которой нравится делать то, о чем я говорил. Только она делала это с мужчинами. То, что я рассказывал о себе, было очень похоже на то, чем занималась ее подруга. Рыженькая сказала, что теперь эта подруга живет в Нью-Йорке, но родом она из Дублина. Помощница фотографа. И если я с ней познакомлюсь, мне следует быть очень осторожным. Должно быть, я нацепил на лицо свою вежливую маску, потому что она внезапно сказала: «Она о тебе знает».

Эта девушка явно была залетной пташкой. Так часто случается в АА: кто-то приходит на одну встречу, и ты больше никогда его не видишь. Я надеялся, что в данном случае так и будет.

Далее она сказала, что остановилась на выходные у дяди этой так называемой «нехорошей девушки» и что ей нужна была встреча АА, потому что она не может совладать с пьянством и отвратительным поведением. Я вообразил себе сатанинские оргии, происходящие в доме этого дяди, и даже был готов услышать подробности, пока она не упомянула его имя.

Том Баннистер.

Мне было прекрасно известно это имя, поскольку по рекомендации отца я вел с этим человеком денежные дела. Полагаю, можно было бы назвать его моим финансовым советником. Теперь она зацепила мое внимание, но значимость происходящего не отложилась в моем сознании. Потому что там не на что было реагировать.

Позднее, гораздо позднее я вспомнил, что за девять месяцев до этой встречи, когда я еще работал в Лондоне, в газете «Килкенни Пипл» появилась статья, предоставленная и написанная лично мной, с объявлением о моем назначении старшим арт-директором «Киллалон Фицпатрик». Местечковые газеты обожали такого рода вещи. Парень из Килкенни на коне. Я сделал это столько же ради своего отца, сколько и ради всех остальных. Он любил прихвастнуть мной перед своими друзьями. Он даже удостоился упоминания в статье как отец вундеркинда, наряду с названием школы, в которой я учился, и моими хобби (здесь я указал «литературное творчество» и «музыку»). Я не смог удержаться и упомянул еще тот факт, что я холост. Ну, а почему бы нет? Возможно, ее станет читать какая-нибудь славная девушка-ирландка.

Очевидно, нет. Не славная.

Могла ли Эшлинг прочесть эту заметку во время одного из своих приездов к дядюшке Тому? Это объяснило бы, откуда она обо мне знает. Она нехорошая, сказала та рыженькая. Подруга собственными глазами видела, как та обращалась с некоторыми из парней. Она одарила меня долгим взглядом. Слишком долгим. Словно я недостаточно серьезно ее воспринимал. Так и было.

Я думал тогда, что она просто богатенькая дамочка из Дун Лэре¹, которая излишне увлекалась кока-колой и пришла в АА, чтобы осчастливить своего воротилу-муженька. Теперь я думаю, что она пыталась предостеречь меня. Она взяла еще более серьезный тон, повернувшись ко мне перед уходом:

— Дело в ее глазах... в них вся соль... просто невозможно поверить, что она может быть такой плохой.

Помню, я еще подумал: экая жалость, что она такая затраханная, ведь она очень и очень лакомая штучка. Но до меня все же дошло, что та, о ком она говорит, определенно вложила в ее сердце страх Божий. Так что больше я об этом не думал. Да и с чего бы? На свете много людей, как странных, так и не очень, которые постоянно проходят через АА.

¹ Пригород Дублина.

Больше я никогда не видел эту рыженькую.

Итак, я с тяжелым сердцем отправился обратно в январскую тундру. Поклялся себе, что уберусь оттуда прежде, чем закончится год. Это был второй раз, когда я дал себе такое обещание. На деле вышло немого дольше. Я работал над BNV. Я работал только над BNV. Это тяжело, когда работаешь только над одним предметом: невозможно, так сказать, глотнуть свежего воздуха. Это *очень* тяжело, когда работаешь над ним почти два года. А еще это вытягивает из тебя все соки. В какой-то момент я боялся даже лишний раз пошутить в своем маленьком кружке друзей из АА, потому что считал, что пустая трата креативной энергии вычерпает весь мой резерв, и банк окажется пуст, когда BNV придет ко мне снимать со счетов очередную сумму. О да! Когда сидишь над одним и тем же четыре недели подряд, и впереди ни намека на отпуск, и ты не хочешь находиться в этой стране, не говоря уже об этом конкретном офисе, важно воздерживаться от траты своих резервов. Возможно, тебе предстоит долгий путь.

Хоть я и пообещал себе, что вскоре уберусь оттуда, осторожная сторона моей натуры напомнила мне, что я уже говорил это. Был февраль. Три, может быть, еще четыре месяца устрашающей погоды впереди. Сочетая прятки за широкими страницами «Об-

сервера» с теплым свечением телеэкрана, я каким-то образом продержался... до весны, которая продлилась около недели, а потом на меня начало наступление лето. Все преобразилось. Там, где был сплошной белый лист бумаги, теперь начинали возникать нежнейшие карандашные штрихи травы и листьев, почек и цветов.

И девушки. Невероятные арийские экземпляры грудей и бедер. Здоровые почти до степени оскорбления. Как хорошо вымуштрованные войска, колесящие вокруг озер на велосипедах, роликовых коньках и, разумеется, пешком. Сексуальная пехота. Я очень быстро узнал, что они все замужем или вот-вот будут. Заранее застолбленные хитрыми инвесторами. Давайте смейтесь. Они почесывали носики или поправляли самые разнообразные бретельки, посылая мне четкое морзе-сообщение поблескивающими кольцами:

Н-И-Е-Д-И-Н-О-Г-О-Ш-А-Н-С-А-И-З-В-Р-А-Щ-Е-Н-Е-Ц.

Что ж, справедливо. Чем красивее лицо и чище кожа, тем крупнее и ослепительнее блеск. Это голос ее муженька предостерегал меня. Экономил мое время. Как это по-миннесотски! Вежливо. Еще казалось, что непомерную гордость здесь вызывала выпуклая природа беременного чрева — феномен, с которым

я еще не сталкивался. В Лондоне беременность ассоциировалась с неудачей и гибелью для общества. Здесь она поощрялась. Люди получали повышение после рождения ребенка. Маленький якорь из плоти не давал умам корпоративных солдат Америки уплывать слишком далеко от их должностных обязанностей.

Здесь не место для холостых мужчин. Особенно нездешних холостых мужчин. Лето в Сент-Лакруа настолько же жаркое, насколько холодна местная Зима. От духоты даже сам воздух трудно вдыхать. Любая обнаженная плоть становится добычей могучего москита, национальной «птицы» Миннесоты.

Мое первое лето далось мне хуже, чем первая зима. По крайней мере, насчет зимы меня предупредили. А в связи с летними месяцами пришлось принимать решения самому. Кроме того, викторианские дома обычно не имеют скрытой системы кондиционирования воздуха. До 1960-х или 1970-х ее еще даже не изобрели. Сойдет за дотошно исследованный факт?

Мое скромное мнение таково, что многие протесты, связанные с вопросом гражданских прав, и, разумеется, добрую долю проблем этой славной страны, включая гражданскую войну и убийство более чем

одного президента, можно отнести на счет отсутствия кондиционеров.

Ты невинно распахиваешь окна в надежде, что на-мек-на-дуновение-бриза-ветерка вдохнет себя в то безвоздушное пространство, в которое превратилась твоя жизнь. А вместо этого становишься добычей процессии крылатых и пресытившихся инсектоидов, понаторевших в искусстве психологической войны.

Летом эти зияющие адские пасти, замаскированные под окна, изрыгали неслыханные пытки в мой безразличный дом. Я искал спасения в ванне, полной холодной воды, но приходилось оставаться в ней с головой столько, сколько выдерживали легкие. И все равно могли ужалить в лицо.

Я учился. Ранний вечер был временем, когда я казался крылатым хищникам наиболее сочным. В Миннесоте десять тысяч озер. Это целое море влажности, когда становится жарко. Влажность означает москитов. Здесь в ходу одна байка. Пожилые супруги отправились в поход с палаткой. Их предупреждали о том, что москиты в этих краях, что саранча. Они установили палатку. Обмазались гадостью, которую считали репеллентом от москитов. Их обоих обнаружили мертвыми. Банка аттрактанта

для москитов, пустая, лежала между двумя трупами. Это средство предполагалось оставлять снаружи палатки, чтобы оно привлекало докучливых тварей, отвлекая их таким образом от спящего тела. Как повествует эта байка, муж проснулся среди ночи, покрытый укусами, и сказал своей столь же искусанной жене: «Только представь себе, какой был бы кошмар, если бы мы не намазались этим кремом, дорогая».

Да, я тоже в это не верю. Но и у лета были свои моменты. Элина была одной из девиц с карикатурной версией того, как должно выглядеть девичье тело. Она также была членом АА и поэтому по всем параметрам годилась для присутствия на Ежегодном Барбекю Сент-Лакруа. Она загорала на маленьком шатком шезлонге, когда ее пробудил от неги мобильный телефон.

Щелчком открыв его, она выдавила из себя следующие слова голосом по крайней мере в три раза выше, чем коэффициент ее интеллекта:

— Приветики, Джимми, я тут лежу поджариваю свои булочки. Хочешь прийти перевернуть меня?

Иисусе! Она выглядела как Софи Лорен, расположившаяся на фоне миннесотской лужайки. Трудно было не приписать шкворчание стоявшего поблизости

сти гриля на ее счет. Под конец того дня я свирепо мастурбировал на эту картинку в прохладе своей собственной ванны. О да, и еще как!

Однако лето — не тот предмет, о котором мы собрались поговорить. С приходом сентября стало немого прохладнее. Это было самое славное время года. Листья сплошь сделались янтарными, воздух — свежим, а время от времени появлялся даже ветерок. О, радость-то какая! Наряду с этим поступило еще одно задание от BNV. Не такая уж и радость. На этой стадии меня тошнило от работы на этого заказчика. Уже сам вид их продукции на улице — у меня самого никогда не было машины — заставлял меня морщиться. И заставляет до сих пор. Но это не имеет значения, начальство потратило кучу денег, привезя меня в эту прекрасную страну, и хотело, чтобы я работал над ГРЕБАНЫМ—МАТЬ-ЕГО-BNV.

Ни одного предложения по продаже дома так и не поступило, так что у меня не было в руках никакого рычага, и я прикусил уже покрывшийся к тому времени шрамами язык и пробормотал что-то о том, что я в последний раз берусь за работу с этим дурацким автомобильным клиентом. Они знали, и я знал, что кивают мне в ответ только от скуки. Мы с копирайтером взялись за этот проект, и вскоре у нас получилось что-то не слишком отстойное. За-

тем нам понадобился фотограф. У меня сложилось впечатление — или оно было деликатно подсунуто мне хитрыми директорами компании, — что натюрморт-фотограф по имени Брайан Томкинсин мог бы внести интересные перемены. Натюрморт-фотографы, как правило, снимают ножи, вилки, обувь и всякое дерьмо. Машины — редко или никогда. Это, разумеется, заставило BNV понервничать, но недолго. Я подкупил их своим ирландско-английским акцентом и вскоре был уже на борту самолета, летя в Нью-Йорк на целую неделю фотосъемок. Это то, что я люблю в работе рекламщика больше всего. В норме ты получаешь крутой отель, оплату всех расходов, возможность на неделю, а то и больше, вырваться из Миннесоты, относительно достойное фото для своего «бука» (портфолио) и даже немного свободного времени для работы над новыми концепциями, которыми можно будет подкармливать печь огненную. Получаешь передышку.

Все, что я знал о Нью-Йорке, я нахватался пять или шесть лет назад, во время празднования Недели св. Патрика. В сущности, я был пьян до изумления все время пребывания там, и этот город показался мне жалким, темным и опасным местом. Это, разумеется, был не тот Нью-Йорк, который встречал меня сейчас.

Был октябрь, и осень вступала в свои права в том районе, который, как я вскоре узнал, и был Сохо. Прекрасная для глаз, приятная для прикосновения, гипнотизирующая изобилием. Изголодавшемуся взгляду кого-то вроде меня казалось, что здесь всего слишком много. Цветов, запахов, текстур, национальностей... все это вы уже слышали. Фотостудия была — и сейчас находится — на Бродвее, прямо на губе Сохо, и на брови Ист-Виллидж, и на кончике клыка Нолиты. Помню, я все боялся смотреть по сторонам, чтобы не усугублять неизбежную печаль из-за необходимости отъезда.

.....

Мое первое лето далось
мне хуже, чем первая зима.
По крайней мере, насчет зимы
меня предупредили.

.....

Я ходил по магазинам. Неслыханная роскошь для меня. О, в Миннесоте тоже есть магазины, но в Нью-Йорке никто не спрашивал меня, откуда я родом. Им просто было, черт возьми, наплевать.

Боже, как же мне это нравилось!

Съемки прошли удачно, и хотя я был не в восторге от отеля, в который меня поселили, — «Рузвельт» на пересечении 31-й улицы и Мэдисон, — я оторвался, смотря порноканалы. А почему бы и нет, это же входило в оплачиваемые расходы. К тому же после первых трех дней пребывания отель сменили. В любом случае первые съемки машины проходили в другой части города, где была «сту-у-удия» побольше. Все равно не могу сказать, где это было; не так уж далеко от Бродвея — вот все, что я помню. Так что следующую стадию нужно было проводить из бродвейской штаб-квартиры Томкинсина.

Меня это устраивало. Я заглянул туда в первый день, и со мной обращались как со знаменитостью из тех, что помельче масштабом. Ясное дело, они просто лизали мне задницу, но этим трудно было не наслаждаться. В противном случае я стал бы критиковать уровень и мастерство исполнения. Почти как если бы я выставил задницу и сказал: «Простите, но вы немного промахнулись». Ужасно, право. Это вещи из тех, о которых не говорят. Они знали, что ты знал, что они знали, и т.д. ... повторяющееся до бесконечности.

Так что под конец одного дня особенно успешного вылизывания задницы ко мне нервно приблизилась молодая девушка и спросила:

— Из какой части Ирландии вы родом?

Она случайно услышала, как я хвастался своим ирландским происхождением.

— Из Килкенни, — сказал я, отметив, что она красива, пусть и слишком молода.

Я уже видел ее на съемках и, естественно, подумал, что она — одна из многочисленных помощников, без которых фотограф, по всей видимости, не мог обходиться. Так и было.

— О, как круто!

Она при этом употребила выражение, которое я слышал только из уст ирландцев.

— Вы ирландка?

— Да, ирландка, из Дублина.

Ну, не сказать, чтобы я тогда придал этому какое-то особое значение, но с тех пор много раз вспоминал эти мгновения. Искал намеки. Что угодно, что могло бы помочь мне объяснить, что, черт возьми, со мной происходило.

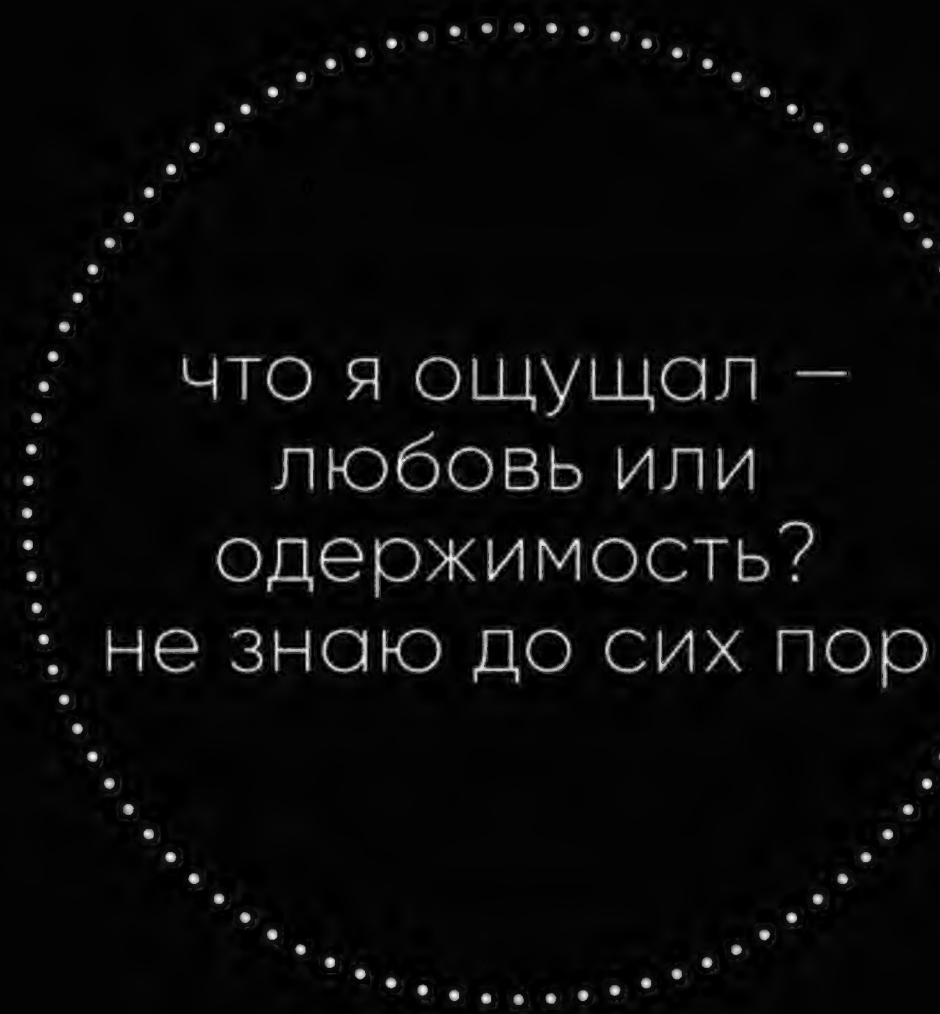
Дальше она сказала, что «наших» здесь целая банда и что, если я захочу, она могла бы показать мне город. Я еще раз подумал, что она слишком моло-

да. Опасно молода, если вы понимаете, что я имею в виду. Но, поговорив с ней еще немного, я узнал, что ее мать тоже родом из Килкенни, а ее дядя тот самый тип, с которым у меня связано столько денежных дел. Он также оказался тем самым человеком, о котором очень лестно отзывался мой отец. Она была очень красива. Очень невинна с виду, и тот факт, что она была ирландкой и имела родственные связи с Килкенни, а ее дядя был моим советником по вложениям, — все это, казалось, что-то значило. И я допустил, что это значило, будто она послана моим покойным отцом как дар мне, чтобы восстановить равновесие после тех страданий, которые я терпел в Сент-Лакруа. Это была ошибка с серьезнейшими последствиями. Я не осознавал, что хочу трахнуть ее. Я все еще полагал, что она слишком молода, но думал, что побалую ее и себя приглашением на ужин. В конце концов, она была мне почти что родственница, и что подумал бы ее дядя, если бы проведал о том, что мы с ней познакомились, а я даже не пригласил ее поужинать? Она дала мне свой номер, и в силу чистого незнания города я заказал отдельную кабинку в том же ресторане, в который Томкинсин водил меня за пару дней до этого в качестве жеста доброй воли. На самом деле, я ходил туда и с Тельмой. Кто такая Тельма? Тельма была роскошная девушка, которая работала в нью-

йоркском офисе и сама пригласила меня на ужин, когда увидела, что я слоняюсь там без дела. Я никогда по-настоящему не думал, что есть какой-то шанс закрутить с ней на сколько-нибудь романтическом уровне. Она была серьезной фигурой; очень красива и очень крута.

Эшлинг — вот как звали ту девушку-ирландку. Ага, вот и мне тоже понравилось. Гэльская мечта. С тех пор это имя меня преследовало. Итак, Эшлинг оставила сообщение на моем гостиничном автоответчике со словами: «Там и увидимся».

что я ощущал —
любовь или
одержимость?
не знаю до сих пор

Она опоздала примерно на полчаса, но выглядела офигенно здорово. Черный свитер с V-образным вырезом, черные брючки, черные туфли. Очень *по-правдовски*. Длинные орехового цвета волосы трепетали за спиной, когда она вошла в двери. Она выглядела знакомо, словно я уже знал ее прежде. Точно сестра, которую я когда-то потерял.

Такая чистая, юная и в то же время взрослая. С того момента, как она переступила порог, самой большой трудностью было скрыть от нее, как сильно она на меня действует. Она подошла ко мне с намерением, как мне показалось, наклониться к моему левому плечу — мне предстояло потом узнать, что это был обязательный нью-йоркский «чмок в щечку». В Сент-Лакруа о таком и не слыхивали.

Эти глаза!

Это прозвучит ужасно, но мне плевать. Я давно миновал стадию стыда.

Невозможно ранить мужчину шпилькой, когда у него уже торчит копье в груди. Клянусь вам, она выглядела точь-в-точь как изображение Девы Марии в домах ирландцев-католиков. Я не шучу. Дева, мать ее, Мария.

— Выглядишь великолепно, — сказал я, направляясь к метрдотелю.

— Спасибо, ты тоже.

Это была ее первая ложь. Мы вошли в зал. Сплошь коричневая кожа и кафель чайного цвета. Был вечер пятницы. Утром следующего дня я должен был лететь сами-знаете-куда. Народу было полно, так что отдельную кабинку мы не получили. Зато получили вполне симпатичный столик. Она была не дура. Это стало ясно очень быстро.

Это была не какая-то там соска двадцати двух, двадцати трех или даже двадцати четырех лет. Речь у нее была не под стать облику. Это положило меня на обе лопатки. Я рассчитывал, что весь вечер придется провести, отмахиваясь от гнусных комплиментов, и приготовился возненавидеть ее за отсутствие тонкости. Вместо этого в результате я пинал за то

же самое себя. И был уже поздненько метаться. Я не мог внезапно очнуться и сказать: «Ой, я и не представлял, что ты умная. Я думал, что ты — глупый ребенок, у которого молоко на губах не обсохло, не стоящий моей лучшей игры».

Должно быть, она увидела все, что нужно было увидеть, в первые пятнадцать минут моей невероятно эгоцентричной напыщенной речи. Медленно, почти участливо она дала мне понять, насколько сильно я себя выдал. Она уже побывала на выставках, о которых я только начинал читать. Фильмы, о которых я только слышал, уже стали для нее воспоминанием. И я даже не догадывался, что неправильно произношу фамилии иностранных художников, пока их не произнесла она.

Однако ее превосходство было милостивым, даже сочувственным. Вот и говорите о позорных недоразумениях. Разумеется, я с тех пор успел приписать каждый маленький нюанс беседы того вечера ее дьявольским манипуляторским навыкам, но правда заключается в том, что, когда меня кто-то затмевает, я прячу гнев, возводя этого человека на пьедестал. Это позволяет казаться великодушным, чтобы, когда захочется вонзить нож, мне уже доверяли. Да, иногда я и сам себя пугаю.

Как бы там ни было, далее она рассказала мне, что родом из Киллини, что в графстве Дублин. Гораздо позднее я узнал, что это чрезвычайно богатый район. И что ее брат работает в Лондоне, а сестра замужем во Флориде, а она сама живет в Нью-Йорке больше года. Она работала помощником фотографа на фрилансе, потому что это позволяло ей посвящать больше времени собственной работе между периодами занятости. Простите меня, но я всегда переводил эти слова так: не могу устроиться на полноценную работу.

Все время, пока она говорила, я абсолютно и необратимо влюблялся. Эти длинные кисти рук, прямой взгляд, резкие движения головой, откидывающие назад мягко вьющиеся волосы, чистая кожа шеи, плавные холмики маленьких грудей. Стоп.

Когда на нее все же производило впечатление что-то из сказанного мной (теперь я понимал, что придется, так сказать, смахнуть пыль со своего фарфора), казалось, что она хвалит меня, как хвалят маленького мальчика. *О, правда, черт, это же замечательно!* Или: *Должно быть, они о тебе очень высокого мнения.* И: *Мне бы твои проблемы.* По этим замечаниям я понял, что, должно быть, вел себя так, будто пытался произвести впечатление. Я чувствовал, что попался в эту ловушку. Мне хотелось начать весь этот вечер заново, с чистого листа.

И я не мог не думать, что ей скучно, но она играет роль.

Во время ужина она пила бакарди с колой. Большую порцию. Я ел свиные отбивные. Я до сих пор храню тот счет. Правда! Мне оплатили его в счет командировочных, но я его сохранил. Видите ли, тот вечер изменил мою жизнь. Если бы не тот вечер, я не сидел бы здесь, в Ист-Виллидж, в Нью-Йорке, и не кропал эту долбаную писанину. Она сказала, что мне понравится Ист-Виллидж. Она оказалась права.

Но к делу. Я влюбился в нее по уши. А как я мог не влюбиться? Мой покойный папа дарит мне подарок, а я скажу «нет»? Нет! Мы непринужденно болтали о рекламном деле, и я изо всех сил старался ослепить ее. Она была сдержанной, но манерной, очень манерной. Старая школа. Мне в этом до нее было как до Луны. Она даже налила в мой бокал минеральной воды и резко крутанула бутылку, как делают с шампанским.

Я прям кончил.

Она была очень внимательна. В этом все дело. Она знала, как надо обращаться с мужчинами. Она заставляла тебя почувствовать, что быть мужчиной — это хорошо. Быть собой. Это, как мне кажется, самое разрушительное оружие из всех, имеющихся в арсе-

нале женщины. Если ты умеешь поощрить мужчину быть собой, выдать тебе свой характер, свои особенности, то ты знаешь, как его направлять, а следовательно, он никогда не сможет от тебя спрятаться.

Я уже знал это.

Я сумел продержаться в рекламном бизнесе десять лет. Этот бизнес не из тех, что снискали себе славу благотворительностью. Но даже я, сам мистер Предвзятость, прошел через ее бархатные занавеси и подписал отказ от иска. Учтите, что я был готов: я не прикасался к женщине пять лет, блин!

Итак, она играла свою роль благовоспитанной ирландской аристократки, а я играл свою. Ирландского потерянного мальчика с глазами теленка. Она скользнула по полу ресторана и вывела меня обратно на Бродвей и Бликер-стрит, которые — в невежестве своем и к своему вечному стыду — я попросил показать мне, поскольку слышал, что это «круто-круто».

Она привела меня в гей-бар.

Я много лет не был ни в каком баре вообще, не говоря уже о гей-баре. У меня ушло около часа, чтобы сообразить, в чем дело. Там было много — как мне показалось — очень радостных мужчин средних лет с крашеными волосами, которые пели хором, столпившись вокруг пианино.

Они были взбудоражены. Не пьяны, просто счастливы. Херувимы. Она удалилась в туалет и оставила меня одного — на более долгое время, чем я счел необходимым. Насколько я знаю, она, должно быть, перешла через улицу, чтобы неторопливо выпить порцию, и вернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как ко мне прислоняется какой-то здоровяк с самой белозубой улыбкой из всех, что я видывал в своей жизни. Ей это понравилось. Ну, еще бы!

.....

Невозможно ранить
мужчину шпилькой, когда у него
уже торчит копье в груди.

.....

Мы переместились в другой бар. Чуть более люд-
ный. Мы сидели на барных табуретах, придвинутых
вплотную, и она рассказывала мне с помощью сво-
их ладоней — похоже, подхватила у американцев
привычку жестикуляцией придавать форму словам,
слетающим с губ, — как выиграла грин-карту в ир-
ландскую лотерею и проработала около года в Но-
вом Орлеане, прежде чем переехать в Нью-Йорк.
Она заметно воодушевилась, рассказывая о Марди
Гра и, конкретнее, о сопровождающих этот карнавал
танцах. Говоря об этом опыте, она, казалось, была

далеко отсюда. Это был единственный момент, когда она дала себе волю... Да, даже когда мы трахались — или следовало бы сказать, когда она меня трахала, — я помню, какой красивой она выглядела, но в этом было что-то еще, что-то нервирующее, не то чтобы настоящая ненависть, — может быть, ненависть к себе. Да. Больше похоже на ненависть к себе. Что бы это ни было, это было внутри. Ей самой пришлось с этим справляться. Мне так и не суждено было получить этот шанс. Эту привилегию.

.....

Все время, пока она говорила,
я абсолютно и необратимо
влюблялся.

.....

Итак, оттуда — в кофейню, которую я и по сей день не могу отыскать. Должно быть, она была где-то за пределами Бликер-стрит. Под стульями бегали мыши. Хотя я был бы более чем счастлив на этом и остановиться, она оказалась так настойчива, что мы не стали расходиться. Казалось, она хочет еще потусоваться. И в итоге я сказал, что разговор с ней доставляет мне истинное удовольствие. Она ответила, что думает то же самое, снова помогая себе руками, на этот раз потянувшись вперед, словно гово-

ря «возьми меня за руку». Я потянулся вперед и не успел сообразить, что происходит, как мы уже нежно целовались.

Отнюдь не элегантно.

Я стоял полусогнутый, наклонившись через столик, а вокруг наших ног бегали мыши. Но это было замечательно.

Я почувствовал, как паутинки затрепетали, потом улетели прочь в теплом порыве летнего воздуха, который, казалось, сгустился вокруг меня. Кто ее знает, что чувствовала она, но я был сражен на месте. Я вполне удовлетворялся бы тем, что целовал ее губы следующие пару часов. Никаких проблем.

Вот только она искусно подняла ставки легким напряженным промельком языка. Это было изумительно. Точно запальник сработал в горелке моего члена. Вы знаете, как это звучит. Те из вас, у кого газовые водонагреватели. *Пф-ф* или *пых-х*.

И вдруг я уже смотрел на эту милую невинную девочку-подростка так, словно она была насквозь пропитанной спермой шлюхой. И мне это понравилось. Что еще важнее, понравилось и ей. На следующий день мне полагалось уехать. Но это уже был следующий день. Вероятно, я не увиделся бы с ней до Рождества, да и тогда не наверняка. Мы оба намере-

вались на каникулы вернуться домой, в Ирландию. Больше рассчитывать было не на что.

— Хочешь зайти ко мне в номер?

Феерическая глупость с моей стороны. Я уже втиснул около пятнадцати лет полуопытной подростковой в два часа, а теперь полусостоявшийся тридцатипятилетний бросал главную подачу в своей жизни. Она пробормотала что-то насчет «слишком быстро» или что-то вроде того. И я с благодарностью пошел на попятный. С облегчением. Так мы и шли по улице, медленно, держась за руки, высматривая такси, но не слишком усердно. Под конец она повернулась ко мне и сказала:

— Мы можем пойти в отель, но с условием: ничего серьезного не будет.

После этого мы прибавили шагу. Она остановила такси. Мы еще немного поцеловались на заднем сиденье. Каким замечательным казался Нью-Йорк сквозь поблескивающие пряди золотистых волос, падавших мне на лицо между поцелуями.

Дайте мне минуту.

Благодарю. Вскоре мы уже прибыли на угол 31-й улицы и Мэдисон, и швейцар моего отеля неторопливо двинулся к нам. Я до жути боюсь этих швей-

царов, потому что знаю одного из них в Сент-Лакруа, и он только и делает, что жалуется на маленькие чаевые. Я вообще не давал им чаевых. За что? За то, что они там стоят? Итак, я и моя юная подружка проскользнули мимо улыбающегося и — как мне показалось — завистливого лица и зашагали к лифту. Я ужасно нервничал в этом гудящем зеркальном контейнере. Почему они всегда бывают зеркальными? Для меня нет ничего более пугающего, чем образ моего собственного образа, показанный с двух или трех разных ракурсов. Поэтому я уставился в пол.

Номер 901 означал девятый этаж.

Я молился о том, чтобы ключ не подвел. Я также молился, чтобы ей было больше восемнадцати. В этой стране никому не нужно, чтобы его, пусть даже в шутку, связывали с педофилией. А эта девушка выглядела очень юной. Я успокаивал себя мыслью о том, что ей по крайней мере двадцать, но все же не мог отделаться от ощущения, что полиция может вышибить дверь в любую секунду. В какой-то момент она повернулась ко мне — на этой стадии мы лежали на кровати — и невинно моргнула.

— Расскажи мне какую-нибудь историю, — проговорила она.

Должно быть, я побледнел. Ей вполне могло быть и четырнадцать. Я рассказал ей анекдот о женщине, которая привезла из Индии крысу, приняв ее за собачку. Мы целовались и ласкались, а потом я спустился по ее телу вниз.

Ну, я не собираюсь живописать все в подробностях, но должен сказать одно, ибо это правда и, судя по моему опыту, редкость. Вкус ее женственности был еще лучше, чем вкус рта. Я мог бы остаться там, внизу, на всю ночь. Без проблем.

Я поднимался только для того, чтобы убедиться, что она именно настолько красива, насколько я подозревал. Да, настолько. Так продолжалось до тех пор, пока не начало светать. Она сказала, что не должно быть ничего серьезного, ну так ничего серьезного и не было. Я был полон железной решимости не дойти с ней до самого конца.

Воспоминания о близости с Пен — телесные воспоминания — начали всплывать во мне. Помню, как смотрел на спящую Эшлинг и думал: она вернулась. Я получил Пенни назад. Я когда-то любил смотреть на спящую Пенни. Было здорово просто позволить взгляду беспрепятственно блуждать по гладкой коже. Живая дышащая картинка. Странно вновь прикасаться к обнаженному телу после столь долгого

перерыва. Я был настолько поражен тем, что она не нашла меня привлекательным, что даже снял не всю одежду. Втайне я был рад, что мы ограничились петтингом, поскольку это означало, что мне не нужно заморачиваться с качеством исполнения. Что, если бы я кончил слишком быстро или не смог заставить его встать? Я воспользовался максимой АА, и это помогло.

Когда сомневаешься, будь полезен.

.....

Я потянулся вперед и не успел сообразить, что происходит, как мы уже нежно целовались.

.....

Итак, я сосредоточился на стараниях доставить ей как можно большее удовольствие. Это Пен научила меня оральному сексу, и теперь я был этому только рад. На спящем лице Эшлинг играла нежная улыбка. Она казалась достаточно счастливой.

На следующее утро я сказал, что нам следует пойти позавтракать. Я собрал свой багаж и выписался из отеля. Вскоре мы уже сидели в другом такси на пути к какому-то кафе неподалеку от ее дома. А вскоре после этого я был в третьем такси и в начале об-

ратного пути в Тот Город. Она не оглянулась, когда я забрался в такси. Я знаю это, поскольку я обернулся.

Там, в Сент-Лакруа, снега еще не было. Я все еще не продал этот долбаный дом. Я уже был вне себя от паранойи, думая, что моя компания наложила вето на продажу моего дома. Я думал, что они дают взятки риелтору, чтобы тот придерживал энтузиазм при осуществлении моей сделки. Мне нужно было срочно заняться большой рекламной кампанией для благотворительного фонда, организующего летние каникулы для детей, больных СПИДом. Большой проект. Большая сделка.

Каждое рекламное агентство считает нужным иметь в своем портфолио благотворительную организацию, которой оказывает всевозможные запредельные любезности. Однако за это получает и привлекательные стимулы. Один из них заключается в том, что агентство, как правило, делает отличную зрелищную работу для таких организаций, более впечатляющую, чем то, что вам позволят делать, скажем, для запеченной фасоли. А во-вторых, есть налоговые послабления и вычеты. Но важно, с какой именно благотворительностью ты связываешься. Особенно в Соединенных Штатах.

Например, группа сбора пожертвований, которая желает помогать наркоманам слезть с героина, и близко не так фотогенична, не так вызывает доверие или даже давит на жалость, как ребенок, больной СПИДом. От взрослых, больных СПИДом, никакого толку. Это вполне может быть их собственная вина. А вот детишки — это хорошо. Детишки со СПИДом — еще лучше. Прошу прощения, но это правда. Это не вина рекламных агентств. На самом деле, это ваша вина.

Вина общества.

Вы просто не желаете принимать героинового наркомана, который просит денег, чтобы избавиться от своей привычки. Может быть, вы и правы. Кто знает? Но уж как есть. Благотворительные организации так же конкурируют, как и коммерческие компании, и в наши дни им приходится мыслить теми же категориями.

В конце концов, они гонятся за одним и тем же долларом.

А еще у вас есть телекомпании. У них имеется некое конечное количество ежегодно доступного эфира для пожертвований на благотворительность. Какой из организаций дать время? У каждой телекомпании есть свои стандарты... и опасения — съе-

хоть от них в сторону. Все сводится к тому, какая реклама поможет каналам выглядеть наилучшим образом. Опять же, детишки — дело безопасное. Так что рекламное агентство поступает умно, выбирая благотворительность с кучей детишек, потому что с самого начала знает, что у телесетей в этом случае всегда будет для них больше времени — эфирного времени.

В общем, давайте я расскажу вам свою историю о летнем детском лагере. Мы снимали рекламу на территории лагеря «Северная Миннесота». Мы спали на откидных койках прямо там. Я даже не знал, что это такое — летний лагерь, пока мне это не объяснили. И все равно мне казалось, что туда ездят только детишки из среднего класса. Но в Соединенных Штатах нет среднего класса. Ага, точно. Я поднялся утром после беспокойного сна. Вокруг было так тихо, и я пробрался в общую ванную комнату — эвфемизм для обозначения туалета, — чтобы облегчиться и побриться. Я подумал, что при наличии двух сотен детей, которые ошиваются здесь все лето, некоторые их микробы можно подцепить с раковин. Это пришло мне в голову как раз перед тем, как я собрался бриться. Я думал о своих кожных порах, беззащитных перед всем этим зараженным воздухом. Иисусе Христе!

Конечно, я собрался с мужеством и побрился. И после нескольких одобрительных взглядов на себя был удовлетворен тем, что, хоть и спал скверно, не выглядел так, будто скверно спал. Я старался не улыбаться самому себе. Не хочу, чтобы меня когда-нибудь застали за тем, как я улыбаюсь своему отражению. Наедине с собой — сколько угодно. И двинулся на завтрак. Съемочная группа и режиссер уже собрались вокруг исходящих паром тарелок. Они выглядели потасканными и небритыми. Это доставило мне удовольствие.

.....

Я молился о том, чтобы ключ не подвел. Я также молился, чтобы ей было больше восемнадцати.

.....

Я уселся и принялся поедать яичницу с тостами — или что там было в меню? *Кофий*. Затем явился лагерный босс и вообще всеобщий герой дня, весь запыхавшийся, заламывая руки и опуская взгляд с излишней скромностью. Он руководил лагерем и был основателем всего этого дела. Я заметил, что он тоже небрит. Это было нехарактерно для него, поскольку он всегда очень тщательно подходил к своему внешнему виду. В сущности, не считая небритости, он

был в своем обычном амплуа — хорошо одет, только в деревенской шерсти и твиде. Кровь начала киснуть у меня в жилах. Он рискнул скромно обвести взглядом стол. Он искал только информацию. Кто сидит за столом? С кем ему нужно быть любезнее всего и в каком порядке? Он остановился на мне.

— Вы же не брились сегодня, правда?

Должно быть, я побледнел.

— Да. Брился. Я...

— Ой, да перестаньте, я ужасно разочарован!

Я как раз собирался спросить его, а что, по его мнению, чувствую я сам, когда он добавил:

— Мы здесь, в лагере, не бреемся. Обстановка предполагается неформальная, но, думаю, поскольку вы, строго говоря, все же на работе, на сей раз мы посмотрим на это сквозь пальцы.

Я искренне рассмеялся.

Я буду жить! И что еще важнее, мне не придется сдавать анализ на ВИЧ, прежде чем снова встретиться со своими любимыми. Время, проведенное в этом лагере, где повсюду пели птицы, а все детишки были так милы и добры друг к другу, пробудило во мне нечто знакомое. Я видел, как мы с Эшлинг живем где-то в лесу, похожем на этот. Солнце заливало све-

том наше счастье, смех эхом отдавался среди деревьев, пока мы не принимались шикать друг на друга, чтобы не разбудить малыша. Какими счастливыми мы считали себя из-за того, что наш ребенок не заражен какой-нибудь ужасной болезнью!

Номер телефона моей будущей жены горел и пылал в кармане на моем бедре, и внутри ящика рабочего стола, и в нескольких других местах, где именно — я не мог вспомнить. Я принял меры предосторожности, записав его и разложив в несколько разных мест, чтобы не потерять. Я не дурак. Мне приходилось бороться с искушением позвонить ей. Все время.

Физическая жажда.

Я был в плохом состоянии. Я имею в виду, я даже не смотрел на девушек пять лет, и вот все это обрушилось на меня. Я даже не понимал, что оно — *это*. Я никогда прежде не испытывал таких чувств. Теперь мне не хочется даже вспоминать, но я действительно то ли был влюблен, то ли потерял рассудок. Мой взгляд тяжелел, когда я думал о ней, одна только мысль о ней заставляла расширяться зрачки.

Реклама лагеря прошла на ура, даже завоевала какую-то награду. Все дети, которых мы снимали, к сегодняшнему дню уже умерли.

Даже не понимаю, что с этим делать.

Но уж как есть. Мне легко быть абсолютно честным на этих страницах, поскольку вероятность того, что кто-то когда-то их опубликует, так мала. По крайней мере, мне они пойдут на пользу как форма терапии.

Что я ощущал — любовь или одержимость? Не знаю до сих пор. Каким-то образом мысль о ней или даже просто мысль позвонить ей помогала мне держаться в эти миннесотские ночи.

Итак, я позвонил ей, и мы поболтали, в основном о рекламе, а следовательно, обо мне. Мне показалось, она заинтересовалась. Может быть, так и было. По крайней мере, это сделало бы наш разговор приятнее для нее. Не могу не думать о том, что она, должно быть, отнеслась к этой части всего происходившего, как проститутка относится к небольшому разговору перед сексом. Надо выслушать часть его дерьма, пока он не почувствует себя достаточно комфортно, чтобы пришел стояк — а без стояка никак, потому что тогда он не станет заниматься сексом с тобой, а тебе нужно, чтобы он занялся с тобой сексом, иначе ты не получишь денег. Вот, как я думаю, что это было. Она слушала меня, я знал, что она слушала меня. Опять же, в этом весь я. Мужское эго.

Как тот парень, который верит, что шлюха кончает, когда ему так кажется. Я хочу верить, что она слушала меня, и что я ей нравился, и — да, что она даже любила меня немножко. Даже сейчас я, кажется, хочу в это верить. Безумие, а?

Когда-то я говорил: безумие, да? Но теперь вместо «да» будет «а». Америка.

В Миннесоте я пребывал в ужасном состоянии ума почти два года, и мне казалось, что я заслуживаю того, чтобы случилось что-то хорошее. Теперь, пробыв в Нью-Йорке больше года, я понимаю, насколько невинным и глупым я, должно быть, казался 27-летней голодной, как ад, девушке-фотографу, полной решимости пробиться на нью-йоркской сцене. И вполне справедливо. Ее обаяние, должно быть, было нездоровой разновидности, и мое недалеко от него ушло.

Я хотел, чтобы она выручила меня. Вытащила из Сент-Лакруа. Я хотел, чтобы она была моим штурманом в Нью-Йорке. Я многого хотел.

У меня были свои резоны, у нее, полагаю, свои. Ей, должно быть, я казался кем-то вроде мокрого-жирного-лысого-купающегося-в-деньгах калчи — прозвище, которым припечатывают любого, кто не из дублинской округи, то есть деревенщину. Урожай, созревший для жатвы.

Эшлинг пришлось повидать немало нашего брата — таких, как я — в своих поездках в качестве помощницы фотографа. Майами — свет, дорогая — был привычным пастбищем для фотографов из пасмурного Нью-Йорка. Множество отельных номеров, баров и долгих фотосессий. Множество арт-директоров вроде меня, с кучей денег, женами, детишками и ипотеками. Надеюсь, что я выделялся на общем фоне, поскольку единственное, что было у меня из всего этого, — ипотека.

Она, должно быть, думала, что я женат, или надеялась на это. Видите ли, не могу не думать, что она собирала информацию обо мне, чтобы как-то применить ее впоследствии. Вероятно, хотела шантажировать меня женой, которую воображала рядом со мной. Ну а почему бы еще я стал жить в викторианском доме с тремя спальнями? Причина шантажа? Поиметь большие сочные комиссионные от рекламного агентства. Для нее, начинающего фотографа, много значила бы перспектива получить пару-тройку заказов от такой прославленной компании.

Я думал: какого черта, она очень красива, я холост, и мне, кроме того, нужен усилитель храбрости. У меня самого не хватило бы яиц сделать следующий шаг, не будь такой вкусной цыпочки, которая бы

меня подзадоривала. Я дал ей власть вытащить меня оттуда.

Я начал названивать в отдел кадров, спрашивая, как я могу уволиться. Как будто я сам не знал. Я хотел, чтобы они поняли серьезность моих намерений. Их мнение больше меня не волновало. В реальности это был безумный шаг. Они, должно быть, уверились, что я влюблен — и давайте смотреть в лицо фактам, так и было. Я не забыл попросить, чтобы наш разговор остался конфиденциальным, зная, что им придется проинформировать в подобной ситуации руководителя группы. Так что я сумел пригрозить увольнением без необходимости уволиться. Грэм, мой босс, узнал то, что я хотел дать ему знать: я настроен серьезно.

Прошло не так много времени, и он как-то раз вскользь спросил меня, продал ли я свой дом. Никогда не забуду выражения его лица. Помогите мне боже, но оно доставило мне наслаждение. И опять же, поверьте мне, я составил свою версию происшедшего позднее, но это был мой момент. Лучший способ описать его бледное лицо — сказать, что оно пошло волной. Снизу. От подбородка и вверх до линии волос, одной одинокой волной. Как молоко. Он был настолько бледен. Потребовалась пара ударов сердца, чтобы важность этого дошла до него, а за-

тем до меня. Я и не думал, что это будет так много значить для него, в любом случае. Но, похоже, так и значило. Он, должно быть, был уверен, что я весь его с потрохами еще на пару лет. Если бы я повелся на ту шведку, вероятно, так и вышло бы.

На следующий день он вызвал меня, чтобы сообщить: я должен лететь в Нью-Йорк, чтобы пару недель помогать в тамошнем офисе. Я не знал доподлинно, что больше не вернусь, но надеялся на это, — и у меня была бы возможность увидеть мою Эшлинг. На работу мне было плевать. На хер работу, меня тошнило от рекламы и от всех, кто был с ней связан. Все, что мне хотелось, — это пары оплаченных недель в хорошем отеле в Нью-Йорке вместе с моей любовью.

Возвращаясь в Форт-Факап — такое прозвище я придумал своему дому, — я разговаривал с ней. Я воображал, что она сидит в кресле передо мной. Я с любовью смотрел в точку где-то на средней линии, чуть выше спинки кресла, словно в ее голубые глаза, и, впечатленный, скидывал голову. Куртуазно кивая, я наклонялся вперед и почти неохотно соглашался с тем, что она имела мне сказать. Она была настолько умна, что даже мне приходилось уступить на йоту. А потом я радостно смеялся. Потому что я был счастлив. Я завел роман. Идеальный роман без

всяких вмешательств со стороны. Когда-то я видел мультик о Нарциссе, глядящем на свое собственное отражение в пруду. Его подружка задает ему вопрос: «Нарцисс, здесь есть еще кто-то?»

Если они уволят меня к концу моего пребывания в Нью-Йорке — отлично, по крайней мере, у меня останется несколько памятных моментов. Я пытался организовать поездки в Нью-Йорк и раньше, но все они провалились. Каждый раз, отчаянно пытаясь не выдать голосом разочарования, я говорил Эшлинг, что в итоге ничего не получилось.

.....

Что я ощущал —
любовь или одержимость?
Не знаю до сих пор.

.....

Я пинал себя, чувствуя, что всякая надежда на наши отношения ускользает. Это меня убивало. Потом я звонил в субботнее утро около половины одиннадцатого, и ее не было дома. Разница в час делала этот факт еще более тревожным знаком — в Нью-Йорке была половина десятого. Иисусе, мой разум поднял бы меня на смех, точно вам говорю.

Ее нет?

Очевидно, она возвращается домой из квартиры какого-нибудь хмыря, а может быть, даже еще там, трахается с ним. Почему бы и нет, она же легла в постель со мной в первую же ночь после нашего свидания? Но это было другое дело, это была любовь. Это было со мной. Я звонил и предлагал приехать к ней как-нибудь на выходных. Она деликатно отклоняла предложение, говоря, что будет лучше, если мне не придется делать это за свой счет. Лучше подождать деловой поездки. Она была права, конечно, но я аж давился, так хотелось секса. Я также понимал, что она амбициозна. Она не боялась говорить о своей работе. Это немного пугало меня, потому что означало, что она интересуется мной только из-за моей должности старшего арт-директора. Я ненавижу слово «старший», оно заставляло меня казаться стариком. Ей я, должно быть, казался старым пердуном. Утешал я себя тем, что выглядел не старше тридцати двух. Она подыгрывала. Да и какая красотка, которой едва исполнилось 27, не стала бы? У нее намечается выставка, сказала она однажды вечером. Я был так рад, что она в достаточной степени включает меня в свою жизнь, чтобы рассказать об этом, что предложил свою помощь. Я пытался впечатлить ее своими талантами манипулятора масс-медиа, но она не впечатлилась.

Скорее разочаровалась.

Я хотел снизить пафос всего этого, отбросив на происходящее тень Дня св. Патрика. Теперь я понимаю, что это, должно быть, позволило ей с еще большим удобством сделать то, что она собиралась сделать. Разве не забавно, как, решив, что нам кто-то не нравится, мы способны находить причины поддержать свое решение — и наоборот! Вот что, как я думаю, происходило на самом деле. Увязая все глубже, я уже решил, что она мне нравится — да что там, я люблю ее, — и все активнее стал плести ромашковый венок из маленьких наблюдений и нюансов, которые нежно привязывали ее ко мне.

Одновременно она составляла собственный список.

Жалобную книгу.

Я помню паузы, которые возникали после моих слов. Молчание, в котором ты позволяешь вариться умолкнувшему собеседнику. Точно прожектор, наведенный на сказанное. Точно повторение фразы холодным, бесстрастным голосом. И в тех передышках, которые она давала себе от меня, она заново разжигала свое страстное стремление завершить то, что, должно быть, уже начала.

Вот что я знаю о ней.

27 лет. Эшлинг Маккарти. Помощник фотографа. Работала продюсером в большом и неэффективном рекламном агентстве в Дублине в начале 1990-х. Эту работу добыл ей тогдашний бойфренд. Уехала из Дублина, выиграв грин-карту в лотерею. Сказала мне, что ей пришлось уезжать из Дублина в спешке. Около года пробыла в Новом Орлеане. Работала в отеле «Кларенс» (принадлежащем группе U2) в качестве администратора. Я стараюсь не давать определения гостиничным администраторам, если не пребываю в особенно недобром настроении духа. Она любит Килкенни, мой родной город, и своего дядю, Тома Баннистера, моего знакомого, которого всячески рекомендовал мой отец, ныне покойный.

Ее мать родом из Килкенни. Она довольно патристично настроена к Ирландии, но не в непривлекательном фенианском¹ стиле. Когда я познакомился с ней, она работала помощницей Питера Фримена, известного фотографа, *очень* известного, возможно, одного из лучших в Нью-Йорке, а следовательно, и в мире. Делила квартиру в нью-йоркском районе Нолита с друзьями — архитектором Шоном и закупщицей «драгоценных камней» для универмагов «Мэйсис» по имени Моретт. Ее дом в Ирлан-

¹ Ф е н и и — члены тайного общества, боровшиеся за освобождение Ирландии от британского владычества.

дии — в Киллини. Фешенебелен до отвращения, уж поверьте мне. Ее брат работает в журнале *The Strategist Magazine* в Лондоне. Сестра замужем за каким-то владельцем отеля во Флориде. И она выглядит очень, очень юной. Ее порой принимают за шестнадцатилетнюю.

В детстве некоторое время воспитывалась монахинями, по крайней мере, так она мне сказала. С одной монахиней она была особенно близка. Да ну? Полагаю, это ее двоюродная бабка. А еще ее родная бабка умерла в то время, когда я уже познакомился с ней. Ее работы включают метод двойной экспозиции. Это когда один снимок накладывается на другой. Двуличность? Она жила во Франции и работала как *au pair*¹.

Все эти данные собраны после одного короткого вечера и не более чем четырех телефонных разговоров. Она не смогла бы упрекнуть меня в том, что я не слушаю. Если что, я даже слишком прислушивался. Я старался впитать ее в себя. Я мог бы написать о ней книгу. Боже упаси!

¹ Обычно молодая девушка, приехавшая в другую страну для усовершенствования знания языка. За выполнение домашней работы в семье она получает жилье, питание и карманные деньги.

Как-то раз она вместе с братом ездила в отпуск в Мексику. Говорила, что у нее вызывали отвращение взгляды, которыми одаривали ее мексиканцы. Голубоглазая блондинка в этом обветреннолицем, вороноволосом окружении. Ее новая работа требовала хорошего знания компьютера. Она подбивала меня открыть собственное агентство в Дублине. Она пинтами пила «Гиннесс». Получала помощь в работе от Питера Фримена. Он даже пару раз заезжал к ней на выходных, чтобы помочь. Слушая это, я мучился ревностью.

Пару месяцев назад к ней в Нью-Йорк на неделю приезжала погостить мать. Я узнал об этом только потому, что мельком упомянул о ней в беседе с Томом Баннистером, обговаривая финансовые транзакции.

Вот и все. За исключением, конечно, всего остального, что я собираюсь вам поведать. Я это скажу. Я сам себя удивляю, потому что в норме я веду себя осмотрительнее.

Если бы был способ пытать ее и убить, не отправившись в тюрьму, я бы это сделал. Или мне кажется, что мог бы. Не волнуйтесь, я не грежу наяву о том, как или что я бы сделал. Я просто чувствую себя способным причинить ей вред. Однако не бу-

ду. Эти страницы — максимум, что я сделаю, чтобы поквитаться за результаты того вечера в марте. Но давайте не будем забегать вперед, ладно? Я был на грани ярости почти шесть месяцев. Чтобы вызвать такое неистовство чувств, требуется определенная доля таланта и, как я предпочитаю думать, интеллекта. Любовь, ненависть — какая разница?

.....

Увязая все глубже, я уже решил, что она мне нравится — да что там, я люблю ее, — и все активнее стал плести ромашковый венок из маленьких наблюдений и нюансов, которые нежно привязывали ее ко мне.

.....

Однажды вечером по телефону она сказала мне, что у нее есть издательский договор. Это интересно, ответил я. Каким образом она исхитрилась его добыть? Меня всегда интересовали пути, которые могли бы увести из мира рекламы. Она ответила, что какой-то ее приятель изучает издательское дело в Гарварде. Я чуть не подавился. Мы имеем дело с богатенькими ублюдками. Я забыл, разумеется, что к тому времени сам стал зарабатывать прилич-

ные деньги. Я никогда не чувствовал себя богатым. Только глупым. Особенно в этом доме. Эта книга будет состоять из фотоэссе, сказала она. Из портретов. Часть она уже сделала. Но у нее есть пара лет, чтобы завершить работу.

Я тут же преисполнился зависти. Я бы с удовольствием занялся чем-нибудь чистым. Чем-то таким, где не требуется ничего продавать.

Может быть, в ней будешь и ты, сказала она. Этот вопрос она оставила открытым. Я не знал, должно ли это мне польстить, но был польщен.

Мы договорились встретиться в Дублине, когда оба приедем домой в Ирландию на Рождество. Я позвонил из Сент-Лакруа и забронировал славный номер в дублинском отеле «Шелбурн». В Сент-Лакруа было адски холодно, когда я благодарно запрыгнул в такси на Хеннепин-авеню, громко выдохнул и с американским акцентом велел таксисту везти меня в аэропорт. Поездка заняла 45 минут и — нет, поговорить мне не хотелось.

Перелет тоже был долгим. Восемь с половиной часов. На самом деле, больше по вине «Нортсаут Эйрлайнз». Худшая авиакомпания на свете. Задержки рейсов у них — стандарт. Я брал с собой только ручную кладь, потому что иначе багаж доставляют с опозда-

нием на двое суток, куда бы ты ни летел. Пассажиры вечно орали на сотрудников, а сотрудники, очевидно, привыкшие к тому, что на них орут, носили профессиональные маски безразличия. Это была единственная компания, которая летала из Миннесоты, так что мы мало что могли сделать, кроме как орать.

Я предполагал, что буду очень усталым перед встречей с любимой в Дублине. Выкроил для себя несколько часов сна в «Шелбурне», а проснувшись, обнаружил под дверью послание. Фирменный бланк отеля «Шелбурн» с одной из этих табличек с квадратиками, где надо ставить галочки, и списком пунктов типа «пожалуйста, перезвоните», «во время вашего отсутствия» и т.д. Имя ЭШЛИНГ, выписанное красивым почерком, венчало ансамбль викторианской полиграфии, казавшейся мне такой экзотической после полутора лет, проведенных в лишенной истории обстановке, из которой я только что вырвался.

Мне оставалось убить еще около часа, прежде чем позвонить ей в семь вечера, как она просила в отмеченном галочкой квадратике. Мне нужны были презервативы, и я начал паниковать, потому что никак не мог припомнить, остается ли Ирландия до сих пор средневековой в этом вопросе. Было время, и не так уж давно, когда их нельзя было просто купить. Требовался рецепт врача.

Я пошел прогуляться. Повернул направо сразу от красивой входной двери «Шелбурна» и направился к Графтон-стрит. Мне приходилось сдерживать слезы. Не думаю, что способен описать, каково это было — гулять среди всех этих прекрасных молодых лиц. Было такое ощущение, словно кто-то вот-вот заорет: «Только не он! Нет! Всем остальным дозволено гулять здесь, и смеяться, и вести себя непринужденно, и хорошо одеваться, но не ему. Ему не следует даже быть здесь».

.....

Если бы был способ попытать ее
и убить, не отправившись
в тюрьму, я бы это сделал.

.....

Это было так чудесно. Я даже не уверен, что шел именно по Графтон-стрит. Это была пешеходная улица, день накануне сочельника. Я никогда не забуду этот момент. Я даже нашел там аптеку «Бутс», так что мне показалось, будто я в Лондоне. Дублин сильно изменился, как и я.

Только я был печальнее.

Купив упаковку из 12 презервативов (некоторые ведь могли порваться), я несколько приободрился. Вернулся в отель, чувствуя себя человеком, только

что выпущенным из тюрьмы. Позвонил ей домой из своего номера и нарвался на отца. Иисусе, на это я никак не рассчитывал. Так что я просто сказал, что перезвоню попозже или как-то так, и голос у него был не больно-то довольный. В семь вечера она перезвонила и сказала, что нам следует встретиться на углу Графтон-стрит в том большом стеклянном торговом центре. Я знал, где это, и, пытаясь сохранять спокойствие, согласился встретить ее там через пятнадцать минут. Пятнадцать минут? Я пришел туда размашистым шагом и стал ждать ее, стоя на другой стороне улицы. Она немного опоздала. Но была очень красива. Мне пришлось то и дело поглядывать на нее, чтобы убедить себя, что она на самом деле такая чудесная, какой кажется. Она, казалось мне, проделывала то же самое со мной, но теперь я понимаю, что она, должно быть, проверяла, насколько у меня идиотская рожа. Насколько меня просто кинуть.

Мы зашли поесть в «Темпл-Бар», и именно там, в этом ресторане, было сделано первое фото. Я на самом деле этого даже не заметил, но увидел что-то в ее глазах, когда она щелкнула кнопкой маленькой одноразовой камеры. Она сказала, что в этом тускло освещенном ресторане фотография, возможно, даже не получится. Я спросил ее, повсюду ли она носит с собой камеру. Она сказала, что да, повсюду, но что

я буду смеяться, если увижу ее. Я сказал, что не стану. Она возразила, мол, нет, станешь. Тогда я сказал, ладно, стану. После чего она вытащила одноразовый фотоаппарат — такой, какие бывают у новостных агентов, — и, наклонив его на столешнице, направив вверх мне под подбородок, щелкнула затвором. Помню, я смотрел на нее, когда она меня сфотографировала. Смотрел прямо в ее большие, голубые, невинные глаза... щелк. Я тут же почувствовал себя ограбленным.

Она получила мою идиотскую рожу. Блаженно-идиотическое выражение слетело с моего лица, сменившись недоверием. Всего на миг. Моя первая инстинктивная реакция была верна. Я знал, что фото, сделанное так, экспромтом, без предупреждения, без ожидания, снятое профессионалом, не предназначено для того, чтобы быть лестным.

Еду она запивала водой, а потом мы сидели в обнимку у стойки в «Темпл-Баре», где она пила бакарди с колой до конца вечера, а я осушил около пяти бутылок воды «Балли-мать-ее-гаун». Должно быть, она была уже никакая к тому времени, как мы пришли в отель.

Я был доволен тем, как это обставил. Я сказал:

— Жаль, что ты не можешь прийти ко мне в отель.

— Почему, там какие-то правила? Ты не можешь приводить к себе гостей? — удивилась она.

— Нет, я просто подумал, что *ты* не сможешь зайти ко мне. Ну, у тебя там родители и...

— О нет! Я бы с удовольствием зашла.

Динь-динь. Вперед на всех парах. Кто там говорил об айсбергах?

Мы зашагали к отелю, она сжимала мою короткую и толстую кисть своими длинными пальцами. Вечер был прекрасен, и деревья вдоль Стивенс-Грин стояли позолоченные уличными фонарями на фоне темно-синего неба. Мы почти не разговаривали. Она все время меня целовала. Безостановочно. Был один момент, когда зрачки ее больших глаз расширились, а затем сузились в булавочные головки. Это меня немного напугало. Я не знал, употребляет она что-нибудь или нет. В номере мы занялись делом, как я теперь понимаю, в очень прозаичной манере. Вместо освещения у нас было MTV.

Это было великолепно. Мне так понравилось. Она была очень красива. Очень. Пожалуй, я даже не стал бы об этом писать, не будь это правдой.

Не каждый день мужчине выпадает шанс заняться неторопливым сексом с Девой Марией, когда ей

шестнадцать. У нее была великолепная худая спина. На моей росли волосы. Я то и дело хихикал.

На самом деле, были даже моменты, когда я смеялся во весь голос. Ее это немного раздражало. Однако я не мог остановиться. Это было так приятно! Когда мне так приятно, я смеюсь. Она думала, что я смеюсь над ней. А еще я нервничал. Ведь прошло (да-да, мы знаем) пять лет.

В общем, мы были заняты до рассвета. Помню, как она в какой-то момент сидела на мне сверху. Ее длинные медового цвета волосы падали вперед, когда она трахала меня. Эти волосы образовали тьму, которая выглядела как внутренность капюшона Беспощадного Жнеца. Как нечто из фильма ужасов, где во тьме ты видишь слабый блеск двух больших красных бусин. Я не мог не думать о ее рассказе о Марди Гра в Новом Орлеане и том впечатлении, какое на нее произвели танцоры и атмосфера всего фестиваля. Я воображал гребаных вуду-персонажей, сплошь залитых куриной кровью. Только это был Дублин. Мы теперь были далеко от Луизианы, и рассвет деликатно стучался в окно. Я начал готовиться к нашему расставанию. Мы заказали завтрак, и я пошел в душ.

Когда я вышел из ванной, она высунулась из окна, делая снимки своей маленькой одноразовой

камерой. Несомненно, мы вскоре их увидим. Бог знает, что еще она наснимала, пока я переодевался из купального халата в свою одежду. Но у нее были все возможности. На пути к лифту она шла передо мной.

Она обернулась, ее большие голубые глаза горели.

— Я выгляжу как дерьмо.

Стараясь не дать ей знать, как красива она на самом деле, я сказал:

— Ну, все не настолько плохо.

— Не настолько плохо? — переспросила она, явно раздраженная.

Я состроил рожицу. Она позвонила с рецепции. Накануне вечером она тоже звонила. Родителям, чтобы дать им знать, что она сегодня не придет ночевать. Мы выпили кофе, и я поймал такси до Хьюстонского вокзала. Вот, в сущности, и все.

Второе Рождество после смерти отца я провел дома.

Мы хорошо справились, Ма и я. Папа всегда любил Рождество, так что пустой стул в гостиной торчал в это время года, как бельмо на глазу. Но я был настроен оптимистично. Ну, на самом деле, это не то слово — я был на вершине блаженства. У меня была роскошная подружка-ирландка, мой дом пре-

бывал в родовых муках продажи, что означало, что Сент-Лакруа как место жительства скоро уйдет в небытие. В то Рождество я привнес радость в родительский дом. Приехал в гости брат. Я ходил на встречи АА. Даже Эшлинг навестила меня в Килкенни, и мы зашли выпить кофе в новом кафе, перестроенном из бывшего банка. Ирландия очень сильно изменилась.

Мне все было по фигу.

Задним числом мне кажется, что она хотела пригласить меня на новогоднюю вечеринку, которую кто-то из ее друзей в Дублине устраивал каждый год. Она приехала в Килкенни, чтобы навестить дядю Тома, а позднее выбралась повидаться со мной. Это было за два дня до кануна Нового года.

Может быть, она хотела сделать в канун Нового года то, что в конечном счете сделала со мной в баре «Том и Джерри» три месяца спустя. У меня нет ни одного доказательства, что это так, за исключением моей знаменитой своими сбоями интуиции/паранойи.

В тот вечер в Дублине она упомянула, что какой-то ее друг из Нью-Йорка приехал в гости на рождественские праздники и что она оставила его в каком-то баре. Когда при встрече тем вечером мы поцеловались, от нее исходил сильный запах спиртного, так что

она, должно быть, опрокинула с ним пару бокалов, прежде чем прийти ко мне. Я, разумеется, начал протестовать, мол, его не следовало оставлять одного, мы должны пригласить его присоединиться к нам.

Она отмела это предложение взмахом руки с длинными пальцами.

— Он слишком грубый, — сказала она. — Он бы тебе не понравился.

Кажется, как раз его я и встретил в следующем марте в «Томе и Джерри». Но вернемся в *Hibernian Café*. Думаю, тот факт, что я уже договорился в новогоднюю ночь встретиться с друзьями в Лондоне, отложил растерзание моей души еще на несколько месяцев. Я заказал номер в отеле «Кларенс» на следующий день после Нового года в надежде, что, возможно, мы повторим нашу ночь секса, случившуюся всего неделю назад. И думал, что это был бы славный сюрприз для нее, поскольку она когда-то работала там администратором.

Я позвонил ей из Лондона днем после наступления Нового года, проведя накануне разочаровавший меня вечер с друзьями из АА. Трубку взяла ее мать. Эта женщина была очень мила и спросила, как меня представить. Надеюсь, что Эшлинг обо мне упоминала, я назвался.

— Простите, кто?

В груди у меня все застыло.

И когда девушка моих грез наконец сонно зашуршала телефоном и сказала «алло», я услышал разочарование в ее хриплом голосе. А потом из трубки начали сплошной чередой ползти «нет». Нет... она должна провести время с родителями. Нет... она и так редко с ними видится; нет... может быть, когда мы оба вернемся в Нью-Йорк. Нет. Нет. Нет.

.....

Не каждый день мужчине
выпадает шанс заняться
неторопливым сексом
с Девой Марией,
когда ей шестнадцать.

.....

Я не сказал ей, что заказал номер в отеле. Это было легко — я привык скрывать разочарование. В отеле «Кларенс» за отмену бронирования штрафуют на сто процентов. Просто на случай, если вы когда-нибудь решите снять там номер, это означает, что деньги вы обратно не получите.

Моя сестра выразилась по этому поводу лучше всех:

— Звучит как задорого подрочить!

Она тоже отличается завидным владением английским языком.

И при 600 долларов за ночь не так уж она неправа. Я сделал все, что мог, чтобы не позвонить Эшлинг, пока не вернулся в Сент-Лакруа. На самом деле, я вообще не хотел туда возвращаться. Я ненавидел свою замечательную работу. Ненавидал — это даже не то слово, оно слишком активное. Это было скорее похоже на апатию. Я небрежно замечал в разговорах с людьми, любившими потрепать языком, что недоволен и вскоре уволюсь. До этого момента я боялся даже думать такое, чтобы кто-нибудь не прознал. Но теперь хотел, чтобы меня уволили. Я приветствовал бы увольнение с радостью.

Однако меня не уволили. Совсем напротив. Когда я вернулся после рождественских каникул, меня послали в Нью-Йорк. Было очевидно, что мне уже на все наплевать, и было очевидно, что я хотел быть в Нью-Йорке. И тогда они это организовали. Официально я должен был поехать туда и несколько недель помогать в тамошнем офисе, но я знал, что больше не вернусь. Думаю, они тоже это знали. Особенно поскольку продажа дома была назначена на 2 февраля.

Двумя месяцами раньше на моем пороге объявилась молодая пара.

— Здравствуйте. Мы тут просто подумали, а не заинтересованы ли вы продать свой прекрасный дом?

Я едва сдержался, чтобы не обнять их. Прекрасные люди. Прекрасные слова, что слетели с их уст. После бесчисленных объявлений о продаже и стольких поздних вечеров, проведенных за разглядыванием фотоальбомов, полных людей, подобных этой парочке, я уже начал думать, что я — единственный, кто пердит громкими долгими звучными нотами и дрожит в ванне. Они, казалось, самым своим видом подтверждали, что мне вообще не следовало находиться в этом доме. Я словно возвращал его правомочным владельцам. И если бы вокруг них облачком парила эльфийская пыльца, это не показалось бы мне сюрреализмом.

Молитва, на которую пришел ответ, не то явление, к которому я привык.

Они, должно быть, проезжали мимо моего дома, когда на нем висел риелторский знак, и решили подождать. Умницы. Потому что теперь, когда я разорвал договор с тем агентом, никому из нас не надо было платить комиссионные. Бегство в Нью-Йорк перестало быть просто мечтой. Я должен был вылететь вечером в воскресенье. Я оставил два сообщения для Эшлинг со словами, что в следующие выходные буду

в Нью-Йорке. Я намеренно не стал ей говорить, что собираюсь поселиться там навсегда. Я знал, что она будет все время меня динамить.

Вечером она оставила сообщение о том, что ей это совпадение показалось забавным, но она в воскресенье будет в Майами. Смешно! Я знал, что меня собираются мариновать, но ни в жизнь не догадался бы, насколько искушенным будет этот маринад.

Так что вечером во вторник около семи она позвонила мне в номер отеля «Сохо Гранд», где по запросу выдают постояльцам собственную золотую рыбку и где я воображал, как позже буду трахать ее так, чтобы вылетели ее ничтожные мозги.

Не суждено, друзья, не суждено.

В тот вечер начали разворачиваться события, при мысли о которых у меня до сих пор становится сухо во рту. Мы договорились встретиться в «Фанелли», кафе-баре на углу Принс и Браун. Я пришел туда заранее и сел за маленький столик. Она пришла в белом пиджаке, вид у нее был усталый. К счастью, не слишком красивая. Кстати говоря, я сознаю, что вплоть до этого момента выражался как обманутый бойфренд, пытающийся замаскировать свою попытку отомстить (т.е. все это повествование) под литературное событие, на которое вам (читателям)

полагается повестись. Может быть. Но я думаю, вы согласитесь, что странности Эшлинг стоят летописания под любым предлогом. Называйте это предостережением моим собратьям-романтикам. Называйте как хотите. Я понимаю. Называйте это терапией для меня (а вы все просто подслушиваете). Имейте в виду, если она узнает себя на этих страницах, и это тоже хорошо. Разумеется, это может дать обратный эффект и сделать ее знаменитой. И все же такое явление указало бы, что будет продано много экземпляров моей книги, а это означает, что я тоже не останусь в проигрыше. Все еще читаете? Хорошо.

Вернемся в «Фанелли». Я сказал что-то типа: «какой славный бар». Приехав из Сент-Лакруа, я говорил это вполне искренне. Сказал, что видел где-то его фото, и спросил, знаменитое ли это место. Никогда не забуду ее холодный взгляд, когда она ответила:

— После сегодняшнего вечера ты его запомнишь.

Я понаблюдал за ней, чтобы понять, имела ли она в виду, говоря это, что-то хорошее. Мне так не показалось. Я стал немного заикаться.

— Что ты имеешь в виду? Меня сегодня ждет какой-то большой сюрприз? — Я хотел, чтобы вопрос прозвучал неопределенно.

Все, что она ответила:

— Подожди.

Это было не то, на что я рассчитывал, и это меня напугало. *Подожди?* Должно быть, у этого вечера было какое-то расписание. Определенный порядок. Схема развития событий, которая сложилась у нее в уме. Я проглотил ком в горле, как человек, который осознал, что вляпался по самые уши. Должно было что-то случиться — что-то нехорошее. Но не обязательно это происходило прямо сейчас. Это должно было случиться вскоре, и она знала, что это, а я — нет. Я пока не мог уйти, потому что мне не на что было реагировать.

Она начала задавать вопросы. Где находятся офисы «Киллалон»? Катаюсь ли я на горных лыжах? Тренируюсь ли в спортзале? Ездил ли когда-нибудь верхом? Играю ли в шахматы? Я отвечал на все это и думал: я как на допросе. Что за хрень? Полное ощущение пассивности. Она сказала, что ей очень хотелось бы как-нибудь сыграть со мной в шахматы. Я ответил, что потерпеть поражение в шахматах было бы для меня вдвойне унижительно, потому что я мню себя стратегом. Ее глаза блеснули. Я не мог не ерзать на стуле, так мне было неудобно. Она откинулась на спинку и наблюдала, как я извиваюсь. Она выглядела... расслабленной. Теперь уже не такой невинной. Более непринужденной. Абсолютно кон-

тролирующей ситуацию — и я завидовал этому ее чувству, хоть и не знал, что именно она контролирует. Вскоре мне предстояло это выяснить.

Она огляделась по сторонам. Прикурила сигарету. Скрестила руки на груди. Затем чуть манерно зевнула. Ей было скучно.

— Думаю, пойду-ка я домой, — сказала она.

Все значение этой фразы дошло до меня лишь некоторое время спустя. Но я таки понял, что данная мне отставка была значимой. Она подождала, дав мне время это понять.

Должно быть, я сумел задать вопрос, который дал мне возможность убедиться, собирается она пойти домой одна или нет. Не могу точно вспомнить, что было сказано, за исключением того, что ощущение было, будто меня убивают. (Настоящий король драмы, не правда ли?)

В фильме «Спасение рядового Райана» есть сцена, в которой немецкий солдат убивает американского ножом. Немец сидит на янки верхом. Джи-ай начинает тихо упрашивать немца, говоря что-то вроде: «Погоди, разве мы не можем договориться?» Бесполезно. Немец с почти извиняющимся видом продолжает орудовать ножом. Его лицо изобличает совершаемый им поступок. (На случай, если вам

интересно, я и есть тот американец.) Итак, в этом кафе в меня тыкали ножом, но тут же накладывали бинты. Настолько быстро, что я в результате чуть ли не извинялся перед ней. Я мешал ей, из-за чего она хмурила свой красивый лоб. Как я мог? Дело в том, что, если бы она велела мне свалить, я бы ушел. Но она этого не сделала. Она слишком наслаждалась происходящим.

.....

Я знал, что меня собираются
мариновать, но ни в жизнь
не догадался бы, насколько
искушенным будет этот маринад.

.....

Мне потребовался добрый час, чтобы вынудить ее сказать, что она «не стремится к отношениям». Словно я какой-то долбанный продавец в магазине, пытающийся выяснить требования госпожи покупательницы. По крайней мере, я сумел составить точное суждение о том, что это означало. А означало это в основном (если честно) — «никакого секса». Так что моей первой реакцией было — ладно, тогда иди на хер.

Она сказала, что с удовольствием ходила бы со мной на выставки, с удовольствием показала бы мне Нью-Йорк и... Я уже качал головой. До меня дошло,

что она использовала почти все клише, за исключением самого главного — слова «друзья». Я сделал это за нее.

— Ты имеешь в виду, что хочешь, чтобы мы остались друзьями.

Она не стала соглашаться. Потому что это, вероятно, прозвучало бы слишком окончательно, и она понимала, что я спасусь бегством.

Она постаралась оставить вопрос открытым, сказав: «Я хочу получше узнать тебя». Это подразумевало, что мы, возможно, снова сойдемся в будущем. Мои инстинкты настаивали, что нужно встать, уйти и решить, что у меня выдался неудачный день. Но ей, казалось, хотелось еще это обсудить, словно для того, чтобы выслушать мои мысли.

Она говорила: «Ты, кажется, задумался» и «Ты сердишься?», на что я отвечал: «Правда? Прости, пожалуйста. Сержусь? Нет. С чего мне сердиться? Ведь это я сюда приехал». Это было мое решение. Я чувствовал, что она разочарована моей реакцией, что она хочет, чтобы я рассердился, а я — вот незадача! — так спокойно это все воспринял. Любой посторонний подумал бы, что она рассказывает мне про свои новые занавески. По крайней мере, я на это надеялся. Теперь казалось, что ей стало еще скучнее — от

того, что она не получает того шоу эмоций, на которое рассчитывала.

А потом, без предупреждения, меня ослепил свет. Фотовспышка. Я ничего не видел и был в шоке. Парень рядом со мной повернулся, ухмыляясь, и сказал:

— Прошу прощения. Она сама сработала.

Я автоматически кивнул:

— Нормально. Никаких проблем.

Он обменялся взглядом с Эшлинг. Она улыбалась. Я тоже. И он тоже. Я даже не обратил внимания на то, что на соседнем столике, рядом с солонкой и перчатницей, лежит камера.

Я снова взглянул на этого мужчину. Что-то было не так. Я не понимал, что именно. Он, казалось, слишком уж радовался этому маленькому происшествию. И время было выбрано слишком удачно, словно он сознавал, что был достигнут эмоциональный пик. Уже не было бы ничего более выразительного на моем лице, чем в тот момент, и это надо было сделать именно сейчас. Невольный фотограф со своей сообщницей остался сидеть рядом с нами за соседним столиком.

Эшлинг спросила, не хочу ли я что-нибудь выпить. У меня еще была в бокале вода «перье». Я так понял, что она спрашивает, не хочу ли я чего-нибудь

покрепче. Это очень меня задело, учитывая то, что уже случилось. Но мою боль было легко спрятать. Единственное, что я теперь хотел, — это убраться подальше и заняться лечением своего разбитого сердца.

Однако что-то во мне не желало сдаваться. Я спросил ее, не хочет ли она пойти прогуляться. Она отреагировала на это громко и слишком подчеркнуто:

— Нет!.. — а потом мягче: — На улице ужасно холодно.

Я никак не мог отделаться от мысли, что она следует какой-то заранее подготовленной схеме. Я как-то читал очень циничную статью в женском журнале под названием «Как разбивать сердца и наслаждаться процессом». Там было изложено немало антимужских методов, включая (в моем изложении) следующие: «Выясни его хобби, прежде чем бросить, он может оказаться полезен как друг; или тебе, возможно, захочется познакомить его с одной из своих подруг. Особенно если он хорош в постели. Можно ли придумать лучший подарок для подруги? Научись играть в шахматы, нет ничего более унижительного для мужчины, чем когда ему наносит интеллектуальное поражение красивая

женщина. Ты сможешь причинить ему физическую боль. Если он не дает тебе знать, что чувствует, позвони ему поздно ночью. Разбуди его. Ему трудно скрыть свои чувства, когда он влюблен в тебя и ты нежно говоришь с ним, лежащим в постели, даже если только по телефону...» Это лишь некоторые советы, упомянутые в той статье. Эшлинг применила на практике добрую их долю еще до конца этого вечера.

Все это дошло до меня задним числом. В то время на моей тарелке лежало слишком много всего, чтобы анализировать. Я просто ел, что дают, так сказать. Вы должны вспомнить, сколь многое в то время происходило в моей жизни: новый город (Нью-Йорк), в сущности, новая работа (нью-йоркское отделение «Киллалон Фицпатрик»), новое назначение. Ужас. А теперь еще это. Что касается меня, я перебрался в Нью-Йорк, чтобы быть с этой девушкой, а она лишь посмеялась надо мной. Вот как мне это виделось. Уже этого было бы достаточно, но существовал еще дополнительный слой. Это раздражающе-тревожное ощущение, что существует какая-то программа. Скрытый план. Когда я оглядываюсь назад, это кажется мне еще более пугающим, чем тогда. В то время, думаю, меня защищал шок — или, смею ли сказать, Бог.

Прошу прощения, но я тут собираюсь сказать несколько слов о божестве. Около месяца с лишним я ежедневно молился об избавлении (хорошее слово) от Сент-Лакруа. Я был избавлен. Вспоминая весь этот эксперимент по психологическим пыткам (ибо это были именно пытки), я гадаю: если бы я знал, что происходит, раньше, использовал бы я это как предлог для выпивки (мы, алкоголики, любим свои отмазки), или предпринял бы неэффективную интрижку с какой-нибудь женщиной, или выплыл бы из «красного тумана», держа ее безвольное тело за перерезанное горло — перерезанное, как бы я медленно осознал, моими руками? Ярость, которую я ощутил позднее, когда до меня дошло, что случилось, витала вокруг почти видимым облаком. Как всегда, у меня есть свои теории.

Поскольку я познакомился с ней в студии Брайана Томкинсина, я думал, что все это могло быть подстроено. Томкинсин делал огромную долю работы для «Киллалон», а следовательно, имел свои «плюшки». Время от времени он брался за бесплатные съемки, когда его просили, потому что знал, что это хороший бизнес — работать с одним из лучших рекламных агентств в мире. Это была обычная практика. Его агентом была бывшая королева красоты из Польши (по-прежнему красавица) с глаза-

ми, как у ягуара (не то чтобы я когда-нибудь смотрел ягуару в глаза, но вы понимаете, что я имею в виду).

Кстати, одна из теорий заговора заключается в том, что, поскольку руководителям «Киллалон Фицпатрик» не понравилось, что работник, в которого они столько вкладывали, уезжает в Нью-Йорк, они хотели помочь мне уничтожить себя, познакомив с юной леди из Ирландии, сосредоточенной на собственной карьере. Она получила хорошую работу у Питера Фримена вскоре после того, как «устроила мне веселенькое время» в Нью-Йорке. Это я просто размышляю. Я знаю, что это немного чересчур, но «Киллалон Фицпатрик» — охренительно странная контора.

Другая теория могла бы существовать параллельно первой или самостоятельно, если вам так больше нравится. Теория Номер Два поддерживает тему художественного фотоальбома. В этой версии у Эшлинг есть двое друзей из Гарварда, изучающих издательское дело, которые уже заключили с ней издательский договор и одобрили концепцию высококачественной книги фотографий, включающей фотоэссе в стиле тех фотосерий «Настоящая любовь», которые были более распространены в 1970-х. Однако в данном случае во всех романтических сюжетах фигурировала

бы одна девушка с разными мужчинами. Фотоэссе отражали бы развитие событий от самого начала до самого конца (каким бы этот конец ни был). В Теории Номер Два я — один из этих мужчин. Теория Номер Три заключается в том, что и Теория Номер Один, и Теория Номер Два — полное фуфло, и что жизнь непредсказуема, и что все, что происходит, не имеет ни смысла, ни структуры; это просто случается. Как с непотопляемым «Титаником». В общем, как-то так. Я аккуратно распределил все ставки на область Теорий Номер Один и Два, бóльшую часть — на Номер Два. Просто чтоб вы знали.

Если мы рассмотрим Теорию Номер Два, Эшлинг отработала начальные этапы этой «настоящей любви» и даже начало ее конца. Но не получила ничего достойного. Только блаженно-идиотские портреты слишком влюбленного мужчины. Ни гнева, ни слез, ни мýки. Какая же любовь без гнева, слез и мук? Мы же не можем сделать книжку под заглавием «Настоящая дружба», верно? Нет, конечно же, нет. Не в том случае, если у тебя заключен издательский договор, который означает дедлайн и деньги, потраченные из определенного бюджета, выделенного тебе, чтобы помочь «собирать материал». Хм-м-м. И не в том случае, если ты уже вложила немало времени и энергии в свой сюжет. О нет! Еще одна фотовспышка пе-

ред входом в «Фанелли», когда я поднимаю ладони (направленные вверх) в жесте, который, как я понимаю, может быть превратно истолкован как умоляющий, — и эта конкретная страница ее будущей книги перевернута.

Дав обещание позвонить, на следующий день я делал все возможное, чтобы не поддаться искушению оставить пятнадцать умоляющих сообщений на ее автоответчике. Под конец я оставил сообщение со словами, что не смогу увидеться с ней этим вечером, что нарисовалась работа и что «увидимся как-нибудь». Рука моя дрожала. Я собрал все силы — а было их не так много, — чтобы сделать этот звонок.

Я намеревался больше никогда ей не звонить. Никогда. Я собирался воспользоваться тем же методом, который потребовался, чтобы отказаться от выпивки. Делать это порциями — на один укус. Один час. Одна минута. Иисусе, вот это была пытка! Мое эго говорило мне, что я причиняю ей ненужную боль, не звоня. Что я причиняю боль ей. Что она и должна играть недотрогу. Что именно это должны делать девушки.

В общем, я каким-то образом продержался еще день, и в тот вечер, ближе к ночи, около половины двенадцатого, она позвонила мне в отель. Я спал.

Вечером шел снег, и я пытался встретиться с Тельмой, чудесной девушкой с работы, с которой уже встречался несколько раз (она любит флиртовать), но она так и не объявилась. Когда зазвонил телефон, я проснулся и... угадайте, с кем же я разговаривал?

С источником своих худших кошмаров. Она заставила меня говорить о таких вещах, о которых я поклялся никогда ей не говорить. Фу! Я морщусь, даже просто вспоминая об этом сейчас. Все это наивное фуфло насчет Тома Баннистера, моего отца, насчет того, что она, должно быть, Моя Единственная, и насчет того, как я пригрозил на работе, что уволюсь, если меня не пошлют в Нью-Йорк... О Боже! Я был полусонный и не понимал, что говорю. Она поощряла меня, разумеется, обхаживала такими фразами, как «я же не знала, что...», и «тебе следовало сказать мне...», и «это же совсем другое дело». Я так понял, что эти едва слышные фразы означали «надежда есть».

Вот еще одна деталь наших телефонных разговоров, которую я помню. Я никогда, блин, не мог ее расслышать. Мне было стыдно просить ее повторить то, что она сказала. Так что — да, я вывернулся наизнанку, но дал понять: «Я не собираюсь маршировать под знаменем просто приятеля».

Я повесил трубку, гордый хотя бы тем, что сумел первым закончить разговор. Вот насколько жалок я стал! Она закончила отношения, а я закончил телефонный разговор. Не то чтобы «один — один» на табло, но сойдет и так.

И сходило, пока не прошло два дня. Я не смог удержаться. Я позвонил ей и оставил сообщение, мол, я подумал о том, что она сказала, и хочу встретиться с ней за обедом. На мой взгляд, обед был менее обязывающим событием, чем ужин. Она оставила ответное сообщение: мы могли бы встретиться за ужином в это воскресенье, «если ты не против». Вот это, блин, меня убило. Это подразумевало, что она знала, как действует на меня. Точно знала.

Я не смог себя остановить. Мне нужна была моя доза. Я позвонил ей, и мы договорились встретиться во французском ресторане недалеко от ее работы. Она готовилась к открытию выставки, которое должно было состояться в следующую среду. Она много работала. Полагаю, мне следовало принять это во внимание. Я пытался увидеть ситуацию с ее точки зрения. Мужик объявляется в Нью-Йорке, рассчитывая, что она бросит ради него все, просто потому что ему было удобно уехать из Сент-Лакруа. Мужик, к которому она, для начала, испытывает еле-еле те-

плые чувства. А теперь он разыгрывает из себя всего такого обиженного, потому что она не захотела заняться с ним сексом. Я мог это понять. Однако проблема заключалась в том, что были сделаны эти фотографии. На середине нашего разговора в очаровательном французском ресторанчике на Лафайет щелкнула еще одна фотовспышка. На этот раз со столика на противоположной стороне зала, за которым сидели четверо. Они засмеялись и даже помахали. Я не мог поручиться, что свет был направлен именно на меня, возможно, они просто фотографировали самих себя. Но в ретроспективе (что бы мы делали без ретроспективы!) это вписывалось в общий узор. У людей за тем столиком были сумки. Ну и что? А то, что это были сумки, предназначенные для аппаратуры, а не для одежды. (Ладно, может, я чуть-чуть слишком нагнетаю.) В тот воскресный вечер определенно был сделан еще один снимок. Я даже пошутил на этот счет. Я рассказывал ей, как мы с моим прежним партнером однажды снимались на лондонском телевидении, поскольку сделали великолепную рекламу. Я пытался произвести на нее впечатление. Дать ей знать, что она отвергает гребаного медиагения. И в результате рассказал ей, как сильно мне не нравился мой прежний креативный партнер.

— Вот кого бы тебе опустить вместо меня. Он этого заслуживает. Он нехороший человек. Тебе и твоим друзьям следовало бы на него поохотиться, — добавил я, кивнув в сторону того другого столика.

Знаете, вам придется сейчас простить меня, поскольку память подсказывает мне, что она ответила с многозначительным взглядом:

— Итак, ты знаешь.

А потом, как моя память говорит мне, я ответил:

— Разумеется, знаю.

— Тогда зачем ты это делаешь?

— Потому что мне это интересно, — сказал я.

.....

Я намеревался больше никогда
ей не звонить. Никогда.

.....

Не то чтобы это могло что-то значить, но я знаю, что, по моей мысли, это означало. И действительно прошу прощения, потому что даже не могу быть уверен, что этот диалог вообще имел место. Однако я точно упоминал своего бывшего партнера и даже рассказал ей, где тот работает, на случай, если она захочет его опустить. (Кстати говоря, я таки слышал,

что он недавно ездил в Нью-Йорк жениться и в результате устроился здесь на работу. Молчать!) В общем, я оплатил счет и объяснил ей, что мои расходы берет на себя компания и что я зарабатываю больше денег, просто находясь в Нью-Йорке. Мои отельные счета и каждая крошка пищи оплачивались. Кажется, ей стало завидно.

Деньги были единственной темой, которая вызывала у Эшлинг явные эмоции. Ее чудесные глаза расширялись, когда этот предмет всплывал в разговоре. И что с того? Не могу ее в этом винить. Женщины любят деньги лишь постольку, поскольку мы, мужчины, мешаем им до денег добраться. Им приходится делать массаж нам и нашему эго, чтобы заполучить их. Иначе они бы и пальцем ради нас не пошевелили. Может, только трахались бы с нами изредка. Мы обращаемся с ними не лучше.

Мы ушли из ресторана. Не рискуя нарваться на отказ, я даже не пытался поцеловать ее в щеку. Я не хотел, чтобы вся эта история с дружбой стала официальной. По крайней мере, так оставалась еще какая-то надежда на секс. Итак, я стоял примерно в двух ярдах от нее (не сказать, чтобы она пыталась сократить расстояние) и говорил всякие вещи вроде «я тебе позвоню».

Как раз когда я собирался уйти, она произнесла:

— Ты придешь в среду?

Я в глубине души подпрыгнул от радости.

— О да, конечно, я совсем забыл, твоя выставка! По какому адресу?

Я помахал ей на прощанье и понесся прочь, словно у меня была еще тысяча дел, в направлении «Сохо Гранд».

В то время я работал в одном из самых знаменитых рекламных агентств мира над проектами двух его самых трудных клиентов, производителя фотоаппаратуры *Nikon* и журнала *Fortune*. Каким-то чудом все шло хорошо. Начальник, кажется, был доволен. Я не мог в это поверить, поскольку работал только вполсилы.

Итак, наступил великий вечер открытия выставки Эшлинг, и я ужасно нервничал. Предстояла встреча с ее друзьями. В мыслях я все еще считал себя ее бойфрендом. У нас просто был сложный период. Я имею в виду, я не то чтобы был слишком в этом уверен. У меня было мерзкое чувство, что я обнаружу нечто такое, что мне не понравится. Когда я явился туда, событие было уже в полном разгаре. Я протолкался сквозь впечатляющую толпу модных, комфортно

чувствующих себя людей. Людей, которые, казалось, привыкли быть любимыми (странно так говорить, но именно такими они мне показались... пользующимися спросом). В общем, я попытался отыскать ее и поначалу не преуспел. Я видел огромную фотографию на задней стене бара. Вот и все, что там было. Большой бар и большое пространство стены за ним. Там было изображение фигуристов на льду, снятых в Вандербилт-Центре, с двойной экспозицией, так что один снимок накладывался на другой, создавая впечатление движения. На мой взгляд, такого рода работ можно было ожидать от фотографа в 1920—1930-х годах. Этаким русский Мэн Рэй, или если бы Кандинский заделался фотографом. Экспрессивность в классическом смысле слова. Я был шокирован тем, что мне это так понравилось, и разозлен тоже. Это означало, что она даже талантливее, чем я опасался. Она не только украла мое сердце, но теперь похитила и жизнь, которой я жил бы с превеликим удовольствием, если бы имел мужество не пойти в рекламное дело.

Не думаю, что в тот момент я понимал это на сознательном уровне, но мне было неуютно. Нет. Я завидовал. И сверх всего, когда я таки нашел ее, она держала в руках гребаную здоровущую камеру Iris, которую кто-то ей подарил (несомненно, какой-то

мужчина), и гребаную большую пинту «Гиннесса». Пинту «Гиннесса»! Я вообще не видел ни одной за почти четыре года, не то что в руках девушки, которую любил. Земля у меня под ногами треснула.

.....

Вот насколько жалок я стал!

Она закончила отношения,
а я закончил телефонный разговор.
Не то чтобы «один — один» на табло,
но сойдет и так.

.....

Я вежливо кивнул, когда она представила меня подруге. Самой высокой девушке, какую я только видел в жизни. Должно быть, ростом за два метра. Я не шучу, она была охренеть какая огромная. Она приехала из Мэна специально для того, чтобы увидеться со своей подругой Эшлинг. Я сказал, типа, вот что значит дружеская верность. Она довольно свирепо заявила, что сделала это потому, что Эшлинг когда-нибудь станет богатой.

Помнится, мне это показалось странным. Итак, я застрял в беседе с пупком этой девицы о всяких благоглупостях, в то время как две самые большие любви моей жизни, «Гиннесс» и Она, скользили по бару.

Эшлинг клевала поцелуем в щечку всех подряд. Завылся даже ее босс. Питер Фримен, как оказалось, был таким седовласым существом херувимского вида в свободных джинсах и шерстяном свитере. Он выглядел гораздо старше, чем я его себе представлял. Чуть за пятьдесят. Помню, как испытал облегчение и подумал: что ж, по крайней мере, на его счет я могу не беспокоиться.

Я купил этой дылде порцию «Бейлис», и, по моему настоянию, мы присели за маленький столик, потому что я чувствовал себя до ужаса смешным, глядя ей в ноздри и притворяясь, что интересуюсь ее жизнью в Мэне. Единственное, что я от нее хотел, — это информацию о ее подруге, моей возлюбленной, восходящей звезде фотографии. Разумеется, я не получил ничего. Мы некоторое время сидели с ней, и вдруг я ощутил, как «Бейлис» расплескивается по моему лицу и груди. Сам себе не веря, я уставился на нее. Она случайно махнула пластиковой соломинкой в мою сторону. Принялась извиняться. Я осознал, что на моей нижней губе висит капелька. Я улыбнулся. Осторожно, тщательно вытер грудь и рот. Я отчетливо осознавал, что стоит только облизнуть губы, и может случиться все, что угодно. Между прочим, я договорился встретиться со своим другом Адамом из АА попозже вечером, если дела пойдут неважно.

Это, решил я, и есть неважные дела. Как хорошо, что у меня был реальный человек, с которым я мог пойти и встретиться, вместо того чтобы хромать прочь под каким-то надуманным предлогом. Я посидел еще некоторое время и, угостив дылду еще одной порцией «Бейлис» (всегда джентльмен), попросил извиниться за меня перед Эшлинг, поскольку у меня назначена встреча за ужином.

Какая удача! Я выбрался оттуда. Та дылда излишне долго извинялась и пыталась сцапать меня за руку, умоляя снова присесть. Я ни за что не собирался оставаться — зачем, чтобы меня могли еще более подчеркнуто игнорировать? Да пошло оно все, сказал я себе, и вышел наружу, в приветливый мартовский вечер. Превосходно.

Всего через пятнадцать минут мы с Адамом шли наперекор неистовому ветру с дождем по Уильямсбургскому мосту. Мне это было на пользу. Полагаю, ему тоже. Я продолжал мысленно проигрывать тот момент с «Бейлис». Неужели это могло быть гребаной случайностью? Я пил все, что только попадало в руки, на протяжении более чем пятнадцати лет, и меня ни разу так не обливали выпивкой. Во всяком случае, случайно. Было слишком чудовищно предполагать, что она сделала это нарочно. Слишком параноидно. Так что я забыл об этом, — вроде как.

Я не стал звонить Эшлинг на следующий день. Я был убежден, что теперь знаю цену ей и ее компании. Я познакомился с парочкой ее приятелей (помимо той дылды), и у меня были все основания называть их богатыми скучающими ирландцами. Единственные типы, для которых унижение *калчи* (любого, кто не из Дублина) по-прежнему представляло какой-никакой интерес.

Но я сломался еще через день, позвонил и оставил сообщение со словами о том, какое удовольствие доставило мне знакомство с ее друзьями и что было бы чудесно как-нибудь снова вместе пообедать (вот я долбаный идиот, да). Она, разумеется, оставила другое сообщение, мол, да, было бы чудесно увидеться, и она с удовольствием пообедала бы со мной или еще что-нибудь, и т.д. ...

В конечном счете мы встретились за обедом в *Cafe Nabana* на пересечении Принс и Элизабет, сразу за углом дома, в котором она жила. Я, конечно, пришел заранее, а она опоздала примерно на три четверти часа. Она ведь жила прямо за этим гребаным углом! Она даже специально привлекла внимание к этому факту. Я лишь пожал на это плечами — мистер Толерантность, мистер Понимание. Последовала обычная болтовня, ничего особенного, много чепухи о рекламе. А потом, ни с того ни с сего, она извинилась за

довольно резкую реплику в мой адрес в тот вечер. Это оказало эффект пощечины. Вот что она сказала тогда:

«Была б твоя воля, так ты привел бы сюда все эти гребаные СМИ».

.....

Она не только украдала мое сердце,
но теперь похитила и жизнь,
которой я жил бы с превеликим
удовольствием.

.....

Это по поводу моих попыток впечатлить ее тем, что я считал хорошим способом «раскрутки» для ее выставки. Я хотел пригласить на открытие фотографов из разнообразных СМИ-идолов вроде *Vogue*, *Elle* и *Vanity Fair*. Я даже дошел до идеи поместить огромный снимок на стену, чтобы на любых фотографиях, сделанных на открытии, ее работа четко выделялась на заднем плане. Также помню, как сказал, что было бы прекрасно, если бы перед ее фотографией вспыхнула драка. Потому что если бы такая драка вспыхнула, а у нее «чисто случайно» оказалась установлена там камера, и она — тоже «чисто случайно» — сделала бы удачный снимок этой драки, то уже сам этот снимок стал бы одной из ее работ.

Кроме того, будучи СМИ-торгашом, я понимал, что любому редактору любого журнала было бы трудно отказаться от такой фотографии. Им тоже нужно чем-то заполнять пространство на белых страницах, как и остальным нам. Какая ирония, что именно я на самом деле подал ей эту идею! Вся соль, конечно, заключается в том, что лучше всего она сработает, если удастся вовлечь в драку кого-то хорошо известного.

Но я опять забегаю вперед. Вы не должны позволять мне это делать.

Итак, вот она сидит и извиняется за свою резкость, говоря, что все дело в том, что она нервничала из-за открытия.

Я ей это простил. Конечно же, я это простил. А потом я произнес то, о чем сожалею. Я сказал:

— Можешь заплатить за это. Ты дожидалась такой возможности с тех пор, как мы с тобой познакомились. Это не разобьет мне сердце.

И вот что она сделала. Она рылась в кошельке, вероятно, ожидая, что я попрошу ее отложить его в сторону. Услышав слова «разобьет» и «сердце», она замерла. Ее глаза (о, эти глаза) поднимались от сумочки так, словно собирались вцепиться в мои, но неестественно остановились на полпути. Теперь

казалось, что она смотрит в пол. Я знал, что она знает, что я за ней наблюдаю. В течение нескольких ударов сердца она так и сидела, а потом, словно заметив что-то на столе, позволила взгляду подняться до столешницы, моргая медленно-медленно, и теперь, без единого движения телом или головой, сместила его вверх и вбок за мое левое плечо, пока, наконец, он не совершил финальное диагональное восхождение по моей щеке и не вбуравился в мои глазницы.

— Я. Так. Не. Думаю.

Вот что она сказала. Словно знала, что может убить меня на месте, но время еще не пришло. Это была дисциплина, которая меня напугала. Это означало, что бы она ни делала, она делает это по профессиональным причинам. Не будет никакой страсти. А следовательно, и прежде никакой страсти не было. «Шелбурн» был просто необходимым актом, частью предварительно испытанной и опробованной формулы. Вплоть до того момента, когда она похлопала меня по плечу посреди занятий любовью и стала позировать, как шаловливая шестнадцатилетняя девчонка, дополнив образ кокетливой улыбкой и кивком указав вниз, на свое тело. Чтобы я гарантированно сделал задуманный ею мысленный моментальный снимок. Никто не смог бы сказать,

что она не понимает природы фотографии. Сдержанность, которую она продемонстрировала во время того обеда, показала мне, насколько глубока степень ее искушенности, и это заставило меня желать ее еще сильнее.

Честно говоря, возникала мысль о том, что меня водят вокруг пальца, но я и хотел, чтобы меня вели куда-то... хоть куда-нибудь. В конце концов, если она этого желала и я мог ей это дать, то почему бы нет? Я ведь был влюблен в нее, правда? А еще я был заморожен. Я два года смотрел в Сент-Лакруа французские фильмы и ни разу не видел ничего настолько интересного. И еще, помимо прочего, всегда оставалась возможность, что мне удастся снова с ней переспать. Но в действительности я был рыбкой, а она — рыболовом. Весь вопрос был в том, что она захочет, чтобы я сделал дальше.

Дальше она захотела, чтобы я сопровождал ее на выставку в Новом Гуггенхайме на Бродвее. Сказано — сделано. Упомянуть стоит лишь об одном. Когда мы подошли к одному перекрестку, забыл, к какому именно, она развернулась и, словно желая не дать мне попасть под машину, очень сильно ударила меня в грудь. Я имею в виду — действительно сильно. С секунду я не мог вдохнуть. У меня закружилась голова, я ведь уже потерял от этих потрясений око-

ло стоуна веса¹. Я читал где-то, что, когда человек пребывает в эмоциональном шоке, область вокруг сердца теряет часть защитной жировой прослойки, и поэтому оно опасно обнажается. Один хорошо нацеленный удар может оказаться не просто очень болезненным: когда человек, который был в шоке, начинает снова набирать вес, сердце остается в «синяках», и это может привести к аортальной недостаточности. Жизни это не угрожает, но доставляет дискомфорт.

Мне было больно, но я притворился, что это не так.

.....

Она опоздала примерно
на три четверти часа. Она ведь
жила прямо за этим гребаным углом!
Я лишь пожал на это плечами —
мистер Толерантность,
мистер Понимание.

.....

Следующим портом захода в моем личном путешествии открытий стало «Шахматное кафе». Да, в Нью-Йорке есть такое заведение. В Сохо. Это было ужасно. Мы шагали мимо чуть ли не самой роман-

¹ 6,35 кг.

тичной недвижимости на земном шаре, а я с тем же успехом мог гореть в аду. Совсем рядом со мной была девушка моих грез, но она же — источник наиболее сильной боли, какую мне доводилось испытать. В «Шахматном кафе» платишь доллар, чтобы арендовать столик, и можешь играть в шахматы сколько угодно. Там подают кофе, и, верное извечной шахматистской нейтральности, это было одно из немногих мест, где курение не только разрешалось, но и активно поощрялось. Все эти нахмуренные лбы хорошо смотрятся сквозь плюмажи сигаретного дыма.

Она победила меня с легкостью, и я обнаружил, что ерзаю на своем скрипучем стуле так же, как в «Фанелли». Во второй игре я опрокинул своего короля. Она выглядела разобиженной и обманутой. Обиженной потому, что я сократил длительность ее наслаждения. Обманутой потому, вероятно, что она планировала для меня долгую смерть от истощения, а я сам себя убил и лишил ее удовольствия. Кроме того, должно быть, это показало ей, как я играю в жизненную игру — воздерживаюсь от боли, вместо того чтобы длить ее. Она слишком активно протестовала. Словно это что-то значило.

Словно я задел больной нерв.

— Закончи игру! — крикнула она.

Я сказал, мол, не хочу длить агонию, и сделал ей комплимент по поводу того, как она хорошо играет в шахматы.

— Почему? Потому что я победила *тебя*?

К этому времени я уже почти хромал. Я был в психологических и эмоциональных лоскутах и лохмотьях. Еще один удар — и я бы заплакал. Завыл бы прямо на улице. Еще всего одно замечание — и из усталостных трещин у моих глаз начали бы просачиваться струйки, потом потоки и, наконец, наводнение превратило бы в каналы улицы Сохо.

Я должен был встретиться со своим добрым другом и наставником Дином в половине седьмого, и сказал ей об этом. Я никогда еще не был так благодарен за возможность убратся от нее подальше, как этим днем, — и все же сердце щемило при расставании. У меня не хватило храбрости даже поцеловать ее в щеку. Я боялся, что еще один, последний отказ — и я сорвусь. Я унесся от нее, наполненный яростью, смятением, страхом, любовью и облегчением. Мы договорились как-нибудь на неделе сходить в кино.

Меня тошнит от разговоров о ней. Но я должен рассказать кому-то всю историю. Не только отдельные куски там и сям, но всю ее, отчасти потому, что

не уверен, что сам в нее верю. Я придерживаюсь того мнения, что если я ее запишу, то смогу, по крайней мере, уйти от всего этого. С этим будет покончено. Может быть, это сработает как предостережение другим.

Итак, на следующей неделе я был занят на работе и даже сумел сказать Эшлинг, что не могу пойти с ней в среду в кино, потому что меня домогается еще одно агентство. Это было правдой только на треть. Парень из другого агентства, писатель, хотел встретиться со мной и поболтать — и, да, у них была вакансия, но это место не славилось прекрасными условиями работы.

Мы с Эшлинг договорились встретиться «выпить» в баре в пятницу вечером. Я не знал, что это будет последний раз, когда я ее увижу. Я просто думал, что иду встретиться с девушкой, которую люблю, и это будет лишь одна из миллионов встреч, ожидающих нас на протяжении всего остатка жизни. Любовь была терпелива, добра и нетребовательна. Многие из того, что я далее опишу, происходило со мной не в то самое время, а позднее, когда я стал спокойнее и объективнее. В то время, могу сказать определенно, я день за днем пребывал в состоянии шока. Несомненно.

Я пришел туда рано. Она сказала — от половины девятого до девяти. Я явился около четверти девятого. Я был первым. Спустя пару минут в бар вошли ее подруга Шэрон (ирландка) и какой-то парень — будем называть его Бразильская Рубашка, потому что он на самом деле был одет в желтую бразильскую рубашку-футболку.

Шэрон поболтала со мной какое-то время, и Бразильская Рубашка бросил: «О, еще один?», когда я назвался другом Эшлинг. Я сразу же ощутил странность происходящего: он казался каким-то преувеличенно недружелюбным. Недружелюбным ради самого недружелюбия. Так продолжалось какое-то время, я мало говорил, а он пытался быть недружелюбным с человеком, который с ним соглашался.

Потом появилась она. Выглядела великолепно. Думаю, она успела опрокинуть пару порций спиртного. Может быть, даже догналась чем-то еще, судя по тому, как сверкали ее глаза. Может быть, это было лишь предвкушение. Казалось, все они в приподнятом расположении духа от чего-то, имеющего отношение только к ним. Если моя теория верна, они наслаждались восторгом предубийства. Или, может быть, просто предвкушали хорошее вечернее развлечение. Эшлинг едва взглянула на меня, едва заметила мое присутствие. Я был очень задет этим, но

переключился в режим автопилота. Я сказал себе: вежливо улыбайся и ни в коем случае ничего им не показывай. Если бы я ушел прямо тогда, у меня получился бы куда более приятный вечер, и я не сидел бы здесь с этой писаниной. Но мне было любопытно проверить, не получится ли с ней переспать. Я знал, что она будет планомерно напиваться, а мне все равно было больше нечем заняться.

.....

Рядом со мной была девушка
моих грез, но она же — источник
наиболее сильной боли,
какую мне доводилось испытать.

.....

Мои варианты были таковы: (1) подвергаться пыткам от рук красивой блондинки, похожей на Деву Марию, хоть с какой-то отдаленной надеждой на секс, или (2) пойти на очередную встречу АА. На самом деле, здесь я несправедлив, поскольку на встречах нью-йоркского отделения АА в Сохо бывают самые сексуальные женщины, каких я только видел в своей жизни. Я был там на прошлой неделе. Но я продолжал сидеть, игнорируемый единственной девушкой на свете, которая была мне небезразлична, и получающий слишком много внимания от Бра-

зильской Рубашки. Примерно после третьей пинты колы со льдом мне стало по-настоящему скучно. А потом у меня возникло это неопределенное ощущение в голове. Точнее было бы сказать — онемение. Вроде как там была боль, но что-то ее притупляло.

Бразильская Рубашка наклонялся очень близко к ней. Слишком близко. Достаточно близко, чтобы можно было ее целовать. Он не целовался с ней, но мне не показалось бы странным, если бы он это сделал. В какой-то момент он встал между ее ногами и наклонился над ней, а она в это время откинулась назад на своем барном табурете, опираясь локтями о стойку.

Это было нереально — то, как она смотрела через его плечо на меня, словно говоря: «Смотри, что я делаю. Смотри, что он делает. Разве это не вызывает у тебя гнев?» Вызывало. А еще это заставило меня почувствовать себя дураком. Но эта сцена оставалась неоднозначной для трактовки. Он, возможно, решил попытать счастья. Она была привлекательна, в конце концов, или, может быть, использовала свое право — право молодой цыпочки — пофлиртовать в пятничный вечер в баре в центре Нью-Йорка. Конечно. Но то, что случилось дальше, перевело происходящее на совершенно иной уровень.

А происходило вот что. Если можете, представьте, что стоите в баре, справа от вас барная стойка с большим зеркалом позади нее. Девушка, которую вы любите, сидит справа от вас, между стойкой и вами. Парень в бразильской рубашке, которого вы ненавидите, стоит спиной к вам и разговаривает с другой ее подругой. Девушка, которую вы любите, делает обеими руками жест, который может означать только одно. Она держит обе руки перед собой, словно описывая длину маленькой рыбки. Маленькой рыбки? Делая это, она хихикает и смотрит на вас. Вы на самом деле не осознаете, что она имеет в виду. Вы вопросительно смотрите на нее. Вы благодарны за то, что она вообще на вас смотрит. Она снова бросает на вас взгляд и показывает этот жест Бразильской Рубашке. Он смотрит на ее руки, потом на вас — и ухмыляется, словно ему за вас неловко. Почти сочувственный взгляд. Она наклоняется вперед и что-то шепчет ему. Его ухмылка становится шире. Теперь его лицо сияет. Она кажется более счастливой, чем вы когда-либо ее видели. Она прекрасна, но не хочет, чтобы вы так на нее смотрели. Она видит, насколько вы охвачены любовью. Она снова наклоняется вперед, и он нагибается, чтобы подставить ей ухо. Она могла бы поцеловать его в висок. Она снова показывает руками эту «рыбку». На этот раз «рыбка» еще меньше. Затем смеривает

вас взглядом. Он повторяет этот взгляд. Они смеются вместе. Чтобы не чувствовать себя изгоем, вы тоже смеетесь.

Неловко. Затем он громко говорит, словно обращаясь к той другой девушке:

— Я бы сказал ему, что он мертв и похоронен и что поверх него похоронены еще четверо других. Сколько?..

С этим вопросом он поворачивается к ней, чтобы уточнить. Она считает на пальцах. Переигрывает, намеренно прижимая палец к губам, притворяясь, что задумалась, а затем загибает еще один палец. Он продолжает:

— Я похоронен поверх него... Я хотел бы быть похороненным поверх него... или в тебе.

Она бросает в ответ:

— Нет уж, сверху буду я.

Договор заключен.

Он пожирает ее глазами, точно они собираются заняться этим здесь и сейчас. Вы схватываете идею. Единственное, что есть в происходящем милосердного для вас, — это что они устроили представление не прямо вам в лицо, что позволяет сделать вид, будто вы не понимаете. И вы, насколько возможно свет-

ски, подвигаетесь к той другой девушке и заводите вежливый разговор. Вам нужно время. У вас мутится в голове. Если то, что вы думаете, действительно происходит, то вам лучше убраться отсюда, поскольку это по-настоящему мерзкое дерьмо.

Но вы не можете быть уверены. По крайней мере, не так быстро. Что, если вы неправы и скроетесь бегством? Это будет уже во второй раз. Это ее друзья, что они о вас подумают? Или она сама. Если они смеются над вами сейчас, что они сделают, когда вы уйдете? Так что вы остаетесь. Та другая подруга ничем вам не помогает. Она буквально оглядывается на нее, словно говоря: «Он — твоя проблема, сама с ним и разбирайся». Она разбирается. Вы облачиваетесь на стойку, разговаривая еще с одним из ее друзей, с каким-то олухом из Голуэя. Кстати говоря, единственная причина, по которой вас пригласили, — это потому что здесь присутствуют двое ее друзей, приехавших в город только на выходные, с которыми вы должны познакомиться. Это, как вы позднее понимаете, и есть те студенты-издатели из Гарварда. Одна из них — ирландка, и вы хватаетесь за соломинку. Старые школьные приятели, несомненно. И они стоят примерно в пяти ярдах от нее. Потом это происходит. Медленно. Или, может

быть, вам только кажется, что медленно, словно вы вспоминаете это в замедленной съемке. Бразильская Рубашка натянул зеленую камуфляжную куртку и держит в руках парусиновую сумку. Он подходит к вам и ставит сумку на пол рядом с вашими ногами. Взмахнув кистями рук, поддергивает выше манжеты, как пианист перед началом исполнения. Вы ощущаете облегчение, поскольку думаете, что он собирается уйти. Теперь он стоит перед вами, меряя вас взглядом с ног до головы. Он берет то, что, как вы знаете, называется экспонометром (используется фотографами для измерения количества света, отражаемого предметом), и делает замер. Эта штука направлена на вас. Жестами показывает какие-то числа людям, которые теперь подозрительно смахивают на маленькую аудиторию, состоящую из девушки, которую вы любите, и ее союзников. Они болтают между собой, но бросают взгляды на вас и вашего нового друга с нескрываемыми ухмылками и периодическими взрывами глумливого смеха. Вы спрашиваете Бразильскую-Рубашку-Теперь-В-Камуфляжной-Куртке, не собирается ли он сделать фото. Он не отвечает. Поскольку вы арт-директор, вам знакомы жесты, которые он делает, сообщая фотографу, какую скорость затвора и диафрагму установить на камере. Вы ощущаете неуверенность. Во всем этом есть что-то

неправильное. Этот парень действует с профессионализмом, который начинает нервировать вас. Нынче вечер пятницы, разве не следует всем быть более расслабленными? Почему он так серьезен? Потом вы видите, что экспонометр исчез. Снова спрятан в сумку? А он держит в руках камеру. Отводит ее от себя. Плотнo зажмурив один глаз, смотрит вначале сквозь объектив на свет, затем вниз. Он переигрывает. Его движения клоунские и гротескные. Словно он выполняет определенные действия, чтобы доставить удовольствие остальным. Однако что же это за удовольствие? Он смотрит только в объектив. Снимает с него пылинку, чтобы видно было отчетливее.

.....

Если моя теория верна,
они наслаждались восторгом
предубийства. Или, может быть,
просто предвкушали хорошее
вечернее развлечение.

.....

До вас доходит.

Поначалу вы думаете, что у вас паранойя, поскольку, будем смотреть правде в лицо, вы очень к ней склонны. Но потом вы осознаете, что это единственное решение всей этой эскапады.

Смягчая ситуацию креативной отвлекающей попыткой, вы говорите ему:

— Ты словно хочешь показать, что у меня маленький член.

Объектив камеры направлен точно на вашу ширинку.

Он прищуривается еще сильнее, когда она указывает туда. Вы смеетесь. Вам это не нравится, но вы смеетесь. Лучше смеяться вместе с другими, чем быть посмешищем. Вы соображаете. Вы видите его реакцию: он словно говорит «и как ты догадался?». Он обращается к аудитории за указаниями. Пожимает плечами. Указывает на вас, потом на собственную макушку и губами артикулирует слова «он знает» — или, по крайней мере, так вам кажется задним числом. Он пристально смотрит на вас озадаченным взглядом. Вы улыбаетесь. Вы думаете, что сами подали ему эту идею.

Он делает это снова. На сей раз откровенно.

Вот здесь я хочу внести предложение для киноверсии книги, которую вы сейчас читаете. После вступительных титров экран становится черным. Проигрывается симфония «Данте» Ференца Листа, появляется привычная претенциозная цитата белыми буквами на черном:

*Я увожу к отверженным селеньям,
Я увожу сквозь вековечный стон,
Я увожу к погибшим поколениям...
Входящие, оставьте упования¹.*

Может быть, предостережение Данте следовало бы написать над дверью «Тома и Джерри». К этому времени Бразильская-Рубашка-Теперь-В-Камуфляжной-Куртке наставляет объектив на ваш член и открыто гримасничает якобы от усилий, которые прилагает, пытаясь рассмотреть вашу маленькую штучку. Он снова снимает с объектива воображаемую пылинку, которая наверняка скрывает от его взора ваш крохотулечный член. Смотрит на вас с глумливым сочувствием.

Вам это не доставляет удовольствия. Но вы не можете позволить ему это понять. Вы смеетесь, как будто считаете его очень остроумным. Смеется и аудитория. Теперь я знаю, что происходит, думаете вы. Они делают из вас дурака. Вы и есть развлечение. Пятничный вечер в пабе, и вы, мой друг, — угощение. Вы рискуете бросить взгляд на девушку, которую любите.

Она такая милая. Даже когда смеется над вами. А она смеется. Вам всегда нравился ее смех. Вы сме-

¹ Цитата из «Божественной комедии» Данте Алигьери в переводе М. Лозинского. — *Прим. ред.*

етесь вместе с ней. Ее смех усиливается. Она смеется над тем фактом, что вы смеетесь. Вот она указывает на Бразильскую-Рубашку-Теперь-В-Камуфляжной-Куртке. Вы прослеживаете взгляд ее смеющихся глаз. Он протягивает вам объектив. Он предлагает его вам. Вам приходит в голову, что, если вы его возьмете, по крайней мере, это положит конец всей мучительной трагедии. И вы его берете. Он теплый на ощупь... Но погодите-ка, забыл сказать, как же это я мог забыть? Чуть раньше вы попытались выйти в туалет, вы думали про себя: «Пошло все к такой-то матери. Я не обязан стоять здесь и терпеть это». И вы делаете движение в направлении туалета с намерением собрать в кучу мысли, а может быть, даже сумку и пальто, и убраться отсюда. Но нет! Два парня — один из них ростом около 195 см, очень аристократического вида — слишком твердо кладут руки вам на плечи и останавливают вас.

— Погоди, — говорят они, улыбаясь. — Давай-ка увидим это, — и указывают на объектив.

Вы говорите:

— Я вернусь через секунду, — и тоже улыбаетесь.

Но теперь речь уже не идет об обиде или даже гневе. Теперь вы напуганы. Они ведут себя достаточно любезно, но не дают вам пройти в туалет. Что это за

хрень вообще? Вы стоите смирно. Вам нужно подумать. Парень с объективом подмигивает вам. Аудитория хохочет. Вы думаете, что можете попытаться прорваться сквозь их строй, но не делаете этого. Вы разворачиваетесь и просите бартендера позвонить в полицию. Вы улыбаетесь, озвучивая эту просьбу, но все равно просите. Он смотрит на вас странным взглядом, но недостаточно странным. Может ли он тоже участвовать в этом маленьком салонном развлечении? Он кажется недостаточно ошеломленным. Спрашивает вас, зачем звонить. Вы говорите ему, что эти парни к вам пристают, тыкая большим пальцем в грудь. Кажется, он послушался, но идет к аудитории, а не к телефону, и вступает в разговор с компанией. Теперь вы уже очень встревожены.

Итак, вы берете объектив, думая, что, может быть, ваша идея позвать копов показала Бразильской Рубашке, что продолжать это унизительное фиаско бессмысленно. Но вы не можете удержаться и не испытать его. Вы держите объектив под тем же углом, под которым он рассматривал вас. Направляете на его ширинку и прищуриваетесь. Чувствуете себя немного отмщенным. Делаете это еще раз. Так, уже достовернее. Но вам требуется пара секунд, чтобы осознать, что у него в руке — другой объектив, направленный на ваш уже осмеянный стержень.

На этот раз — гигантский объектив для телефотосъемки.

В этот момент вы должны были его ударить. Когда чаша переполняется. Но вы почему-то в порядке. Вы можете это стерпеть. До такой степени, что улыбаетесь ему.

Улыбаетесь ему?

.....

Если то, что вы думаете,
действительно происходит,
то вам лучше убраться отсюда,
поскольку это по-настоящему
мерзкое дерьмо.

.....

Да. И это искренняя улыбка. По какой-то причине вы внезапно находите все это вроде как лестным для себя. Лестным потому, что эти урбанисты и космополиты так усердно старались унижить вас. Может быть, срабатывает защитный механизм, но, честно, именно это вы и чувствуете. Он снова подмигивает вам. Тем самым подмигиванием, которое является последним жестом перед тем, как два человека начинают драться. Я уже видел такое подмигивание прежде. Я участвовал во множестве драк в барах. По-

правка: меня били во множестве драк в барах. Это подмигивание прямая противоположность тому, что оно обычно означает. Так один мужчина подмигивает другому, когда всплывает правда о том, что он втайне занимался сексом с его женой. Оно издевательски-дружелюбно говорит: «Я трахаю твою жену, а следовательно, и тебя». Это такое же интимное действие, как и последующая драка. Но вы не испытываете желания узнать этого парня ближе, чем уже знаете. Вы улыбаетесь. Ваша улыбка тоже говорит нечто прямо противоположное тому, что означает обычно. Она говорит: «Я не собираюсь ввязываться в драку с таким мудаком, как ты. Я не идиот». Он по-прежнему держит телефотообъектив.

И внезапно происходит гигантская вспышка света.

Гигантская.

Поначалу вы думаете, что это молния. Но в здании?.. Потом понимаете, что это вспышка камеры. И поскольку вы арт-директор, до вас доходит, что это не просто обычная вспышка камеры. Это такая вспышка, какую профессиональные фотографы используют в студиях. Кажется, что свет протянулся над всеми, как гигантская белая рука, которая потянула вас за грудь большим и указательным пальцами. Она почти вынула что-то из вас. Почти. После

этого вы вспоминаете что-то насчет того, что аборигены, или новогвинейцы, или еще какие-то такие же первобытные люди верят, будто камера может украсть душу. Вскоре после всего этого вы с ними согласитесь. Но вы каким-то образом остаетесь невредимы. Вы просто это знаете. Вы это чувствуете. Нападение на вас произошло, и вы его отразили. Вы чувствуете себя отнюдь не прекрасно, но знаете, что выживете. Это хорошее чувство. Вы знаете теперь, что по какой-то причине они делают ваши профессиональные фотографии. Вам плевать. Все, что вы знаете, — это что от фотографии, на которой вы стоите в баре и улыбаетесь, никому никакого проку. Так что вы продолжаете улыбаться. И, не думая, отгибаете средний палец — идите-ка вы — на правой руке, а руку, в свою очередь, показываете аудитории. Не совсем победа, но вы чувствуете, что должны открыто признать: вы сознаете, что вас унижают.

Вот вам.

Глядя на них, вы ждете, когда будет сделан следующий снимок. Вы стараетесь сказать им: «Ладно. Так вы хотите меня фотографировать? Получите. Это единственное фото, которое вы сделаете со мной сегодня». Но у Бразильской-Рубашки-Теперь-В-Камуфляжной-Куртке появляется идея. Не-

плохая, приходится признать. Он начинает, прищурившись, разглядывать через телефотообъектив ваш поднятый палец. Это, конечно, не ваш член, но сойдет.

Вы понимаете, к чему он клонит, и снова опускаете руку. Он разочарован. Он знаком велит вам снова поднять руку. Вы отказываетесь. Теперь он раздражен. События идут не по плану. Он поворачивается к девушке ваших грез за вдохновением. Она занята, хвалит его за идею с пальцем. Бесшумно аплодирует ему. Он кланяется.

.....

Она такая милая. Даже когда смеется над вами. А она смеется.

.....

Она хочет повторить это еще раз.

— Мы это не сняли, — говорит Бразильская-Рубашка-Теперь-В-Камуфляжной-Куртке.

— Просто сделай так рукой еще раз, и мы оставим тебя в покое.

Его слова вы воспринимаете как победу. Вплоть до этого момента вы не были уверены, реальный весь этот фарс или воображаемый; в конце концов, в последнее время у вас было немало стресса; но теперь

вы знаете наверняка. Вы решаете про себя, что, какие бы еще события ни произошли сегодня вечером, он/они/она не получают это ваше фото.

Вы улыбаетесь. Вы хотите, чтобы они знали, что вы побеждаете или, по крайней мере, верите, что побеждаете. Далее он достает расческу. Высоко поднимает над головой, чтобы видели все. Точно волшебник палочку, он держит ее между указательным и большим пальцами. Проворно причесывает сначала ваше правое предплечье, потом левое. Вы искренне озадачены таким развитием событий. Потом до вас доходит. Вы смотрите на нее. Ее лицо — сама утонченность, но глаза остекленели от ненависти.

К вам. Она ненавидит вас? Почему? Это сейчас не важно. Прямо сейчас вам нужно из этого выпутаться. К вашему стыду и вечному позору, у вас на спине и руках растут волосы. Позднее вы сделаете эпиляцию, но в данный момент они есть.

Единственным человеком в этом баре, кто знал о вашей растительности, была Эшлинг... а сейчас и мсье Бразильская-Рубашка-Теперь-В-Камуфляжной-Куртке. Она сказала ему. Начинает раскрываться чудовищность всего замысла. Она собирается вас уничтожить. Вот тогда-то вам приходится по-настоящему сдерживать себя, чтобы не изобразить ка-

кой-нибудь жалкий жест, типа ударить или пнуть кого-то. Вы будете испытывать вечную благодарность за то, что этого не сделали. Судебные иски в Соединенных Штатах — обычное дело, и человек, зарабатывающий 200 000 долларов в год, стоит усилий.

Бразильская-Рубашка-Теперь-В-Камуфляжной-Куртке уже внаглую пытается спровоцировать вас расческой, объективом и — время от времени — тычком пальцами в грудь, то и дело подмигивая. Вас продолжает защищать шок. Вам очень хочется наброситься на него, но что-то останавливает. Вы молитесь.

Я молился.

Может быть, это и помогло. На самом деле, я должен сказать об этом конкретнее. Я знаю, что помогло именно это. Иначе я попытался бы убить его. И, оглядываясь назад, тот факт, что он надел камуфляжную куртку, должно быть, означал, что он с уверенностью рассчитывал, что я попытаюсь. При наличии фотографий и свидетелей со всех сторон это было бы неудачным шагом. Моя рекламная идея насчет того, чтобы подбить кого-то подраться под ее фотографией, воплотилась бы в реальность. Поэтично.

Это был бы превосходный вклад в ее работу. Рекламщик, который падает на собственный отравленный меч. Она могла бы сыграть роль ангела мщения.

Я воображал это красивое невинное лицо, выглядывающее с клапана суперобложки. Отличный черно-белый портрет, сделанный Питером Фрименом.

Нет, она не стала бы публиковать эту книгу, пока не закончила бы свою работу с ним. Имейте в виду, даже он не был застрахован. Ему следовало бы вести себя осторожнее. За четырехлетний период она могла нащелкать сколько угодно его фотографий.

Так что в конечном счете я не дал ей ничего из того, что она хотела для своей книги, за исключением нескольких статичных кадров, на которых я стою в баре с дурацкой улыбкой на лице. Может быть, они были достаточно хороши, чтобы их использовать. Может быть, нет, но я хотя бы не подарил ей фото, на котором катаюсь по полу в драке в баре. Пронесло!

Полагаю, мои записи — это попытка осмыслить то, что случилось, и забыть. Опять же, я сомневаюсь, было ли это на самом деле. Я словно все это вообразил. Самое странное — то, насколько умно была поставлена эта сцена. Я с удовольствием сам поучаствовал бы в чем-то таком семь лет назад, когда играл в похожие игры. Но мои тогдашние старания были не более чем духовным вандализмом. А это было сделано профессионально.

Я сорвал зло на девушке, с которой был четыре с половиной года. Эта половина имеет значение. Я поступал с ней по-свински. Неверный, нелюбящий и большую часть времени невменяемый. Она сказала, что ей нужно некоторое пространство. Поначалу я был рад, потом безутешен. Отличный повод, чтобы напиться. Я и пил. Много. Но в то время как все это спиртное вливалось внутрь, я развлекался тем, что использовал историю своего разбитого сердца, чтобы «кадрить» других девушек, забредавших в убогие бары, завсегдаем которых я был. Я заманивал их в свои так называемые сети, а когда убеждался, что они влюбились в меня, начинал нападать на них. Я воображал себя беззаботным плейбоем в смокинге и шейном платке. Я наслаждался, причиняя им боль. Я не признавал всей глубины ее воздействия. Я понимал, как сильно нравился им, только после того как делал им больно, а к этому времени было уже слишком поздно. Поправка. Я знал. Именно поэтому и делал им больно. Как могли они любить меня? Я наказывал их за то, что они любили меня. Я также знал, что даже после того, как я делал им больно, они продолжали любить меня — иногда даже больше — в силу своей натуры.

Мне стыдно признаться, но я считал это самой дьявольски продуманной частью всего дела. Тот самый факт, что они по природе были заботливыми и лю-

блещущими, должен был становиться жерновом, который утопит их. Эта формула идеальна. Медсестра готова принести себя в жертву ради пациента. Но пациент страдает не от какого-то внешнего недуга, а от ран, нанесенных самому себе. Медсестра хочет уберечь его от этой боли. Пациент хочет, чтобы она тоже ощутила эту боль. Как иначе она его поймет? И она присоединяется к нему. Теперь у нас два пациента. Как-то так. Но я, по крайней мере, был способен распознать некоторые признаки происходящего. Чего никогда не сумел бы сделать, если бы сам через все это не прошел.

.....

Я уже видел такое подмигивание
прежде. Так один мужчина
подмигивает другому,
когда всплывает правда о том,
что он втайне занимался сексом
с его женой.

.....

А еще я просто хочу включить сюда упоминание о «французском следе». После всей этой истории я узнал, что в Париже в среде аристократичных французов есть модная привычка приглашать на общественные мероприятия, как мы когда-то говорили

в Ирландии, вербальную боксерскую грушу. Очень важно, чтобы жертва не знала, что происходит.

Жертву приглашают на ужин или иное сборище, и она поневоле обеспечивает остальным гостям всяческое веселье. Вечер считается успешным, если каждому удастся разок воткнуть нож в беднягу, и еще более успешным, если тот не знает, что происходит. Так что я знаю — вы, должно быть думаете: Иисусе, у этого парня бзик насчет всего этого дела. Но, говорю вам, я не хочу, чтобы ее книжонка вышла без всякой реакции с моей стороны. Я ведь буду абсолютно беззащитен.

Разумеется, я даже не знаю, сумею ли уломать кого-то это опубликовать, но надеюсь, что смогу издать свою книгу прежде, чем выйдет ее. Таким образом, первое слово в этом деле будет моим. Тогда мне будет до фонаря, какие мои снимки у нее есть.

В смысле — можете себе это представить?

Фото-долбаное-эссе — часть вашей жизни. Справедливость? Справедливость ли это, что кто-то будет манипулировать моим изображением после того, как я провел последние десять лет в рекламе, манипулируя другими изображениями ради денег? Может, и справедливость. По крайней мере, если вы это читаете, то можете выслушать мою сторону. Я знаю,

что если бы увидел ее книгу и в ней был какой-то парень, связанный с рекламой, я просто сделал бы вывод, что он заслужил то, что получил. Стереотипы, видите ли. Вроде как я сам ожидал, что меня застрелят в Нью-Йорке, как только я сойду с самолета.

Так что, кстати, я опять отклоняюсь от темы. О чем бишь я? Ах да, «входящие, оставьте упования»... Иисусе, я до сих пор содрогаюсь, проходя мимо этого бара. У меня теперь есть подруга, которая живет в том районе. Я часто хожу мимо него. Мне это не нравится. Она все об этом знает. Она француженка. Поначалу меня бесило, что она живет рядом с тем баром, поскольку я думал, что она — из команды Эшлинг и у нее есть задание растоптать меня еще сильнее. Она считает, что мне следует пойти к психотерапевту. Да я и так хожу на шесть встреч АА в неделю. Но она милая, и мне нравится. Я нравлюсь ей. Скажем так, мы нравимся друг другу. Кстати говоря, по-французски «член» будет *bite*. Так что я полагаю, это своего рода счастливая концовка, потому что ничего на самом деле не закончено, я по-прежнему живой и намерен таковым оставаться, и все еще жду выхода в свет ее книги.

На самом деле, мне только что пришло в голову, что у этой моей книги — если это книга — тоже нет конца, ни счастливого, ни иного. Это всего лишь за-

пятая в предложении, которое будет дописано тогда, когда выйдет ее книга. Во всем этом есть элемент мести. Я способен понять, что здесь присутствует одна моя сторона — зашоренная, и печальная, и изломанная, и озлобленная, и вообще напоминающая корни какого-нибудь европейского дерева (в этой гребаной стране не увидишь корявых узловатых корней). Страница за страницей осунувшейся, измощенной желчности. Однако на самом деле я этого не чувствую, честно.

.....

Ее лицо — сама утонченность,
но глаза остекленели
от ненависти.

.....

Погодите, вы пока еще не все слышали. Прямо перед тем как я решил уйти из «Тома и Джерри» в тот судьбоносный вечер, голубоглазая блондинка, которая выглядела слишком юной, чтобы ей наливали алкоголь, передала мужчине из Голуэя пинту кока-колы. Затем мужчина из Голуэя передал эту пинту колы мужчине из Килкенни, который ни разу не выпил спиртного за почти уже шесть лет. Он был алкоголиком. Ему вообще не следовало быть в баре. Он сильно рисковал. Он был, в конце концов,

влюблен в девушку, которая только что купила этот напиток. Эта пинта колы не так уж сильно отличалась на вид от пинт «Гиннеса», к которым, казалось, припадали все остальные. В этом и была идея. Не отличаться. Вписаться. У него выдался странный вечер. К тому же он выпил много кока-гребаной-колы. Но этот бокал был от нее. Он был особенным. Он это знал. Она это знала. Мужчина из Голуэя это знал. Скажем так, это было известно. Мужчина из Килкенни взял в руку этот бокал. Она смотрела на него издали. Казалось, она старалась сохранять безопасную дистанцию. Словно боялась, что он может броситься на нее без предупреждения. Она почти как будто хотела, чтобы он бросился на нее. Она стояла там, готовая действовать, готовая спастись бегством. Ее поза оказала на него странное воздействие. Он обнаружил, что ищет в своей душе причины, по которым ему могло бы захотеться броситься на нее.

Не нашел ни одной. Он был защищен от чего-то. Защищен чем-то другим. Чем-то таким, что встало между ним и побуждением броситься. Он логически понимал, что его выставили дураком, причем со знанием дела, но его право на ответ было... отложенным. Не отмененным, только оставленным на потом.

Она подняла бокал в насмешливом приветствии и подмигнула ему, словно говоря: «Попался!», — и от этого должно было быть больно, но не было. Не в тот вечер. Позднее это ранило его настолько глубоко, что ему приходилось скрипеть зубами, чтобы суметь вдохнуть. Озарения обжигали и резали его, словно сама кровь сделалась ядовитой. Точно вместо нее в нем текло толченное стекло. Он видел ее милое лицо, смеющееся над ним.

Однако в тот вечер все это на него не действовало. Он приподнял свой бокал и подержал его на весу, создавая, пусть даже всего на пару мгновений, симметрию между ними, которой вплоть до этого момента не существовало. Будь это кино, в нем были бы крупные планы: вначале ее улыбка, когда она поднесла свой бокал к губам, а потом его, когда он поднял свой. Монтаж: туда — сюда. Ее верхняя губа погружается в пенистую жидкость. Его — тоже. Она глотает. Он — нет. Она отводит бокал от губ и поднимает его высоко в триумфальном жесте. Его бокал остается на месте, перед нижней половиной лица. Его верхнюю губу холодит кола. Он ощущает запах водки. Он верит, что ощущает запах водки. Человек из Голуэя смотрит на них так, словно они играют в теннис. Человек из Килкенни повинуетя некоему голосу, существование которого признаёт

только многие дни спустя: «НЕ ПЕЙ ЭТО». Его не мучит жажда. В конце концов, он выпил уже пять пинт этой дряни. Алкоголик не хочет пахнуть выпивкой. Забавно, право, можно было бы подумать, что нам наплевать. Но есть один маленький трюк, которому учишься, если не хочешь начать пить снова, — завести себе привычку нюхать все, что пьешь. Даже чай.

Хорошая привычка. Может спасти тебе жизнь.

Итак, вот оно, самое главное... если опубликуют это, то велика вероятность, что не станут публиковать ее книгу фотоэссе, поскольку ее методы были разоблачены. Или, если станут, первое слово будет за мной. Я уже успею обнажить все свои чувства в отношении случившегося. Если же это не опубликуют, тогда ее книга, вероятно, выйдет примерно через год, и я буду унижен или как минимум слегка опозорен, и она будет победительницей, и я навеки останусь благоговеть перед ней. Если вы это читаете, значит, мою книгу опубликовали, и теперь я работаю над следующей либо над сценарием по этой.

Поздравьте меня.

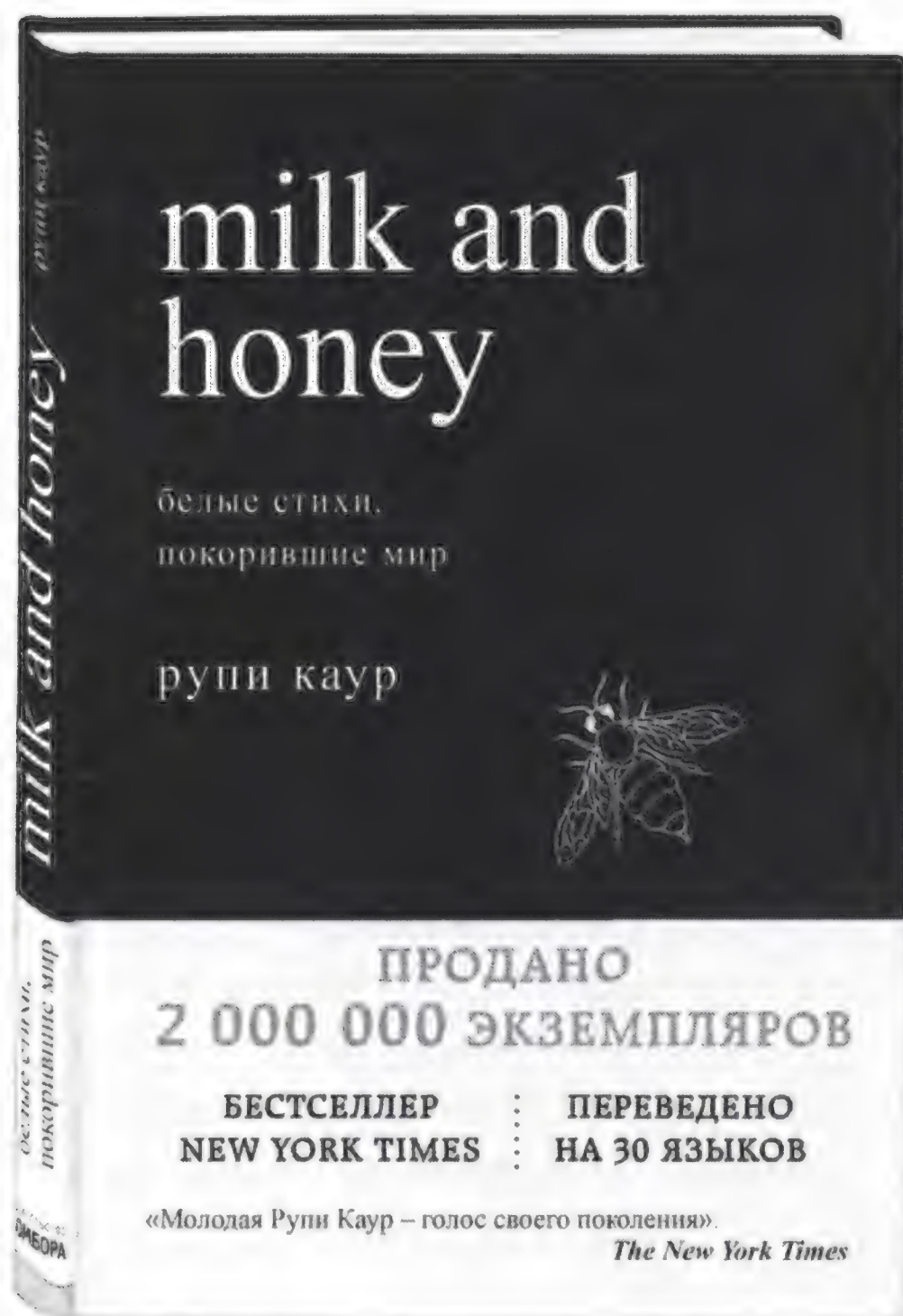
ТАКЖЕ ВАМ ПОНРАВИТСЯ

ПРОДАНО 2 МИЛЛИОНА ЭКЗЕМПЛЯРОВ

ПЕРЕВЕДЕНО НА 30 ЯЗЫКОВ

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES

3000 ОТЗЫВОВ НА AMAZON.COM

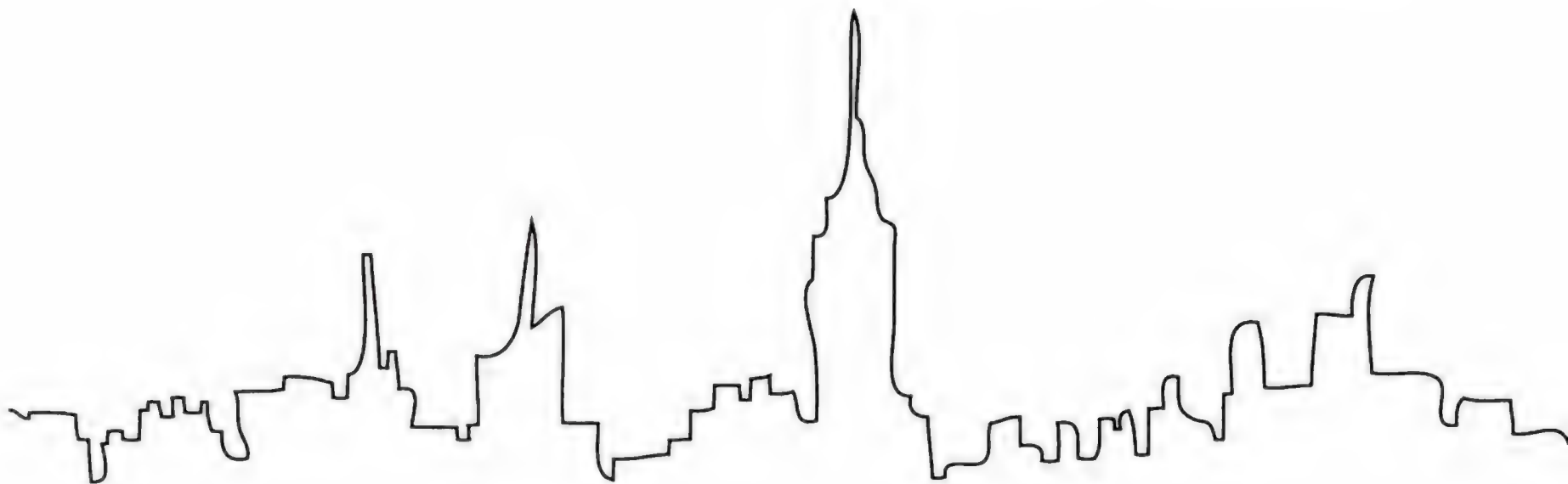
Лирический сборник Рупи Каур — это откровенная, смелая и чувственная поэзия, которая захватывает с первых строк.

Ее стихи не имеют рифмы, но поражают в самое сердце.

Ее иллюстрации символичны, но накаляют чувства.

Ее книгу никто не хотел публиковать, но она стала мировым бестселлером.

did you think i was a city
big enough for a weekend getaway
i am the town surrounding it
the one you've never heard of
but always pass through
there are no neon lights here
no skyscrapers or statues
but there is thunder
for i make bridges tremble
i am not street meat i am homemade jam
thick enough to cut the sweetest
thing your lips will touch
i am not police sirens
i am the crackle of a fireplace
i'd burn you and you still
couldn't take your eyes off me
cause i'd look so beautiful doing it
you'd blush
i am not a hotel room i am home
i am not the whiskey you want
i am the water you need
don't come here with expectations
and try to make a vacation out of me

ты думал, что я город,
достаточно большой для развлечений,
но я — соседний городишко,
тот, о каком ты никогда не слышал,
и каждый раз лишь проносился мимо,
без всех этих неоновых огней,
без небоскребов или статуй,
но с громом,
сотрясающим мосты.
я не фастфуд — домашнее варенье,
достаточно густое, чтоб вобрать
в себя всю сладость из возможных,
не полицейские сирены —
треск костра,
сожгла б тебя, но все равно
ты не отвел бы взгляда,
ведь я неповторима за работой,
что вогнала бы тебя в краску.
я не гостиница, я дом,
не твой любимый виски,
а вода, какой ты жаждешь,
не привози своих мне ожиданий,
устраивай свой отпуск в другом месте.

we are all born
so beautiful

the greatest tragedy is
being convinced we are not

мы все были рождены
такими красивыми.

великая трагедия заключается в том,
что нас убедили в обратном.

КНИГА, КОТОРАЯ ЛЕГЛА В ОСНОВУ ОДНОИМЕННОГО ФИЛЬМА С РИЗ УИЗЕРСПУН В ГЛАВНОЙ РОЛИ

13 000 отзывов на Amazon

Когда жизнь становится черно-белой, когда нечего терять, нет ни цели, ни будущего, ни желания жить, люди порой решаются на отчаянные поступки. Потеряв мать, разрушив свой брак и связавшись с наркоманом, Шерил дошла до той черты, за которой зияла бездна. Ей нужна была веская причина, чтобы начать новую жизнь, перестать заниматься саморазрушением и попытаться спасти себя. И она в одиночку отправилась в пешее путешествие длиной 1770 км. Поход Шерил был не только трудным, но и опасным. Ей пришлось пройти 27 километров по палящей пустыне лишь с небольшим запасом воды, совершить несколько дневных переходов длиной в 30 километров, пройти по узкой тропе, расположенной выше 2 тысяч метров над уровнем моря, взобраться на заснеженную гору с рюкзаком весом 36 килограмм. Но что было сложнее — выдержать тяжелейшие условия или найти ответы на свои вопросы?

Откровенный и эмоциональный рассказ женщины, преодолевшей себя, вдохновляет на наведение порядка в собственной жизни. Чтобы прийти к себе, не обязательно отправляться в путешествие, иногда достаточно лишь взглянуть со стороны на то, как это уже кто-то сделал. Полное опасностей приключение позволило Шерил кардинально изменить свою жизнь, обрести душевное равновесие и гармонию.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Издание для досуга

Аноним

ДНЕВНИК КИСЛОРОДНОГО ВОРА

Главный редактор *Р. Фасхутдинов*
Руководитель направления *Л. Ошеверова*
Ответственный редактор *А. Хацаева*
Художественный редактор *П. Петров*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.09.2018. Формат 84x120¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,12.

Тираж 4000 экз. Заказ 9520.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-99531-8

9 785699 995318 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел.: /факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Нижний Новгород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза».
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Санкт-Петербург. ООО «СЗКО». Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,
д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: petrova.ea@ekat.eksmo.ru

Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.
Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.mag@rnd.eksmo.ru

Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровске. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алебашевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/ 97/ 98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru

Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си». Центр оптово-розничных продаж
Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.
Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: exmoast@yandex.by

Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровского, д. 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-59-90 (91,92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вербовая, д. 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

**Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.**

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

EKSMO.RU

новинки издательства

«Это история об алкоголике-
женоненавистнике, от которого
без ума молодые женщины.

Вы узнаете все о темной
стороне мужской психики».

**БЕРД ЛИВЕЛЛ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ
АГЕНТ WAXMAN LEAVELL**

«Самый честный и реалистичный
рассказ о том, как мы причиняем
друг другу боль».

GOODREADS.COM

«Я прочитал дневник за день.
Громко смеялся и плакал.
Время от времени мне
приходилось откладывать
книгу, чтобы сердце не билось
так сильно».

AMAZON.COM

«Это невероятно
откровенно. Так выглядит
боль, воплощенная на бумаге».

PUBLISHERS WEEKLY

ТОП-20 САМЫХ ПРОДАВАЕМЫХ КНИГ НА AMAZON И ITUNES **1415 ОТЗЫВОВ** **НА GOODREADS**

*«Мне нравилось принимать теницизм боли.
Эмоциональную, не физическую. Меня
возбуждают лишь душевные страдания.
Я охотился за душами. И самое приятное –
это было законно».*

«Дневник кислородного вора» – книга о том, кем мы являемся на самом деле, если сбросить все маски. Наверное, поэтому от нее невозможно оторваться, несмотря на очень противоречивые чувства. Добро пожаловать во внутренний ад внешне благопристойного и успешного мужчины».

СТАНИСЛАВ, АВТОР TELEGRAM-КАНАЛА POST LOVE

ISBN 978-5-699-99531-8

9 785699 995318 >

БОМБОРА

Бомбора — это новое название Эксмо Non-fiction, лидера на рынке полезных и вдохновляющих книг. Мы любим книги и создаем их, чтобы вы могли творить, открывать мир, пробовать новое, расти. Быть счастливыми. Быть на волне.

f vk @bomborabooks
www.bombora.ru

БОМБОРА

ДІНЄВНИК КИСЛОГО ВОРОГА